З. Я. БОЯРШИНОВА

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО НАЧАЛА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

З. Я. БОЯРШИНОВА

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО НАЧАЛА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

(Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения)

Специальный курс
по истории народов Сибири
для студентов-заочников
исторического факультета
университета

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

Редактор
доктор исторических наук
проф. И. М. Разгон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Западной Сибирью называют обширный край, лежащий к востоку от Уральского хребта, включающий Западно-Сибирскую низменность, Алтайскую горную страну и Кузнецкую котловину с прилегающими к ней горными районами. Вытянутая с севера на юг более чем на 2500 км, Западная Сибирь охватывает географические зоны тундры, лесотундры, тайги, лесостепи, на юге доходит до полосы степей.

С запада на восток Западная Сибирь простирается примерно на 1500 км. Восточным рубежом ее является водораздел между реками Обью и Тазом, с одной стороны, и Енисеем,— с другой.

В настоящее время Западная Сибирь в административном отношении делится на Кемеровскую, Курганскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую, Тюменскую области и Алтайский край. Часть территории, ранее включавшейся в понятие Западной Сибири и лежащей на восточных склонах Урала, ныне входит в состав административно-хозяйственных районов Урала (Свердловская область и др.).

По национальному составу население Западной Сибири неоднородно. На крайнем севере в тундре и лесотундре живут ненцы, народность самодийской языковой группы. Почти вся полоса тайги на восточных склонах Уральских гор и в бассейне Оби заселена угорскими народностями—хантами и манси. По среднему течению Оби и к востоку от нее живут селькупы (остяко-самоеды, по терминологии дореволюционных исследователей). В южной части тайги, лесостепи и в степной полосе сосредоточены тюркоязычные народности: различные группы сибирских татар и алтайцы. По всей территории Западной Сибири широко расселились русские. Эта неоднородность национального состава сложилась исторически.

История народов Западной Сибири является частью истории народов СССР. До победы Великой Октябрьской социалистической революции царская Россия была тюрьмой народов. Население Сибири, как и многих других окраин нашей родины, подвергалось жесточайшему угнетению и эксплуатации со стороны царского правительства и господствующих эксплуататорских классов.

РАЗРАБОТКА ВОПРОСА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История народов Западной Сибири (особенно период, предшествующий включению Сибири в состав Русского государства) в дореволюционной историографии была разработана чрезвычайно слабо. Накопленный археологический материал и свидетельства разнообразных письменных источников о жизни коренного населения Сибири почти не подвергались обобщению и изучению.

Составители сибирских летописей, в том числе и С. У. Ремезов, в своих описаниях главное внимание обращали на ход присоединения Сибири к России и только попутно упоминали о местном населении, перечисляя названия татарских, вогульских (мансийских) и остяцких (хантыйских) поселений, укрепленных «городков», «волостей», называя имена князьков, мурз, сотников, есаулов. В сибирских летописях имеются лишь краткие сведения о занятиях коренного сибирского населения накануне похода Ермака (конец XVI в.), быте и верованиях отдельных племен.

Большое значение для понимания сибирской истории имеет составленная С. У. Ремезовым «Чертежная книга Сибири», в которой дано довольно точное размещение племен и народностей на территории Сибири в конце XVII в., указаны ясачные «волости» в пределах сибирских уездов, укрепленные поселения и юрты местных жителей.

Известный интерес в плане изучения хозяйственной жизни и общественного строя насельников Западной Сибири представляет работа Григория Новицкого (законченная в 1715 г.) под названием «Краткое описание о народе остяцком»[1]). В

[1]) Г. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. (Одна из рукописей книги Новицкого хранится в настоящее время в научной библиотеке Томского государственного университета).

ней автор дал описание природных богатств Сибири, краткие исторические сведения о сибирских татарах, особенно подробно описал хозяйственные занятия остяцких и вогульских групп в начале XVIII в., привел характеристику быта, религиозных верований и обрядов угорских племен. Рассматривая книгу Г. Новицкого как свидетельство современника, мы можем использовать ее данные для анализа общественного строя угорских народностей к концу XVII—началу XVIII вв., но для понимания древней истории местных групп книга Новицкого, как и сибирские летописи, дает очень мало сведений.

Историки XVIII в. Г. Ф. Миллер, В. Н. Татищев выявили и обобщили документальный материал по характеристике древней истории отдельных народностей Западной Сибири. Участник академической экспедиции 1730—1740 гг. Г. Ф. Миллер собрал ценнейшие письменные документы в сибирских архивах, одним из первых использовал иллюстрированную Ремезовскую летопись, местные легенды и предания. Он привез в Москву археологическую коллекцию сибирских древностей, составил ее описание, обследовал татарские, вогульские и остяцкие городища, обнаружил древние курганы между Иртышом и Обью и даже пытался в районе Усть-Каменогорской крепости на берегу Иртыша производить археологические раскопки. В «Статьях о древностях сибирских» имеется одно из первых научных описаний сибирских курганов, характеризуется устройство курганных насыпей, обряд погребения, могильный инвентарь и т. д. Изучая сибирские «писаницы», Г. Ф. Миллер высказал мысль, что «писаницы» и курганы в Сибири принадлежат одному народу, который он назвал «уйгурами». Этот народ еще до татаро-монгольского вторжения заселял лесостепные и степные зоны Западной Сибири[1]).

Другой историк XVIII в., В. Н. Татищев, составил краткую сводку сведений о народах Сибири в трудах древних и средневековых авторов (Геродота, Плиния, Марко Поло, Плано Карпини, Адама Олеария, Эверта Исбранта Идеса, Адама Бранта) и своего современника Страленберга. Татищев пытался объяснить происхождение термина «Сибирь», изложить историю Сибирского ханства, одним из первых в исторической науке отмечал, что до 80-х годов XVI в. Сибирью называлась только небольшая часть территории, лежащей за Уральским хребтом[2]).

В начале XIX в. была опубликована большая работа А. Х. Лерберга под названием «О географическом положении

[1]) Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I. Статьи о древностях сибирских. 1937, стр. 522—523.

[2]) В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России. Географгиз, М., 1950.

и истории Югорской земли...»[1]) Она являлась первым специальным исследованием о древней Югре (так называлась территории Нижнего Приобья с его угорским населением). А. Х. Лерберг, в отличие от Г. Новицкого (описавшего угорские группы остяков и вогулов в конце XVII — начале XVIII вв.), рассматривал древнюю историю угорских племен Западной Сибири. Опираясь на русские летописные известия, он излагал историю отношений Новгорода с Югорской землей, характеризовал занятия местного населения, пытался разобраться в известиях о политической истории Сибирского ханства.

Попытка Лерберга изучить древнюю историю северо-западной части Сибири нашла последователей. В середине XIX в. появилась статья Бушена «Опыт исследования о древней Югре», в которой автор пытался найти истоки родства угорских групп Западной Сибири с венграми[2]).

О возрастании интереса к древней истории народов Западной Сибири свидетельствует появление в 80—90-е годы XIX в. нескольких научно-популярных статей А. В. Оксенова, А. Дмитриева и других исследователей.

Используя данные летописей (в том числе и сибирских), актовые материалы, сведения западноевропейских писателей и путешественников, А. В. Оксенов показывает давние торговые связи угорских племен Западной Сибири с волжскими болгарами, Новгородской республикой, дает описание Сибирского ханства и его политической истории до похода Ермака[3]).

А. Дмитриев, привлекая не только исторические, но и этнографические материалы, делает попытку охарактеризовать местоположение угорских племен, прослеживает изменение значения термина «Югра» в русских письменных источниках с XI по XVII в., довольно подробно рассматривает русско-угорские отношения и ход присоединения Западной Сибири к Русскому государству[4]).

Работы Лерберга, Бушена, Оксенова, Дмитриева и других дореволюционных исследователей освещали главным обра-

---

[1]) А. Х. Лерберг, О географическом положении и истории Югорской земли. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб., 1819.

[2]) Вестник русского географического общества, 1855, кн. IV стр. 180 и следующие.

[3]) См. «Литературный сборник», издание редакции «Восточное обозрение», СПб., 1888; газ. «Томские губернские ведомости», 1888, № 10, 11, 14, 15, 16, 18; газ. «Томские губернские ведомости», 1889, № 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17; «Журнал Министерства народного просвещения», 1891.

[4]) См. «Пермская старина», вып. V, Пермь, 1894

зом вопросы внешних связей сибирских племен и народностей, их торговлю с соседями (прежде всего с русскими), вопросы политической истории Сибирского ханства, но почти не затрагивали социально-экономического развития коренного населения. Из числа дореволюционных ученых, пожалуй, только один С. К. Патканов пытался, используя остяцкие былины и сказания, решить вопрос об общественном строе угров в XIII—XVвв.[1]).

Для понимания социально-экономического строя жителей Западной Сибири известное значение имеют этнографические материалы и наблюдения путешественников XVII—XVIII вв. Из числа путешественников начала XVIII в. следует назвать Лоренца Лянга, оставившего краткие заметки о быте некоторых тюркоязычных групп[2]). Ценные этнографические наблюдения содержатся в трудах участников академической экспедиции 60—70-х годов XVIII в. И. П. Фальк дал описание религиозных воззрений алтайцев[3]). П. С. Паллас подробно охарактеризовал хозяйственные занятия некоторых тюркоязычных племен Алтая (охоту, собирательство), их быт, религиозные обряды, шаманство, составил ряд заметок по археологии[4]). Георги предпринял попытку этнографического описания племен Алтая и других районов Западной Сибири[5]). Интересный материал по этнографии самодийских и других этнических групп северной части Сибири был собран участником этой экспедиции студентом В. Ф. Зуевым[6]).

В течение XIX в. продолжалось накопление этнографических, археологических, лингвистических, исторических материалов, проливающих свет на древнюю историю Сибири. В конце XIX—начале XX вв. в области лингвистического, этнографического и археологического изучения многое сделал тюрколог В. В. Радлов. Энергичная деятельность Радлова по публикации археологических материалов сыграла значительную роль для последующего изучения древней истории коренного сибирского населения. Не утратили своего значения и

---

[1]) С. К. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, ло былинам и героическим сказаниям, «Живая старина», вып. III и IV, СПб, 1891.

[2]) Н. Ф. Катанов, Известия Лоренца Лянга о Сибири, «Ежегодник Тобольского музея», вып. XIV, 1904.

[3]) Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, изд. АН, т. VI, 1824.

[4]) П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, часть III, СПб, 1788.

[5]) И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. II, 1776, части I—IV.

[6]) В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII в., изд. АН СССР, 1947.

этнографические материалы, собранные и обощенные Радловым, хотя идейная направленность его исследований порочна. Во всех своих статьях В. В. Радлов выступал как идеолог великодержавной политики царизма, пытавшейся оправдать колониальное угнетение нерусского населения Сибири.

К началу XX в. были выявлены значительные и разнообразные источники (археологические, этнографические, антропологические, открыты разнообразные письменные документы) по древней истории племен и народностей Западной Сибири, но тем не менее исследований исторического прошлого этих племен и народностей не появлялось. Это объяснялось не только разрозненностью и неполнотой выявленных исторических источников, но, главным образом, господством расистских лжетеорий, которые объявляли народы Сибири «неисторическими», неспособными к развитию и прогрессу, обреченными на вымирание «свойствами низшей расы», годными только для колониального угнетения. Презрительное отношение ко всем нерусским народностям окраин России со стороны шовинистически настроенных историков, несомненно, чрезвычайно отрицательно сказалось на разработке вопросов древней истории Сибири.

В исследованиях сибирских областников (Ядринцева, Потанина) и историков народнического направления (Шашкова, Щапова) хотя и проявлялось весьма сочувственное отношение к угнетенным царизмом народностям Сибири, мы также не находим благодаря идеалистическим позициям исследователей сколько-нибудь цельного и правильного изложения вопросов истории Сибири до включения в состав Русского государства.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда историки стали овладевать марксистско-ленинской методологией, начались энергичные работы по изучению древней истории Сибири, как других окраинных районов нашей страны.

Программа Коммунистической партии по национальному вопросу, национальная политика советского правительства, правильное решение национального вопроса в нашей стране выбили почву из-под реакционных расистских лжетеорий, трактовавших о «неисторичности» и неполноценности малых народов, обреченных, якобы, законами природы на вымирание.

Однако неполнота и разрозненность известных в науке источников (археологических, в первую очередь) долгое время не позволяли советским ученым приступить к обобщающим историческим работам. Нужно было упорно накапливать материал, развернуть плановое археологическое изуче-

ние Западной Сибири, ликвидировать неравномерность археологического обследования отдельных районов ее, разобраться во многих частных проблемах, прежде чем приступить к большим историческим обобщениям и к воссозданию древней истории сибирских народностей.

Одним из серьезных и нерешенных вопросов до сих пор остается вопрос об этногенезе народов Западной Сибири, хотя советские ученые и сделали довольно много в исследовании этой проблемы. В работах Г. Ф. Дебеца[1]), М. Г. Левина[2]), Г. Н. Прокофьева[3]), Е. Д. Прокофьевой[4]), В. Н. Чернецова[5]), Н. Н. Чебоксарова[6]), Г. В. Вербова[7]), Б. О. Долгих[8]) и других советских исследователей решаются вопросы этногенеза народностей Западной Сибири (ненцев, хантов, манси, селькупов, кетов, алтайцев, сибирских татар).

Большое значение для понимания древней истории народов Западной Сибири имеет решение советскими историками ряда вопросов о первобытнообщинном строе. В изучении истории первобытного общества наши исследователи опираются на классический труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», на ряд работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по историческому материализму.

В настоящее время советские археологи накопили богатые материалы для разработки истории первобытного общества. Фундаментальный труд П. П. Ефименко «Первобытное общество»[9]), монография М. С. Косвена «Очерки истории

---

[1]) Г. Ф. Дебец, Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии. Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК, вып. IX, 1941).

[2]) М. Г. Левин, Антропологические типы Сибири, сб. «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956.

[3]) Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. «Советская этнография», т. III, 1940.

[4]) Е. Д. Прокофьева, Ханты и манси. Ненцы. Селькупы, сб. «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956.

[5]) В. Н. Чернецов, Опыт этногенеза обских угров (КСИИМК, вып. IX, 1941).

[6]) Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов СССР, «Советская этнография», 1948, № 3.

[7]) Г. Д. Вербов, О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 5, 1943.

[8]) Б. О. Долгих, Племена Средней Сибири в XVII веке, «Краткие сообщения института этнографии»; VIII, М.-Л., 1949; Расселение народов Сибири в XVII веке, «Советская этнография», 1952, № 3.

[9]) П. П. Ефименко, Первобытное общество (Очерк по истории палеолитического времени), изд. 3-е, УССР, Киев, 1953.

первобытной культуры»[1]), исследования А. П. Монгайта[2]) и других ученых решают ряд важнейших теоретических вопросов по истории первобытного общества, без которых невозможно изучение древней истории народов Сибири.

За годы Советской власти развернулось весьма интенсивное археологическое обследование Сибири. Выявлены археологические памятники не только в южных степных, но в таежных и северных тундровых районах. Советским ученым удалось определить ряд археологических культур. Накопленный и систематизированный археологический материал позволил советским исследователям написать ряд крупных обобщающих работ по древней истории народов Сибири. К числу их следует прежде всего отнести монографию С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (1949 г.), исследования С. И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы» (1952 г.) и «Культура населения горного Алтая в скифское время» (1953 г.), М. П. Грязнова «История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» (1956 г.), А. П. Дульзона «Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар» (1953 г.), В. Н. Чернецова «Древняя история Нижнего Приобья» (1953 г.).

В 1956 г. коллектив авторов, возглавляемый М. Г. Левиным и Л. П. Потаповым, опубликовал сборник «Народы Сибири», в котором имеется обобщающая статья А. П. Окладникова «Древнее население Сибири и его культура», подводящая итоги наших знаний о далеком прошлом Сибири, восстановленном на основании археологических источников.

Советские ученые занимаются изучением истории отдельных народностей Западной Сибири. Научной общественности известна монография Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев». Историей самодийских групп занимаются Е. Д. Прокофьева[3]), А. А. Попов[4]), Б. О. Долгих[5]), Г. Д. Вербов[6]). Изучением исторического прошлого народ-

---

[1]) М. С. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., изд. АН СССР, 1953.

[2]) А. П. Монгайт, Археология в СССР, изд. АН СССР, М., 1955.

[3]) Е. Д. Прокофьева, Ненцы, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.- Л., 1956.

[4]) А. А. Попов, Нганасаны, «Народы Сибири. Этнографические очерки». М.- Л., 1956.

[5]) Б. О. Долгих, Энцы. Там же.

[6]) Г. Д. Вербов, О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII века, «Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 5, 1943.

постей севера Азии занимается Н. Н. Степанов[1]). История угорских народностей привлекла внимание С. В. Бахрушина[2]), В. В. Мавродина[3]), В. Н. Чернецова[4]).

С. В. Бахрушин в монографии «Остяцкие и вогульские княжества» пытался решить вопрос об общественном строе хантов и манси накануне русской колонизации. Борясь против распространенного в дореволюционной литературе мнения о неспособности малых народов Севера самостоятельно выйти за рамки родового строя, С. В. Бахрушин несколько преувеличил степень общественного развития мансийских и хантыйских групп. Он трактовал их племенные объединения как сложившиеся развитые остяцкие и вогульские княжества, в которых шел интенсивно процесс феодализации.

Эта новая в 1935 г. постановка вопроса об общественном строе угорских групп вызвала в исторической литературе полемику. Против точки зрения С. В. Бахрушина выступил Н. Н. Степанов. В своей статье «К вопросу об остяко-вогульском феодализме (в связи с работой Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.») Н. Н. Степанов протестовал против преувеличения С. В. Бахрушиным степени общественного развития мансийских и хантыйских групп, утверждая, что ко времени включения их в состав Русского государства они не перешли рубежа доклассового общества[5]).

В другой статье, опубликованной в 1952 г., Н. Н. Степанов несколько уточнил свою прежнюю мысль, отмечая, что у ряда народностей Севера (эвенки, ханты, манси, ненцы и др). к моменту присоединения их к России «первобытно-общинный строй находился уже в стадии разложения: родовые единицы дробились на более мелкие — патриархальные домашние общины, происходила имущественная дифференциация, раз-

---

[1]) Н. Н. Степанов, Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России, журн. «Вопросы истории», 1952, № 7.; Заметки по исторической географии и этнографии Сибири XVII века, «Известия Всесоюзного географического общества», т. 81, вып. 3, 1949.

[2]) С. В. Бахрушин, Основные линии истории обских угров, «Ученые записки ЛГУ», вып. 2, серия востоковедческих наук, т. I, Л., 1948; Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935.

[3]) В. В. Мавродин, Русское многонациональное государство и финноугорские народы, «Ученые записки ЛГУ», вып. 2, Л., 1948.

[4]) В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35, М.; «В поисках древней родины угорских народов. По следам древних культур», М., 1954.

[5]) Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, «Советская этнография», 1936, № 3.

вивалось патриархальное рабство с использованием рабского труда в производстве, возрастала роль военных вождей, одним из стимулов межродовых и межплеменных войн стал захват имущества»[1]).

Последняя уточненная трактовка Н. Н. Степанова об общественном строе угорских племен накануне русской колонизации вполне подтверждается документальными материалами и поэтому она в настоящее время является господствующей в исторической науке.

В значительно меньшей степени известна древняя история селькупов, кетов, чулымских и томских татар, их хозяйство и общественный строй до присоединения Западной Сибири к Русскому государству. Е. Д. Прокофьева (используя материалы Г. Н. Прокофьева) в 1956 г. опубликовала статью «Селькупы»[2]). Некоторые данные о селькупах имеются в небольшой статье Г. И. Пелих[3]). Представляют интерес статьи антрополога Н. С. Розова по краниологии чулымцев и селькупов[4]).

Томский исследователь А. П. Дульзон в течение ряда лет (начиная с 1946 г.) проводил археологические раскопки на Нижнем и Среднем Чулыме (правый приток Оби), выявил археологические памятники по берегам Кети, обследовал Среднюю Обь и берега рек Тыма, Васюгана и других притоков Оби. Привлекая кроме археологических материалов свидетельства топонимики, этнографии, данные языка местных групп (чулымцев, селькупов, хантов, кетов, томских татар и др.), А. П. Дульзон выдвинул ряд интересных предположений об этногенезе местного населения и его древней истории[5]).

---

[1]) Н. Н. Степанов, Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России, журн. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 78.

[2]) Е. Д. Прокофьева, Селькупы, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956.

[3]) Г. И. Пелих, К вопросу о селькупах Нарымского края XVIII научная конференция Томского педагогического института. Программа и тезисы докладов», Томск, 1953, стр. 25—27.

[4]) Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов. «Антропологический сборник», I, АН СССР, М., 1956.

[5]) А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, «Ученые записки Томского пединститута», т. VI, Томск, 1950.

А. П. Дульзон, Система счета времени у чулымских татар, «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», X, М., 1950.

А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952.

А. П. Дульзон, Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар, «Ученые записки ТГПИ», т. X, 1953.

А. П. Дульзон, Термины родства и свойства в языках На-

Характеристику хозяйственной деятельности и общественного строя селькупов, чулымцев, мелесцев, томских и чатских татар к моменту включения их в состав Русского государства попыталась дать З. Я. Бояршинова[1]).

По истории западно-сибирских татар имеются отдельные статьи Т. А. Трофимовой[2]), В. В. Храмовой[3]) и некоторых других авторов.

Соседями насельников тайги и лесостепи в пределах Сибири были степные кочевнические племена, постоянно теснившие местных охотников и рыболовов к северу.

Для понимания общественного строя кочевых народов в первой половине второго тысячелетия нашей эры до сих пор не утратила своего значения монография Б. Я. Владимирцева «Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм)». Несмотря на ряд ошибочных положений (в частности, выдвинутого Б. Я. Владимирцевым понятия «кочевого феодализма» как особого типа производственных отношений), на преувеличение степени развития феодализма у монголов к началу XIII в., академик Владимирцев одним из первых поставил вопрос о возможности развития феодальных отношений в обществе кочевников[4]).

После Б. Я. Владимирцева этот вопрос неоднократно поднимался советскими учеными (С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, С. В. Киселев, В. С. Батраков, В. Ф. Шахматов, Л. П. Потапов и др.). В последние годы в связи с дискуссией, проведенной журналом «Вопросы истории», об основном эко-

---

рымского края и Причулымья, «Ученые записки ТГПИ», т. XI, Томск, 1954.

А. П. Дульзон, О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области, «Ученые записки ТГПИ», т. XII, Томск, 1954.

А. П. Дульзон, Остяцкие могильники XVI и XVII вв. у села Молчаново на Оби, «Ученые записки ТГПИ», т. XIII, Томск, 1955.

А. П. Дульзон, Пачангский курганный могильник, «Ученые записки ТГПИ, т. XIV, Томск, 1955.

А. П. Дульзон, Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби, «Ученые записки ТГПИ», т. XVI, Томск, 1957.

[1]) З. Я. Бояршинова, Население Томского уезда в первой половине XVII в., «Труды Томского государственного университета», т. 112, Томск, 1950.

[2]) Т. А. Трофимова, Тобольские и барабинские татары», Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. I, М.-Л., 1947.

[3]) В. В. Храмова, Западно-сибирские татары, «Народы Сибири, Этнографические очерки», М.-Л., 1956.

[4]) См. Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм), М., 1934.

номическом законе феодальной формации, интерес к изучению особенностей складывания феодальных отношений в обществе кочевников возрос. С интересной статьей выступил Л. П. Потапов[1]). Отмечая, что советские исследователи аргументированно доказали зарождение и развитие у кочевых народов патриархально-феодальных отношений, Л. П. Потапов выдвинул мысль о том, что в основе феодальных отношений кочевников, так же как и у земледельческих народов, была феодальная собственность на землю.

С этим утверждением Л. П. Потапова несогласны В. Ф. Шахматов[2]), С. И. Ильясов[3]), С. Е. Толыбеков[4]) и некоторые другие исследователи. В противоположность Л. П. Потапову они считают, что у скотоводов-кочевников не существовало феодальной собственности на землю. Основу патриархально-феодальных отношений здесь составляла частная собственность на скот при общинном владении пастбищами, дополняемая собственностью на патриархальных рабов и неполной собственностью на закабаленных сородичей.

Такое определение сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов является недостаточно убедительным и аргументированным. Ряд исследователей склонен считать наиболее правильным определение сути патриархально-феодальных отношений, высказанное Л. П. Потаповым[5]).

Однако в связи с тем, что конкретная социально-экономическая история кочевых народов в настоящее время изучена еще недостаточно, обсуждение вопроса о патриархально-феодальных отношениях в журнале «Вопросы истории» не привело к окончательному его решению. Между тем для понимания процесса социально-экономического развития племен и народностей Западной Сибири накануне включения этой территории в состав Русского государства решение вопроса о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников Азии (в том числе Южной Сибири) имеет немаловажное значение.

---

[1]) Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6.

[2]) В. Ф. Шахматов, К вопросу о племенных союзах и варварских государствах на территории Казахстана, «Вестник АН Казахской ССР», № 5, 1950.

[3]) См. журн. «Вопросы истории», 1954, № 4, Научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.

[4]) С. Е. Толыбеков, О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов, «Вопросы истории», 1955, № 1.

[5]) См. статью С. З. Зиманова, журн., «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 63—67.

ИСТОЧНИКИ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПИСЬМЕННЫЕ)

Основным источником древней истории племен и народностей Западной Сибири являются археологические памятники.

Интерес к сибирским древностям появился еще в XVII в., когда широко развернулось кладоискательство, ограбление древних курганов в поисках золотых и серебряных вещей. Действительно научное изучение археологических памятников Сибири началось в первой четверти XVIII в., когда в Петербургской кунсткамере (первом русском музее) были собраны значительные по количеству и ценные по своей научной значимости коллекции сибирских древностей.

Участники академических экспедиций в XVIII в. развернули и первые научные археологические раскопки в Сибири.

Археология Сибири как важная и большая часть археологической науки в России окончательно сложилась в XIX в. Активную роль в разработке сибирской археологии сыграли различные ученые, а также любители-краеведы XIX — начала XX в.

Большое значение для развития археологической науки имели музеи (Минусинский, основанный в 1877 г. Н. М. Мартьяновым, и открывшийся при Томском университете в 90-е годы XIX в. археологический), где были сосредоточены археологические коллекции (собенно раннеметаллических культур Сибири).

Исследователи сибирских древностей С. К. Кузнецов, С. М. Чугунов, А. В. Андрианов, В. М. Флоринский, Н. Ф. Кащенко, Ф. Р. Мартин, А. Ф. Плотников, В. Пигнатти, Савельев, Н. П. Григоровский и др. выявили городища, курганные могильники, культовые места в бассейне Оби, начали их раскопки, повели учет археологических памятников для составления археологической карты. Несмотря на крупные недостатки в методике раскопок того времени, добытый материал представляет научную ценность и широко используется советскими исследователями.

Но в дореволюционной Сибири не все районы изучались с должной полнотой. Внимание археологов было привлечено, главным образом, к курганам степной полосы и Алтая, к местам расселения южных кочевников. Лесные и тундровые районы почти не подвергались детальному археологическому изучению. Объяснялось это тем, что отсталая культура племен лесной и тундровой зоны (рыболовов, охотников, собирателей) большинству дореволюционных исследователей представлялась слишком малозначащей, а изделий из серебра и золота здесь почти не встречалось.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции уже с 20-х годов XX в. резвернулась энергичная деятельность по выявлению и изучению археологических памятников. В результате многолетних полевых работ в Минусинской котловине и на Алтае, проведенных исследователями, С. В. Киселеву удалось дать научное обоснование ранним металлическим культурам Южной Сибири (Афанасьевской, Андроновской, Карасукской, Тагарской и Таштыкской).

Большой вклад в выявление и изучение археологических памятников Алтая внесли Г. П. Сосновский, С. И. Руденко, М. П. Грязнов и др.

М. П. Грязнов провел обстоятельное археологическое изучение верхнего течения берегов Оби и ее притоков, выявив наличие здесь поселений и могильников Андроновской культуры, погребений Карасукского времени. В Верхней Оби М. П. Грязнов выявил Большереченскую культуру (VII в. до н. э. — I в. н. э.) и Верхнеобскую культуру (II в. н. э. — VIII в. н. э.), особенно охарактеризовав Фоминский этап ее (VII—VIII вв.). Наконец, М. П. Грязновым была хронологически определена и описана Сросткинская культура (IX—X вв. н. э.) на Верхней Оби и сделаны очень интересные выводы о жизни местного населения до XVII в.[1]).

Описание археологических памятников Среднего Приобья началось с конца 20-х годов XX в. И. М. Мягков развернул раскопки у Нагорного Иштана и на горе Кулайке, древнем культовом месте на р. Чае. Им была открыта Кулайская археологическая культура, по всей вероятности принадлежавшая древним предкам современных селькупов.

Группа томских археологов (К. Э. Гриневич, А. П. Дульзон, Г. В. Трухин, Е. М. Пеняев и др.) в 40-е годы проводили археологические раскопки в окрестностях г. Томска и опубликовали результаты своих работ в сборнике «Басандайка»[2]). Археологические материалы, добытые около г. Томска дореволюционными и советскими исследователями, обобщены в монографии М. Н. Комаровой[3]). Интересные материалы собраны археологами по среднему и нижнему течению Чулыма (А. П. Дульзон, Е. М. Пеняев, В. С. Синяев, Р. А. Ураев) и в низовьях р. Томи (В. И. Матющенко).

В значительно меньшей степени выявлены археологические памятники в междуречьи Оби и Иртыша. Здесь археоло-

---

[1]) См. М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби... «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л.

[2]) См. «Труды Томского Государственного университета и Томского педагогического института», т. 98, Томск. 1947.

[3]) М. Н. Комарова, «Томский могильник», Материалы и исследования по археологии СССР», 1951, № 24, М.

гические исследования проводились В. П. Левашевой и другими археологами[1]).

На Средней и Нижней Оби В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская охарактеризовали Потчевашскую и Устьполуйскую археологические культуры, носителями которых являлись предки древних угров[2]).

Советскими исследователями изучаются археологические памяники полуострова Ямал, где обнаружена очень своеобразная культура арктических охотников за морским зверем[3]).

И. В. Талицкая составила «Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья»[4]). Она дала краткое описание расположения (а иногда и находок) почти всех известных в настоящее время археологических памятников этого района, установила их примерную датировку. Работа И. А. Талицкой значительно облегчает использование археологических источников и литературы, в которой они описаны.

Выявленный исследователями археологический материал, в ряде случаев научно обобщенный, дает возможность, наряду с привлечением письменных источников, вскрыть в общих чертах картину хозяйственной жизни и уровня общественного развития различных этнических групп, населявших Западную Сибирь до присоединения ее к Русскому государству.

Письменных памятников своей древней истории местные жители не оставили. Ценные материалы о населении северо-западной части Сибири сохранили русские летописи. Уже в «Повести временных лет» имеются сведения об Югре (уграх) и самодийских племенах, живших севернее угров. Более подробные данные содержатся в Новгородской первой и Новгородской четвертой летописях, Устюжском и Московском летописных сводах.

Для понимания социально-экономического развития самодийских групп многое дает сочинение неизвестного автора

---

[1]) В. П. Левашева, Вознесенское городище Барабинского округа, «Известия Западно-Сибирского музея». 1928, № 1, Омск.

В. П. Левашева, Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926—1927 гг. Там же.

В. П. Левашева, О городищах Сибирского юрта, «Советская этнография», т. XIII, М.-Л., 1950.

[2]) В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, В поисках древней родины угорских народов. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954.

[3]) В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Ямал, «Советская этнография», № 4—5, 1935.

[4]) См. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35.

конца XV или начала XVI в. «О человецех незнаемых в восточной стране».

Интересные данные по истории народов Западной Сибири XIII—XV вв. имеются в сочинениях западноевропейских путешественников и писателей: венгерского миссионера XIII в. Юлиана, Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Марко Поло, Иоганна Шильтбергера, Юлия Помпония Лета, Иоганна Венгра и др.

Отдельные сведения о жителях Западной Сибири встречаются у некоторых восточных авторов. Так, неизвестный персидский географ X в. упоминает реку Иртыш и Алтайские горы[1]). О западных соседях угорских племен — болгарах и башкирах рассказывал арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан[2]). Арабский автор X в. Нару-дин-Мохамед Ауфи сообщил о торговле Камско-Волжской Болгарии с Югорской землей. О народе «юра» (в котором, очевидно, надо видеть угров) писал в XI в. известный хорезмийский ученый аль-Бируни в географическом сочинении «Определение конечных границ, мест для проверки расстояний населенных пунктов»[3]). Некоторые данные о народах Западной Сибири приводили в своих сочинениях арабские писатели Эломари и Ибн-Батута, а также Рашид ад-Дин.

Значительную ценность для изучения исторического прошлого Западной Сибири представляют произведения устного народного творчества: предания, легенды, героические сказания, мифы и т. д. При использовании такого рода источников их данные следует проверять по другим более надежным источникам (письменным и археологическим).

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСЕЛЬНИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сибирь находилась вне зоны первоначального расселения человека. Продвижение человека на территорию Западной Сибири, очевидно, началось только в эпоху позднего палеолита и происходило со стороны юга и юго-востока. Об этом свидетельствуют обнаруженные археологами позднепалеолитические стоянки в верхнем течении Катуни на Алтае и около г. Томска[4]).

---

[1]) См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. 1, М.-Л., 1939, стр. 210—216.

[2]) Там же, стр. 159—164.

[3]) См. А. М. Бельницкий, Карта мира по Бируни, «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 1, 1949.

[4]) См. П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. АН УССР, Киев, 1953.

Первые насельники Западной Сибири были охотниками Суровые климатические условия той эпохи суживали возможности собирательства и обусловливали необходимость охоты на мамонтов, диких быков, козюлей, северных оленей и других животных. Охота с примитивными каменными орудиями труда требовала наличия кооперации труда. К позднему палеолиту относится зарождение материнского рода.

Постепенно продвигаясь к северу, в течение эпохи неолита человек освоил почти всю территорию Западной Сибири. В нижнем Приобьи (по свидетельству археолога В. Н. Чернецова) наиболее ранние археологические памятники относятся к позднему неолиту. К началу I тысячелетия до н. э. родовые общины древних людей достигли побережья Северного Ледовитого океана. В прибрежной полосе Крайнего Севера стала складываться своеобразная культура морских охотников и зверобоев, занимавшихся охотой на моржей, тюленей, рыбной ловлей.

Переход от каменного века к бронзовому не во всех частях Западной Сибири происходил одновременно. Раньше всего изготовление медных и бронзовых орудий труда началось на Урале и в Южной Сибири (в Минусинской котловине и на Алтае). Сложившуюся в Южной Сибири Афанасьевскую металлическую культуру археологи датируют концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Из степной полосы Сибири и из районов Приуралья медные и бронзовые орудия труда постепенно начинают распространяться в бассейне Оби и ее притока Иртыша, захватывая вначале верхние течения этих рек. М. П. Грязнов обнаружил на берегу Оби в 60 км от современного Барнаула долговременное поселение андроновской (второй по счету раннеметаллической) культуры Южной Сибири (1500—1200 гг. до н. э.). Известны также Липчанская стоянка периода ранней бронзы на берегу р. Туры (в 55 км выше современной Тюмени), поселение андроновских племен у с. Алексеевского на р. Тоболе, некоторые погребения Томского могильника и другие археологические памятники.

Начиная с афанасьевской культуры, в Южной Сибири происходит переход к скотоводству. Из массы охотничье-рыболовческого населения начинают выделяться племена скотоводов. На андроновском этапе скотоводство у южных племен получает дальнейшее развитие, наряду со скотоводством появляется мотыжное земледелие.

В период господства на юге раннеметаллических культур (Афанасьевской и Андроновской) в лесной полосе Западной Сибири медные и бронзовые орудия труда были еще очень редки. В Нижнем Приобье продолжали господствовать ка-

менные и костяные орудия. В арктической тундре, где развитие производительных сил протекало крайне медленно, не только в течение первого тысячелетия до нашей эры, но и в первом тысячелетии нашей эры основные орудия труда и хозяйственная утварь были из камня, рога, кости, дерева и китового уса.

Карасукская культура (1300—800 гг. до н. э.) на Енисее и на Алтае означала дальнейшее развитие производительных сил, совершенствование техники обработки бронзы, совершенствование хозяйственной деятельности степных кочевников.

Сменившая ее Тагарская культура (VIII в. до н. э. — I в. до н. э.) представляла собой завершающий этап развития техники изготовления бронзовых изделий. В середине Тагарской культуры (около V в. до н. э.) на Алтае и в других южных районах Западной Сибири появляются железные орудия труда, которые постепенно затем начинают проникать в северные таежные и тундровые районы Приобья. К периоду раннежелезного века в Приобье археологи относят городище Сартынья I на Северной Сосьве, городище Нивоча на Оби, Хара-Патка, стоянку на р. Шайтанке (притоке Полуя), на Зеленой горке близ современного Салехарда и др.

Население лесной полосы Западной Сибири относилось к монголоидной расе. По-видимому, монголоиды являлись первыми насельниками территории лесного Приобья еще со времени неолита. Продвигались они в Западную Сибирь с востока и юго-востока со стороны Енисея.

Степная полоса Западной Сибири с древнейших времен заселялась европеоидами, культурные связи которых уходили в Среднюю Азию и Казахские степи. Антрополог Н. С. Розов полагает, что еще в доафанасьевское время степная часть Западной Сибири начала заселяться людьми европеоидного расового типа[1]).

В районе Приуралья, степного Зауралья и степной части Западной Сибири постепенно сложилось из монголоидных и европеоидных элементов метисное население, которое входило в состав так называемого уральского антропологического типа.

Со второй половины I тысячелетия до н. э. началось медленное продвижение степного населения на север.

Южное Приуралье и степное Зауралье во второй половине I тысячелетия до н. э. населяли сарматские племена, у которых было развито кочевое скотоводство. Большое значе-

---

[1]) См. Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов. «Антропологический сборник», I, М., 1956.

ние в жизни кочевников начинала приобретать война из-за пастбищ, военной добычи, ограбления соседей.

Алтай в это время населяли кочевнические группы, культура которых во многом была близка скифской. А. П. Окладников считает, что Пазырыкские курганы Алтая (V—III вв. до н. э.) являются материальными памятниками восточных скифов-юечжей, которых восточные авторы знали под именем массагетов[1]). Для изучения материальной культуры кочевников Алтая многое сделал М. П. Грязнов, выявивший богатый археологический материал и установивший классификацию культурного развития ранних кочевников.

Постепенно влияние культур степных кочевников Приуралья, Зауралья и Алтая распространялось на север. Наиболее ранними следами его являются находки бронзовых котлов скифского типа с поддонами в лесном Приобье (Кулайка), бронзовых кельтов, клевцов, секиры сарматского типа и других предметов. Позднее появляются глиняные сосуды местного производства, копирующие «скифские» бронзовые котлы, костяные гребни скифского типа в Устьполуе, глиняные фигурки лошадей с высокими седлами (Чувашский мыс), изображение лошади и всадника (Ишимские находки).

В. Н. Чернецов считает все эти находки результатом появления в Северо-Западной Сибири новых этнических групп, принесших в таежный и тундровый районы традиции степной скифо-сарматской культуры[2]). Такими этническими группами были древние угры. В I тысячелетии до н. э. древние угры, переходившие к кочевому скотоводству, населяли степные и, может быть, лесостепные районы Западной Сибири. Они находились под длительным воздействием не только своих южных соседей скифо-сарматских племенных объединений, но и испытывали влияние иранских элементов — саков. В. Н. Чернецов указывает на наличие многих иранских черт в языке, фольклоре и обрядах более позднего угорского населения Западной Сибири (хантов и манси)[3]).

Если В. Н. Чернецов высказывает мысль о связях древних угров с ираноязычными саками и скифо-сарматскими племенами казахских степей, то Л. Р. Кызласов предлагает иную теорию происхождения древних угров. По его мнению, древние угры сформировались в этническую общность на

---

[1]) А. П. Окладников, Древнее население Сибири и его культура. Сб. «Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири», М.-Л., 1956., стр. 76.

[2]) См. В. Н. Чернецов, К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. «Труды института этнографии», I. М.-Л., 1947, стр. 113, 114.

[3]) Там же, стр. 115.

грани Тагарской и Таштыкской археологических культур в Хакасско-Минусинской котловине и представляли собою результат развития аборигенного населения ее в предшествующую Тагарскую эпоху. Образование мощного гуннского союза племен в Центральной Азии, гуннское вторжение в северо-западные районы Монголии и Хакасско-Минусинскую котловину привело к передвижениям ряда племен и к этническому смешению местных представителей тагарской культуры с жителями северо-западной Монголии — гяньгунями, а также гуннами, в результате которого видоизменился антропологический тип населения и его материальная культура. Гяньгуни, продвинувшись в ранне-таштыкское время в пределы Хакасско-Минусинской котловины, смешались с его угорским населением, ассимилировали его в значительной части, но восприняли угорский язык.

Часть угров была потеснена гяньгунями и гуннами на запад, в пределы Северного Алтая, а затем отодвинута в район Верхней Оби и далее распространилась в лесном Приобье.

Свои предположения Л. Р. Кызласов подтверждает не только археологическими источниками таштыкской археологической культуры (I в. до н. э. — V в. н. э.), но и данными топонимики. Он указывает, что угорские топонимы (в названиях рек: «ас», «ес» — большая река и «сос» , «зос», «сас», «зас» — речка) встречаются в Саяно-Алтае, Северном Алтае, в бассейне Оби[1]).

Об изменениях этнического состава населения Верхней Оби говорит в своих исследованиях и М. П. Грязнов. Он считает, что во II—III вв. н. э. местное население Верхнего Приобья (I этап Верхнеобской культуры — Одинцовский) в значительной мере испытало влияние древнеугорских групп. Он даже высказывает предположение, что культура верхнеобских племен Одинцовского этапа не является продуктом местного развития, а принесена извне древнеугорскими племенами, переселившимися сюда с северо-запада из соседних районов Оби. Эти пришлые группы если не вытеснили или не уничтожили прежнее население, то полностью его ассимилировали[2]).

М. П. Грязнов считает, что процесс сложения древнеугор-

---

[1]) Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины. Автореферат диссертации, Московский государственный университет, 1953 г.

[2]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. БольшаяРечка «Материалы и исследования по археологии СССР», № 48, 1956, изд. АН СССР. М.-Л., стр. 100—113.

ских групп протекал в Приуралье, откуда они постепенно распространились по Западной Сибири.

Таким образом, вопрос о формировании древних угров в советской исторической науке до конца еще не решен, исследователи предлагают взаимоисключающие друг друга теории.

Не ставя в наших лекциях задачи решения проблемы этногенеза угров, мы исходим из того, с чем согласны все исследователи: древнеугорские племена, появившись в пределах Западной Сибири, стали здесь смешиваться с охотничье-рыболовческим населением тайги и тундры и создали своеобразные двухкомпонентные культуры, сочетавшие в себе охотничье-рыболовческую культуру лесного населения с элементами степных скотоводческих культур. К числу таких смешанных культур относятся Потчевашская, Устьполуйская и Кулайская.

Среди советских исследователей пока нет единства в датировке этих культур. В. И. Мошинская и В. Н. Чернецов устанавливают хронологические рамки Потчевашской культуры — V в. до н. э. — I в. н. э., Устьполуйской — IV в. до н. э. — I в. н. э.[1]). Кулайскую культуру они относят ко второй половине I тысячелетия до н. э., т. е. считают ее синхронной Потчевашской и Устьполуйской[2]).

М. П. Грязнов высказал предположение, что Устьполуйская и Потчевашская культуры более поздние по времени, чем об этом говорят Чернецов и Мошинская. Они синхронны третьему (Фоминскому) этапу Верхнеобской культуры и могут быть датированы VII—VIII вв. н. э.[3]). По Грязнову, как раз в этот период времени в лесной и лесостепной полосе Сибири и Северного Приуралья широко расселились группы родственных между собою угорских племен[4]).

Нам представляется наиболее правильным предположение, что древнеугорские племена появились в лесостепных и лесных районах Западной Сибири в I—II вв. н. э. и постепенно продвинулись к северу к низовьям Оби (может быть, к V—VI вв.). Формирование Кулайской культуры в Сургутско-Нарымском районе Оби, очевидно, происходило несколько позднее, потому что составными компонентами ее были не

---

[1]) В. И. Мошинская, Городище и курганы Потчеваш, стр. 216, В. Н. Чернецов, Устьполуйское время в Приобье, стр. 221, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35.

[2]) В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская, В поисках древней родины угорских народов. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана, М., 1954, стр. 177.

[3]) См. М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби.., «Материалы и исследования по археологии СССР», № 48, стр. 137—138.

[4]) Там же, стр. 140.

только местные аборигенные группы(кеты) и угорское население Средней Оби, но и новые пришельцы с юго-востока — самодийские племена.

Основным источником жизни потчевацев было рыболовство, а за ним охота. Они дополнялись скотоводством и примитивным земледелием. Жили потчевацы в укрепленных поселениях, знакомы были с бронзовым литьем, использовали привозные железные изделия.

Археологические памятники Устьполуйской культуры убедительно доказывают, что носители этой культуры умели хорошо обрабатывать камень и кость, знали прядение и были знакомы с металлическими изделиями из меди и железа, которые они, очевидно, приобретали у соседей. Выше мы уже упоминали о том, что глиняная посуда устьполуйцев копировала бронзовые котлы кочевников степей.

Угорское заселение низовьев Оби вызвало какие-то передвижки среди древних насельников тундры. Основным занятием древних поселенцев прибрежной тундры был морской промысел. Охотились за моржами, тюленями, китами, белыми медведями, птицей при помощи каменных и костяных орудий. Жили в землянках, группировавшихся в небольшие поселения вдоль морского побережья. Умели изготовлять глиняную посуду.

В условиях суровой природы Крайнего Севера, при отсутствии вблизи залежей медной и железной руды, развитие материальной культуры приморских охотников шло медленно. Замедленность в развитии производительных сил влекла за собой замедленность общественного развития. К моменту включения этой территории в состав Русского государства приморские охотники и зверобои по-прежнему жили в землянках, сверху покрытых землей, охотились на морского зверя и птицу. Главное отличие в их жизни по сравнению с жизнью в I тысячелетии до н. э. состояло в том, что арктические охотники за морским зверем наряду с каменными и костяными орудиями употребляли железные орудия труда. Последние были привозными. Родовая организация прибрежных жителей к концу XVI в. не была затронута процессом разложения.

ЖИТЕЛИ ТУНДРЫ—САМОДИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА

Около X в. н. э. в тундре Западной Сибири появились кочевники-оленеводы, принадлежавшие к группе самодийских племен. Продвигаясь с востока и юго-востока в бассейн Средней и Нижней Оби, распространяясь постепенно на за-

над и на восток от Оби к тундровой полосе, они частично ассимилировали местное коренное население, оттесняя его к северу и в то же время воспринимая некоторые элементы его материальной культуры, хозяйственной деятельности и бытового уклада.

По сообщению В. Н. Чернецова, в устном народном творчестве ямальских ненцев[1]) сохранились отрывочные сведения о древнем коренном населении тундры, встреченном здесь предками ненцев. В. Н. Чернецов приводит отрывок из ненецкой сказки, в которой повествуется о том, что местные жители на трех мысах имеют «триста жилищ оседлых», промышляют китов, моржей и тюленей. Называя живущих на трех мысах трех братьев «земляными хозяевами», составители сказки тем самым указывают на оседлую жизнь местного населения в землянках, которая для кочевнических самодийских групп казалась новой и непривычной. Пришельцы (предки ненцев) называли прибрежное местное население «сииртя» или «сиирти», воевали с обитателями приморских землянок из-за промысловых угодий. Наряду с военными столкновениями, очевидно, имело место и бытовое сближение. Ненецкие легенды повествуют о браках между «сиирти» и пришельцами. Начавшийся процесс ассимиляции протекал медленно и остатки народа «сииртя» в наиболее глухих местах Ямальского побережья сохранялись еще в XVI — XVII вв.[2]).

Обстоятельные сведения о самодийских группах[3]) были собраны В. Ф. Зуевым, участником академической экспедиции в Сибирь во второй половине XVIII в. В. Ф. Зуев первым из исследователей обратил внимание на родство самодийцев севера с койбалами, сойотами, камасинцами, карагасами, живущими значительно южнее, и высказал догадку, что родиной предков самодийских групп тундровой полосы являются Саяны.

Теория о приходе самодийцев в тундру с юга была до-

---

[1]) Ненцы — современное население (в дореволюционной литературе их называли самоедами), населяющее тундру от реки Мезени и полуострова Канина на восток до низовьев Пура и Таза.

[2]) См. В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, В поисках древней родины угорских народов, «По следам древних культур. От Волги, до Тихого океана», М., 1954, стр. 186; см. также В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Ямал, «Советская этнография», 1935, № 4—5, стр. 126.

[3]) Термин «самодийцы» введен в научный обиход Г. Н. Прокофьевым в связи с упразднением термина «самоеды». Он предложил все самодийские народности (ненцев, энцев, нганасанов и селькупов) называть самодийской группой (см. Г. Ф. Дебец, Селькупы. Антропологический очерк, «Труды института этнографии. Новая серия», т. II, М.-Л., 1947, стр. 105.).

вольно четко в XIX в. сформулирована А. М. Кастреном[1]) Оперируя в основном лингвистическими и этнографическими материалами, А. М. Кастрен установил родство языков отдельных самодийских групп, обратил внимание на существование на юге в отрогах Саян в XVIII—XIX вв. остатков этнических групп, говоривших на самодийских языках (карагасы или тофалары, камасинцы, койбалы), показал этническую связь ненцев, энцев и других самодийских групп севера с южными группами.

Воспоминание о переселении с юга на север сохранили ненецкие легенды. Одна из них сообщает о том, что предки ненцев в далекие времена по «велению Великого Духа» через густые леса и непроходимые дебри пришли в страну голубых гор и черных ущелий. Здесь их встретил народ «сиирти», который ездил на оленях. Пришельцы вступили в борьбу с оленеводами. Сиирти, преследуемые пришельцами, в ужасе бежали. Они ушли в глубокое подземелье. В защиту местных жителей выступили горные чудовища, злые духи гор, которые подняли страшную бурю в горах и ущельях. Предки ненцев вынуждены были покинуть страну голубых гор и густых лесов и уйти на север в тундру[2]).

Наличие в легенде у жителей равнинной заболоченной тундры представления о горах, ущельях, лесах косвенным образом свидетельствует об их былой жизни в гористой местности, покрытой лесами и лежащей значительно южнее их настоящего местопребывания.

Советские ученые дополнили и развили дальше мысль Кастрена о переселении самодийских племен с юга на север. Особенно значительный вклад в изучение этой проблемы внесен Г. Н. Прокофьевым. Г. Н. Прокофьев пришел к выводу, что предками современных ненцев, энцев, нганасан и селькупов следует считать не только самодийские группы, пришедшие с Саянских гор, но в состав этих народностей вошло и местное население Западной Сибири, жившее здесь задолго до прихода самодийцев[3]).

Началом продвижения самодийцев из района Саяно-Алтая являются первые века нашей эры. Возможно, определенное влияние на отход самодийцев оказало продвижение

---

[1]) См. «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844 гг., 1845—1849 гг.), «Собрание старых и новых путешествий. Географический сборник Ник. Фролова», т. VI, М., 1860.

[2]) См. Д. Н. Анучин, Сказания (Подземное царство) СПб., 1911.

[3]) См. Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов), «Советская этнография», т. III, 1940, стр. 67.

гуннов и других кочевнических объединений через Саяно-Алтай. Под давлением южных кочевников самодийские группы отошли к северу и северо-западу. В бассейне Оби и междуречья Оби и Енисея они вступили в длительное общение с кетами и восточной группой угорских племен. Постепенно продвигаясь к северу, в лесотундре и тундре они ассимилировали древних насельников — монголоидов, включили в орбиту своего воздействия часть северных групп древнеугорских племен (носителей Устьполуйской культуры в Нижнем Приобье). Некоторые самодийские группы продвинулись на запад до нижнего течения реки Печоры, заняв своими кочевьями северные отроги Уральских гор.

В. Н. Чернецов полагает, что в истории распространения самодийских племен на север имели место два этапа. Первый, наиболее ранний, проходил еще в последние века до нашей эры. Второй, более массовый, начался в период таштыкской эпохи. Продвижение племен на втором этапе проходило несколько восточнее, чем на первом, — долиной Енисея. Первый этап привел в основном к формированию на Средней Оби и ее притоках Чулыме, Кети, Тыме и Васюгане селькупских племен. Второй этап продвижения самодийцев на север привел к складыванию энецких и главным образом ненецких групп в тундре[1]).

В письменных русских источниках первые сведения о самодийцах — обитателях северной тундры—появляются с XI в. Известно упоминание о «самояди», как северных соседях угров, в «Повести временных лет» под 1096 г.[2]).

В русских летописях при характеристике событий XII в. встречаются упоминания о жителях «полунощных стран» (так называли тогда русские район тундры, лежащий к северо-востоку от нижнего течения Печоры). Отдельные известия о самодийцах есть в сочинении европейца Плано Карпини, побывавшего в ставке монгольских ханов в XIII веке. Плано Карпини замечает, что жители Севера—«самогеты» (Samogeti) «живут только охотами: палатки и платье их сделаны только из шкур зверей»[3]).

Другой европейский путешественник XIII в. в Азии Марко Поло описывает жителей северной тундровой полосы Сибири, называя ее «страной мрака». По его утверждению «тут

---

[1]) См. В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, В поисках древней родины угорских народов, «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 189.

[2]) «Повесть временных лет, Лаврентьевский список», часть I, под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1950, стр. 167.

[3]) Иоанн де Плано Карпини, История монголов, перевод Малеина, 1911, стр. 25.

всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд... так же, как у нас в сумерки. У жителей нет царя: живут они как звери, никому не подвластны... У этих людей множество мехов и очень дорогих»[1]).

«Страна мрака», лежащая на севере, была известна и арабским писателям XIV в. Ибн-Батута сообщал, что жители этой страны ездят на собаках, богаты ценными мехами, которые обменивают русским на железные изделия. В сочинениях Ибн-Батуты есть интересное описание «немого торга» жителей севера с приезжими купцами[2]).

Основными видами хозяйственной деятельности расселившихся в тундре самодийских групп были оленеводство и охота. Ряд исследователей полагает, что оленеводство было знакомо древним насельникам тундры еще до появления здесь самодийцев. Археологические памятники Устьполуйской культуры свидетельствуют об использовании прирученного оленя-маншика при охоте на диких оленей. От охоты на диких оленей аборигены постепенно перешли к приручению оленей, но до переселения в тундру самодийских групп оленеводство, по-видимому, широкого распространения не получило.

Пришедшие на север самодийские племена принесли свои приемы оленеводства, имеющие некоторые отличия от оленеводства аборигенных групп. Эти специфические черты они в известной степени не утратили вплоть до последнего времени. По наблюдениям этнографов все самодийцы севера (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), так же, как и народы Саяно-Алтайского нагорья, занимающиеся оленеводством (тофалары-карагасы, тувинцы), управляют оленем только слева, садятся на оленя (на юге) или на нарты (на севере) только с левой стороны, тогда как их восточные соседи эвенки и эвены управляют оленем только справа и садятся на нарты только с правой стороны[3]).

Самодийцы с приручением оленей были знакомы еще на старом месте жительства — в отрогах Саянских гор. В условиях тундры оленеводство у самодийцев приняло кочевой характер. Соседние народы знали самодийцев как оленеводческий народ. По древним сказаниям хантов (остяков) оленеводство было преимущественным занятием самодийских

---

[1]) М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, изд. 2-е, 1941, стр. 36.

[2]) Н. Костров, «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты; газ. «Томские губернские ведомости», 1867 г., № 18, см. также В. Тизенгаузен, «Собрание материалов, относящихся к истории Золотой орды», т. I, СПб., 1884, стр. 297.

[3]) См. М. Г. Левин, Этнографический атлас Сибири, «Краткие сообщения института этнографии», т. XV, М., 1952, стр. 5.

племен. «Оленьей самоедкой» называет в одном из сказаний служанка жену богатыря, взятую из самодийского рода[1]). Исследователь истории древнеугорских групп Приобья В. Н. Чернецов утверждает, что оленеводство у угров появилось как заимствование от своих северных соседей ненцев[2]).

Наряду с оленеводством большое значение в хозяйстве самодийских насельников тундры занимала охота. Кроме ловли дикого оленя, они охотились на соболей, песцов, других зверей и птиц. От приморских охотников—древних жителей прибрежной полосы Северного Ледовитого океана — самодийцы научились охоте на морского зверя и рыбной ловле. Наконечники для гарпунов, применявшиеся при ловле моржей, нерпы, тюленей, делались из кости. Металлические гарпуны покупались у соседей, в первую очередь у русских.

Морской промысел, оленеводство были занятиями мужчины. В суровых условиях севера собирательство было весьма ограничено. Все это определило решающую роль мужчины в производстве материальных благ, а следовательно, и в общественной жизни самодийцев. Поскольку производство материальных благ в суровых климатических условиях при примитивности орудий труда требовало простейшей кооперации труда, хозяйственными ячейками в самодийском обществе в XI—XV вв. по-прежнему были родовые общины.

О господствующем положении мужчины в родовых общинах самодийцев этого времени свидетельствуют старинные ненецкие сказки, которые родоначальниками родов всегда называют мужчин.

Неизвестный нам русский автор «Сказания о человецех незнаемых в восточной стране» (составивший свой труд в конце XV или начале XVI в.) дал интересное описание нескольких групп самодийцев, заселявших тундру и прилегающие к ней районы лесотундры. По его утверждению, одна из самодийских групп носила название «каменской самояди». Жила эта группа «около Югорьской земли» по горам высоким. «Каменская самоядь» знала оленеводство, использовала оленей и собак в качестве ездовых животных. Жители этой группы «платие носят соболие и оленье. А едят мясо оленье да собачину и бобровину сыру едят»[3]).

---

[1]) См. Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, «Советская этнография», 1936, № 3, стр. 24.

[2]) В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. «Памяти В. Г. Богораза» (Сборник статей), М.-Л., 1937, стр. 350.

[3]) Д. Н. Анучин, К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее сказание «О человецех незнаемых в восточной стране», М., 1890, стр. 11.

Приведенное описание позволяет полагать, что каменская группа самодийцев занимала своими кочевьями склоны Уральских гор и полуостров Ямал. Термин «каменская самоядь» как название одной из самодийских групп сохраняется в русских документах в XVI—XVII вв.

Другая группа «самояди», по сообщению автора «Сказания», жила за «Югорьскою землею над морем». Автор «Сказания» называет ее «молгонзеей»[1]). Термин «Молгонзея», или «Мангазея» как название народа и страны, им занимаемой, широко известен и по другим письменным источникам.

Основные кочевья мангазейских самодийцев лежали на восток от территории, занимаемой «каменской самоядью». Они простирались на восток от нижнего течения Оби по берегу Обской и Тазовской губы, захватывая бассейны рек Таза и Турухана.

Хозяйственными занятиями мангазейцев преимущественно были рыбная ловля и охота. Отмечая, что «молгонзеи» «резвы велми и стрельцы скоры и горазды», автор «Сказания» подчеркивает «а товар их соболи». Д. Н. Анучин, опубликовавший сказание «О человецех незнаемых в восточной стране», сближает народ «молгонзеи» с самоедами — юраками (т. е. ненцами)[2]). Против такого истолкования этнической принадлежности мангазейцев в советской литературе выступил Г. Д. Вербов. Он привел довольно убедительные доводы о том, что термин «Мангазея» первоначально возник из самоназвания не ненецкого, а энецкого рода „magkansi" (magkansi ja земля рода magkansi)[3]).

По соседству с Мангазеей, по словам автора «Сказания», к югу от нее располагалась «земля Баид». «Леса на ней нет, а люди как и прочии человеци; живут в земли, а едят мясо соболие, а иного у них никоторого зверя нет, опроче соболи. А носят платье все соболие и рукавицы и ноговицы, а иного платья у них нет, ни товару никоторого. А соболи у них черны вельми и велики, шерсть живаго соболи по земли ся волочит»[4]).

Характеризуя жителей земли «Баид» как охотников за соболем, автор «Сказания» отмечает, что живут они в землянках.

---

[1]) Там же, стр. 6.

[2]) Там же, стр. 37.

[3]) Г. Д. Вербов. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 5, 1943, стр. 19, 21.

[4]) Д. Н. Анучин, К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране», М., 1890, стр. 9.

Г. Д. Вербов считает, что термин «баид» первоначально возник, как и термин «мангазея», из самоназвания энецкого рода „baj" (baj ja — земля рода baj, baja jaha река рода baj). Этот энецкий род baj, обитавший в бассейне реки Турухана, оставил следы своего пребывания в названиях двух правых притоков р. Турухана — Верхней и Нижней Баихи[1]).

В летние месяцы некоторые самодийские группы откочевывали к берегу моря и занимались в течение одного-двух месяцев рыболовством и охотой на морского зверя. Очевидно, этих охотников за морским зверем автор «Сказания» называет «линной самоядью». Сведения о ней в изложении «Сказания» крайне баснословны. «Самоядь линная», по словам автора «Сказания», «лете месяц живут в мори и на сусе не живут того ради за неж тело их трескается и они тот месяц в воде лежат, а на берег не смеют вылести»[2]). Ричард Джонсон, английский путешественник XVI в., использовавший материалы «Сказания» русского автора, подчеркивает, что в отличие от мангазейской самояди жители морского побережья имеют другой язык. «Один месяц в году они проводят в море и не выходят на сушу и не живут на ней в течение этого месяца»[3]).

Очевидно, автор «Сказания» под «линной самоядью» понимал те самодийские группы, которые, ассимилировав местных приморских охотников за морским зверем, усвоили у них морской промысел, сделавшийся одной из важнейших сторон их хозяйственной деятельности. Усвоили они и некоторые элементы палеоазиатского языка.

Кроме «каменской», «мангазейской» и «линной» самояди и земли Баид, автор «Сказания» упоминает еще о четырех группах «иной самояди», но сведения о них носят крайне баснословный характер. Одна из них «по пуп люд мохнаты до долу, а от пупа вверх яко ж и прочии человеци, а ядь их рыбы и мясо, а торг их соболи и песцы и лыжи и олении кожи». Д. Н. Анучин полагал, что в основе такого описания «самояди» наполовину мохнатой лежал непривычный для русских людей тип одежды самодийцев, у которых нижняя половина малицы обшивалась длинным мехом[4]).

Сведения о трех других («самоядь, у которой «рты на темени», «самоядь» «умирающая на два месяца зимою» и «безголовая самоядь») самодийских группах явно вымышле-

---

[1]) Г. Д. Вербов, указ. соч., стр. 19.
[2]) Д. Н. Анучин, указ. соч. стр. 7.
[3]) «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», перевод с английского Ю. В. Готье, 1937, стр. 192.
[4]) Д. Н. Анучин, указ. соч., стр. 48.

ны и неправдоподобны, но в основе этого вымысла лежали реальные представления русских людей о жителях северной тундры.

Сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» дает возможность предполагать, что в конце XV—начале XVI вв. население тундровой полосы Западной Сибири русским людям не представлялось одной сплошной этнической массой, они видели хозяйственные и культурно-бытовые различия у отдельных самодийских групп.

В XVI в. сведения о самодийских племенах от русских людей стали известны и западно-европейским путешественникам и писателям. Английский путешественник Ричард Джонсон (бывший шкипером в экспедиции Стифена Бэрроу в 1556 г.) побывал на острове Вайгач и Новой Земле, собрал, по рассказам русских людей и некоторым личным наблюдениям, любопытные данные о самодийцах. Р. Джонсон утверждал, что страна самоедов начиналась у нижнего течения р. Печоры и простиралась далее на восток, захватывая Вайгач, Ямал, низовья Оби и район к востоку от Оби. Самодийцы, жившие по Печоре, в середине XVI в. состояли в подданстве у русского царя, жили они «в палатках из оленьих шкур» (очевидно, в чумах), хорошо умели стрелять из лука[1]).

Инструкции компании английских купцов, даваемые экспедициям, направляемым в воды Северного Ледовитого океана для отыскания путей в Азию, упоминают лежащий за островом Вайгач «самоедский материк» и Мангазею[2]). Особое внимание в Западной Европе в XVI в. привлекали Мангазея и Баид, т. е. район, лежащий в тундре на восток от Оби и славившийся богатством соболя. На карте Антония Дженкинсона, составленной в 1562 г., Мангазея и Баид (Baida) обозначены на северо-востоке от нижнего течения р. Оби[3]). Последующие западно-европейские составители карт в XVI в. (Меркатор, Баренц) неизменно наносили на карту этот северный район под названием Мангазеи и Баида.

Со слов русского человека Федора Товтигина, побывавшего в XVI в. за рекой Обью в Мангазейской земле, упомянутый выше Ричард Джонсон сделал описание жителей Мангазейской земли. По его словам, самоеды живут по морскому берегу и страна их называется Мангазея. Питаются они мясом оленей, рыбой, «ездят на оленях и собаках, а одежда у них из собольих и оленьих шкур»[4]).

---

[1]) «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», 1937, стр. 113—114.

[2]) Там же, стр. 131, 133.

[3]) Там же, карта А. Дженкинсона вклеена между стр. 192—193.

[4]) Там же, стр. 192.

Отрывочные сведения Генриха Штадена (1578 г.) о самодийских группах, полученные им у русского сборщика дани Петра Вислоухого, характеризуют не только хозяйственную деятельность населения тундры, но и общественный строй. Г. Штаден упоминает, что «самоеды», жители Мангазеи «не имеют государей», занимаются охотой на диких птиц и соболей, ловят рыбу, разводят оленей. У них существуют давние торговые связи с русскими, у которых они выменивают на соболей сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно[1]).

Более подробные материалы о самодийцах приводит голландец Исаак Масса, побывавший в России в самом начале XVII в. Характеризуя развитую охоту у жителей севера, в том числе и на пушных зверей, И. Масса писал, что жители тундры питаются мясом зверей, добытых на охоте, «ничего не зная ни о хлебопашестве, ни о хлебе». Исаак Масса сообщал, что самодийцы «хитрые и ловкие стрелки из луков..., свои луки делают они из мягкого или гибкого дерева, а к концу стрелы прикрепляют заостренные камни или рыбьи кости». Далее И. Масса отмечал, что насельники тундры не имели городов, жили «мирно общинами», каждая из которых управлялась «старейшинами из своей среды»[2]).

Подобную характеристику жизни самодийцев мы находим в сочинениях английского писателя и поэта XVII в. Джона Мильтона. Он писал: «Самоеды не имеют городов или постоянных мест пребывания, но кочуют там, где найдут мох для своих оленей. Они живут обществами миролюбиво и управляются несколькими из старейших между ними... Они стреляют удивительно искусно; острие их стрел делается из заостренных камней, или из рыбьих костей; рыбьи кости употребляются ими также для иголок, а вместо ниток употребляют жилы некоторых маленьких животных, и жилами этими сшивают меха, которыми одеваются».

Как и Исаак Масса, Джон Мильтон утверждал, что «самоеды не обрабатывают земли, но питаются мясом диких зверей, за которыми охотятся. Они суть единственные проводники для тех, которые зимою путешествуют по Югории, Сибири и какой-либо другой из этих северо-восточных стран. Путешествия эти совершаются на санях, везомых оленями»[3]).

Все эти свидетельства русских и западноевропейских писателей и путешественников XVI — первой половины XVII в.

---

[1]) М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, изд. 2-е, 1941, Иркутск, стр. 161.

[2]) Там же, стр. 257.

[3]) Соч. Джона Мильтона. Перевод и примечания Ю. В. Толстого, «Чтения в обществе истории и древностей российских...», 1874, кн. 3, стр. 12.

позволяют говорить о господстве патриархально-родовых отношений в самодийском обществе.

Западная группа самодийцев—ненцы (юраки), по-видимому, была на более высокой ступени общественного развития по сравнению с энцами и нганасанами. К моменту включения северо-западной Сибири в состав Русского государства ненцы делились на несколько десятков патриархальных родов, в свою очередь распадавшихся на ряд больших семей.

Советскому этнографу Г. Д. Вербову удалось выявить в ненецком обществе следы фратриальной организации. Он высказал весьма обоснованное предположение о существовании двух фратрий, внутри которых браки были запрещены. Роды первой фратрии вели свое происхождение от рода Харюци, широко известного по ненецкому фольклору. В русских источниках XVII в. род Харюци известен под именем Карачеев или Карачейской самояди. Роды второй фратрии связаны своим происхождением с родом Вануйта (корневой)[1]).

Развитие кочевого оленеводства и военные столкновения самодийцев с соседями, угорскими группами и местным коренным населением, способствовали накоплению богатств в руках отдельных родов и их старейшин. Все это подготовляло условия для разложения родовой организации, приводило к выделению из массы рядовых оленеводов родоплеменной знати.

При недостаточности источниковедческого материала трудно сказать, когда у ненцев и других самодийских групп начался процесс разложения патриархального рода, но к концу XVI—началу XVII вв. это разложение стало весьма заметным О выделении властных военачальников, которым подчинялось несколько самодийских общин, упоминал в начале XVII в. Иероним Мегизер[2]). С. В. Бахрушин, посвятивший изучению общественного строя самодийцев в XVII в. особую статью, отмечал, что в результате войн самодийский род «обростал зависимыми людьми, экономически маломощными и искавшими поддержки более сильных людей»[3]).

В родовой организации самодийцев XVII в. была заметной социальная дифференциация. Наряду с владельцами больших стад оленей встречались люди «худые», не имевшие в собственности скота. Часть разорившихся «худых» людей попадала в захребетники и жила в чужих чумах. С. В. Бахрушин

---

[1]) Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев, «Советская этнография» (Сборник статей), II, М.-Л., 1939, стр. 46—48.

[2]) См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, изд. 2-е, Иркутск, 1941, стр. 280.

[3]) С. В. Бахрушин, Самоеды в XVII веке, «Советская Азия», 1925, кн. 5—6, стр. 90.

указывал, что в 1681 г. в Авамском и Хантайском зимовьях на 445 чел. приходилось 107 чел. захребетников[1]).

Несмотря на начавшийся процесс разложения, родовая организация самодийцев продолжала сохраняться в течение всего XVII и даже XVIII и XIX вв. Из патриархальных родов складывались племенные объединения, порою довольно обширные в условиях слабой заселенности сибирской тундры. Так, например, березовская «самоядь» в середине XVII в. объединяла около 700 чел. взрослого мужского населения — охотников и оленеводов[2]).

Процесс обособления от рода отдельных семей протекал в самодийском обществе медленно. В документах XVII в. отмечалось, что «самоядь приезжает на Обдорь родами своими вся вместе»[3]). Каждый ненецкий род закрепил за собой определенные кочевья и отстаивал право на свои участки тундры от посягательства соседних родов. Даже в XX в. у ненцев сохранились родовые кладбища.

Каждый ненецкий род имел родовое имя. В списке названий ненецких родов, приведенных Г. Д. Вербовым, есть такие, которые указывают на существование в древности у ненцев представлений о своем происхождении от животного предка. Так, например, о тотемических представлениях ненцев говорят следующие родовые названия: род Пырерка — щучий, Нохо — песец, Ненянгг — комар, Худя — птичья грудь, Ябто нгэ — гусиная нога, Марьик — шея дикого оленя самца, Вэнонгка — собачье ухо и др.[4]).

Религиозные представления самодийцев соответствовали их общественному устройству. Распространенной формой религии был культ мертвых предков. Даже в XVIII—XIX вв. самодийцами почитался «старец», «дед» Нума, которого отождествляли с землей, морем, солнцем. Кроме Нумы, поклонялись незримым духовным существам — лохетам, пытаясь умилостивить их заклинаниями и жертвоприношениями. О жертвоприношениях и религиозных обрядах ненцев, обитавших на берегах р. Печеры, довольно подробно рассказывал в середине XVI в. Ричард Джонсон (шкипер английского корабля «Серчсрифт»). По его словам каждый род совершал религиозный обряд и жертвоприношение в своем чуме; ста-

---

[1]) Там же, стр. 90.

[2]) Там же, стр. 94.

[3]) См. С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, «Известия, вып. 3, Научно-исследовательская ассоциация института народов Севера», стр. 23.

[4]) Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев. «Советская этнография», (сборник статей), II, М.-Л., 1939, стр. 44.

рейший по возрасту член рода был жрецом, пользующимся большим уважением и авторитетом среди остальных членов рода. В жертву богам обычно приносились олени[1]).

УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Таежная полоса Приобья в первом тысячелетии нашей эры была населена уграми. Продвинувшись в тайгу с юга, они ассимилировали древнее монголоидное население, восприняв некоторые элементы его материальной культуры и быта.

В ходе длительного этногенетического процесса в Приобье шло формирование двух угорских народностей (хантов и манси), близких между собой по языку и культуре. Завершение этого процесса происходило уже в середине второго тысячелетия нашей эры. Материальными памятниками обских угров, ассимилировавших аборигенное население, являются Потчевашская и Устьполуйская культуры.

Найденные на правом берегу Полуя, на мысу «Зеленая горка», поселения разных археологических периодов показывают преемственность культуры угорских групп X в. от Устьполуйской и культуры местных аборигенов (предшествующей Устьполуйской). Верхний слой поселения на «Зеленой горке» археологами датируется X—XII вв. Здесь открыта полуземлянка квадратной формы, сделанная из бревен и плах, засыпанных землей. Обнаружены остатки очага, кости оленя, бронзовый наконечник стрелы, предметы из бронзы и меди. Встречаются фрагменты круглодонной глиняной посуды. Из железных предметов в верхнем горизонте поселения «Зеленая горка» найдены наконечники стрел, которые, очевидно, применялись наряду с каменными и костяными[2]).

Выявленный и обобщенный археологами материал позволяет сделать вывод, что к началу второго тысячелетия нашей эры территория, занимаемая угорскими племенами, была обширной. На севере угры граничили с самодийскими группами, на востоке, в районе правых притоков Оби, — с селькупами (самодийцами по языку, остяко-самоедами), на юге, в полосе лесостепи, — с тюркоязычными группами, на западе угорские племена распространялись на западные склоны Уральских гор, охватывая район Прикамья. На территории

---

[1]) «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», 1937, стр. 114—115.

[2]) См. В. Н. Чернецов, Зеленая горка близ Салехарда. «Краткие сообщения института истории материальной культуры», вып. XXV, 1949, стр. 67—72.

современной Башкирии в первом тысячелетии нашей эры жили родственные обским уграм по языку и культуре племена. Некоторые исследователи полагают, что предки башкир говорили на угорском языке.

В исторической литературе долгое время был спорным вопрос о местоположении древних угров. Одна группа дореволюционных ученых (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Шлецер и др.) высказывала мысль о том, что территория древней Югры (как называли район расселения угорских племен русские письменные источники) была первоначально расположена к западу от Уральских гор. Другая группа исследователей (Лерберг, Соловьев, Кастрен, Беляев, Оксенов и др.) считала, что Югра находилась в Зауралье. Третья группа ученых (Георги, Европеус, Бушен, Костомаров) предлагала компромисное решение вопроса: по мнению этих исследователей Югра занимала западный и восточный склоны Урала, но первоначально она располагалась на западных склонах гор, затем постепенно продвинулась в Зауралье[1]).

Советские ученые многое сделали в изучении вопроса о месте формирования древнеугорских групп, но и до настоящего времени вопрос этот окончательно еще не решен. Пока ясно одно, что древние угры были широко разбросаны по территории Западной Сибири, склонам Уральских гор и в Приуралье и приняли участие в формировании многих этнических групп и народностей.

Часть угорских племен, увлеченных на запад гуннским объединением, была известна в степях Северного Кавказа. Византийский писатель Прокопий и готский историк VI в. Иорнанд (Иордан) сообщили, что угры-сабиры кочевали в Придонье и являлись восточной ветвью гуннского племенного союза[2]). Продвинувшись далее на запад в степи Южной Европы, угры-сабиры (Sabir Ougores), по свидетельству Прокопия, служили в качестве наемников в войсках у византийцев, но чаще вместе с другими кочевниками они совершали набеги на византийскую территорию[3]).

Значительная группа древних угров из степной полосы Западной Сибири продвинулась на север в тайгу и, слившись здесь с местным населением, сохранила угорский язык и свое

---

[1]) См. А. И. Андреев, Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР, «Финно-угорский сборник», Л., 1928.

[2]) См. В. М. Флоринский, Заметка о происхождении слова «Сибирь», «Известия Томского университета», 1889, кн. I, стр. 11—12.

[3]) С. Патканов, О происхождении слова «Сибирь», «Сибирский сборник. Приложене к Восточному обозрению», кн. 2, СПб., 1892, стр. 129.

древнее наименование — угры—сипыр—сабир. В. Н. Чернецов отмечал, что в устном народном творчестве хантов и манси встречается этноним «сепыр—сипыр—тяпыр», распространенный в топонимике, в названиях родов и фамилий[1]).

Постепенно продвигаясь в лесную полосу, древние угры утрачивали кочевое скотоводство как основную отрасль хозяйственной деятельности, воспринимали от аборигенов быт оседлых или полуоседлых охотников и рыболовов. Характеризуя Потчевашскую культуру в нижнем течении Тобола и Иртыша, В. И. Мошинская отмечает большую роль рыболовства и несколько меньшую роль охоты в жизни потчевашцев. Наряду с этими видами добывания материальных благ у потчевашцев существовало коневодство и мотыжное земледелие[2]).

Соседняя с Потчевашской и почти синхронная с ней Усть-полуйская культура, охватывавшая район Приобья от устья Иртыша до места, где Обь пересекает полярный круг, и распространявшаяся на бассейн Северной Сосьвы, в еще большей степени характеризует ее носителей как охотников и рыболовов.

Древние угры в лесном Приобье располагали свои селения по берегам рек и озер, с которыми их связывало основное занятие — рыболовство. Занимались они также охотой, о чем свидетельствуют как находки стрел, так и кости диких животных на местах угорских поселений. Охота давала пищу и одежду. Охотились, главным образом, на диких оленей, ловили песцов, соболей, диких уток и гусей. Оленеводство появилось у угров относительно поздно и было заимствовано у соседних самодийских племен[3]). Из прирученных животных у угров имелась только собака.

Способ передвижения на собаках у поселенцев таежной

---

[1]) В. Н. Чернецов, Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры», вып. 13, 1946, стр. 155.

[2]) В. И. Мошинская, Городище и курганы Потчеваш, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35. М., стр. 206, 216.

[3]) А. М. Золотарев и М. Г. Левин, исследуя вопрос о времени происхождения оленеводства в сибирской тундре, пришли к выводу, что в X—XII вв. угры еще не знали оленеводства (См. А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.-Л., 1940, стр. 184).

В. И. Мошинская относит появление оленеводства у обских угров к концу XV в. (см. В. И. Мошинская, Материальная культура и хозяйство Устьполуя, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, стр. 102).

полосы Западной Сибири был, очевидно, довольно древним. Так, езда на собаках в стране угров была известна в X в. путешественнику Нару-Дин-Мухаммед Ауфи[1]). Отмечал использование уграми собак в качестве ездовых животных хорезмийский ученый конца X—начала XI вв. Ал-Бируни. Одновременно он сообщал и о распространенной у таежных племен езде на лыжах. Он писал: «Другое приспособление для движения делается из кости. Они это привязывают к ногам, проходят длинные пространства в короткое время»[2]).

Сохранялась езда на собаках у угорских групп и в XIV в. Венгерский миссионер (францисканец) Иоганка, побывавший в начале XIV в. среди башкир в бассейне р. Белой, сообщил о Сибири следующее: «Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой»[3]).

В первом тысячелетии нашей эры угорские группы, ассимилировавшие местное население, жили родовым строем. Совершенствование охоты и рыболовства, применение железных орудий труда, приручение оленьих стад поднимало значение мужчин в родовых коллективах.

Археологами обнаружены укрепленные поселения угров, пластинки от костяных панцырей, железные наконечники боевых стрел. Все эти находки свидетельствуют о межродовых и межплеменных столкновениях жителей западносибирской тайги.

Развитие охоты и рыболовства на более высокой, чем прежде, технической основе, рост обмена с соседями, военные столкновения способствовали возникновению имущественного неравенства, выделению родовой знати, появлению к началу второго тысячелетия нашей эры патриархального рабства.

Археологические памятники позволяют видеть тесные связи обских угров как с жителями западносибирских степей, так и с уральским и приуральским населением. С древнейших времен Уральские горы не являлись непроходимой

---

[1]) См. А. М. Золотарев и М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства, «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, 1940, стр. 184.

[2]) См. А. М. Бельницкий, Карта мира по Бируни, «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. I, 1949, стр. 210.

[3]) С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе, «Исторический архив», III, М.-Л., 1940, стр. 93.

гранью между насельниками Европы и Азии. Сложные процессы этногенеза издавна связывали Зауралье с Приуральем. Не препятствовали Уральские горы и торгово-обменным связям. Археологами давно уже было замечено сходство верхнекамских, вычегодских и зауральских археологических памятников, главным образом, изделий из железа. Занимавшееся с древних времен обработкой металла население Урала поставляло металлические изделия жителям Приуралья и Зауралья.

Письменные документы говорят о том, что Верхнее Прикамье, заселенное народом «вису», было хорошо известно волжско-камским булгарам. Через «вису» («весь» — по славянскому произношению) камские булгары завязывали связи с угорскими племенами, жившими по западному и восточному склонам Урала, выменивая у них меха.

Упомянутый нами выше хорезмийский ученый конца X—начала XI вв. Ал-Бируни назвал территорию, лежащую северо-восточнее «вису», «Юра». В русских летописях XI—XII вв. эта же территория известна под именем «Югры».

Ал-Бируни говорил, что от главного города Камско-Волжской Булгарии — Булгара — до области «Ису» 20 дней пути, а от «Ису» до «Юры» — 12 дней. Попасть в страну «Юру» можно только на лыжах или на собаках. О торговле жителей Юры Ал-Бируни рассказывал: «Способ торговли народа Юры заключается в том, что они оставляют свои товары на границе своей страны и удаляются от них по причине их дикости и страха перед другими людьми»[1]).

Среднеазиатские и арабские путешественники и купцы знали, по-видимому, только один путь в Югру — из Камско-Волжской Булгарии через страну «Висy» к угорским группам. Более короткий путь на север по Иртышу им не был еще известен, они даже предполагали, что река Артуш (Иртыш) впадает в Волгу.

Начиная с XIII в., восточные авторы упоминают термины Ибир и Сибир как названия отдельных районов Западной Сибири. В монгольской хронике 1240 г. при перечислении завоеванных монгольскими военачальниками «лесных народов», вошедших в состав улуса сына Чингисхана Джучи, упомянут народ Шибир[2]).

Фазлуллах Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), министр ило-

---

[1]) Цитирую по работе: А. М. Бельницкий, Карта мира по Бируни. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. I, 1949, стр. 210.

[2]) С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань-чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I М.-Л., 1941, стр. 175.

хана Газанхана, врач и историк, называл Ибир и Сибир в числе других завоеванных монголами земель[1]). Арабский автор XIV в. Эломари (Ал-Омари) отмечал, что на восток от Камско-Волжской Булгарии лежит Акакуль, Сибир, Ибир и Чулыман[2]).

По мнению исследователей, Акакуль — это земля вогульских (мансийских) племен. Ибир и Сибир — названия двух районов Западной Сибири, в основе которых лежали самоназвания двух групп угорских племен. Описание расположения и природы Чулымана дает некоторые основания видеть в Чулымане район Причулымья, заселенный в начале второго тысячелетия нашей эры кетами, селькупами и тюркоязычными группами.

Весьма любопытно сделанное Эломари описание климатических особенностей районов Сибири — Ибири и Чулымана. Он писал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома, земли. Вследствие этого у них очень мало скота»[3]).

Эломари — современник золотоордынского хана Узбека (1312—1341). Характеризуя огромные размеры подвластной хану Узбеку территории, Эломари указывал, что «крайними пределами» ее на севере является Сибир, «из которой вывозятся соболь да серая белка»[4]). По-видимому, богатство Западной Сибири ценными мехами привлекало внимание восточного купечества еще во времена могущества золотоордынских ханов.

До походов монгольских военачальников Чингисхана в пределы Южной Сибири территория, заселенная уграми, была довольно обширной. На севере и северо-востоке угры граничили с самодийцами, на юге и юго-востоке с тюркоязычными племенами. На западе поселения угров охватывали район Приуралья. Еще в 30-х годах XIII в. венгерские миссионеры Юлиан, Отто и два их товарища встретили в бассейне реки Белой (на территории современной Башкирии) людей, говорящих на угорском языке. Доминиканские монахи были крайне удивлены тем, что у местных жителей Приуралья язык очень близок к венгерскому, близок настолько, что Юлиан и Отто без труда понимали его. Миссионеры сообщали, что местные жители — «язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери.

---

[1]) Рашид-ад-дин. «Сборник летописей», т. I. 1952, стр. 74—75.
[2]) В. Тизенгаузен. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды», т. I, СПб., 1884, стр. 236.
[3]) Там же, стр. 238.
[4]) Там же, стр. 243.

Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах»[1]).

Очевидно, в сообщениях венгерских миссионеров речь идет о тех угорских племенах, которые вошли составным компонентом в сложившуюся затем башкирскую народность.

Лесные угры Западной Сибири почти целиком утратили коневодство, известное им ранее в период обитания в степной полосе. Основными видами хозяйственной деятельности у них (как мы уже говорили выше) были рыболовство и охота. Остяцкие былины и сказания, сложившиеся, по мнению этнографа С. К. Патканова, в XIII—XIV вв., довольно подробно описывают приемы рыбной ловли при помощи сетей, сплетенных из крапивной пряжи, прутяных ивовых «морд», жердяных «запоров» и т. д. Ловили осетров, нельму, налимов, стерлядь, окуней, чебаков, ершей, щук. Продукты рыболовства занимали одно из главных мест в питании угорского населения. Ловля рыбы начиналась весной и продолжалась в течение лета. На зимний период угры готовили запасы сушеной рыбы. Даже в начале XVIII в. Григорий Новицкий, хорошо знакомый с жизнью остяков (хантов), замечал: «Паче всего повседневная их пища от рыб; зане скорае сие иматн могуть и всегдашним ея употреблением питаются»[2]).

В устном народном творчестве хантов воспеваются «усеяной мелкой галькой чистой Оби обширные воды»[3]). Старшие сыновья остяцких богатырей получают прозвище: «в воду входящие и рыбу крючащие богатыри»[4]).

Значение рыболовства в жизни угорского населения Приобья нашло свое отражение в названиях месяцев. Этнограф Г. Старцев приводит следующие наименования месяцев остяцкого календаря: январь — ач-кул-тылись — замор рыбы в реке; февраль — ай-кар-тылись — месяц малой коры (льда); март — уп-кер-тылись — месяц большой коры; апрель — нобиты-новы — месяц, несущий лед; май — лобыт-эты-тылись — месяц листьев; июнь — вум-кул-новы — несущий нельмы; июль — вуйт-тор-тось-ты-новы — месяц городьбы малых соров (устройства запоров на реке для ловли рыбы); август — уп-тор-тось-ты-новы — месяц городьбы боль-

---

[1]) С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе, «Исторический архив», III, М.-Л., 1940, стр. 81.

[2]) Г. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком 1715 г., Новосибирск, 1941, стр. 44.

[3]) С. Патканов, Остяцкая былина про богатырей города Эмдера, стр. 93.

[4]) Там же, стр. 94.

ших соров; сентябрь — ты-уты-тылись — месяц случки оленей; октябрь — сус-ук-тыды — месяц рубки леса; ноябрь — вак-хат — месяц коротких дней; декабрь — рох-пып-хурных-тылись — орлиный месяц[1]).

Рыбные ловли находились в коллективном владении отдельных угорских групп (родов).

Лодки либо выдалбливались из стволов толстых осин и кедров, либо сшивались из полос бересты. Способ изготовления легких берестяных лодок, по-видимому, был заимствован уграми у соседних с ними в Приобьи самодийцев. В былинах есть упоминание о больших лодках остяцких богатырей, в которых они отправлялись в военные походы. Эти лодки были украшены изображениями зверей и птиц. Имелись лодки, крытые берестой[2]).

Охотились угры при помощи лука и стрел с костяными, деревянными и железными наконечниками на белку, соболя, лисицу, горностая, лося, медведя, дикого оленя и выдру, на птиц — глухаря, тетерева, рябчика, утку, гуся и лебедя, устраивали для зверей ловушки, для птиц — перевесы и т. д.

Большую роль в хозяйственных занятиях и быту угорского населения играл нож. Его имели мужчины и женщины. Обычно нож хранился в деревянных или берестяных ножнах (футлярах), прикрепленных к поясу. Ножом мужчины снимали шкуры убитых зверей, женщины чистили рыбу, резали бересту и т. д.

Охота в жизни угров не утратила своего значения и в начале XVIII в. Упомянутый нами выше Григорий Новицкий в 1715 г. писал о распространенной у остяков охоте на зверя и птицу. По его словам, дети остяков приучаются к стрельбе из лука, к ловле зверей и птиц с малолетства, умеют сделать себе лук и стрелы[3]).

Сезон ловли птиц начинался в последних числах июня «бо в то время птица лишается перия, к летанию же немощна, в доволное остяку попадает препитание. В сие ибо удобное время скорае старые с птенцы уловлять могуть»[4]). Заканчивался сезон ловли птиц в осеннее время, когда птиц ловили переметами и сетями, специально приспособленными для этой цели. Поздней осенью начинался лов зверей.

От своих северных соседей — самодийцев (как об этом

---

[1]) Г. Старцев, Остяки, изд-во «Прибой», 1928, стр. 46.

[2]) С. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям», «Живая старина», отделение этнографии, вып. IV, СПб., 1891, стр. 68.

[3]) Г. Новицкий, указанное выше сочинение, Новосибирск 1941, стр. 43.

[4]) Там же, стр. 44.

уже упоминалось выше) угры заимствовали оленеводство. Приручение олени доставляли мясо, сало, шкуры на одежду, обувь и постель. Начиная с XV в., олени стали использоваться, наряду с собаками, в качестве перевозочных животных. К санкам оленья упряжка прикреплялась при помощи ремней. Остяцкие былины рассказывают, что у остяцкой знати были значительные стада оленей. Олени приносились в жертву богам[1]).

Если предки древних угров, обитая в степной полосе Западной Сибири, были знакомы с коневодством, то в угорском обществе начала второго тысячелетия нашей эры лошади не играли большой роли в хозяйстве. В тайге, изрезанной многочисленными речками, озерами, болотами, зимой покрытой глубоким снегом, лошадь не могла широко использоваться как ездовое животное. Остяцкие былины упоминают лошадь (тау), но, главным образом, как собственность богатырей. В одной из былин рассказывается, что трое остяцких «богатырей» отправились в поход в «полуденную страну» и привезли оттуда «по славному крылоногому животному»[2]).

О коровах, быках, овцах в остяцких былинах нет упоминаний. Тем не менее южные группы угров, очевидно, у тюркского населения лесостепи и степи покупали в обмен на пушнину крупный и мелкий рогатый скот и использовали его как мясной запас. Скотоводство стало распространяться особенно заметно у юго-западных угорских групп (манси) с XIV—XV вв. под влиянием соседей — башкиров и сибирских татар. Во второй половине XVI в. манси (вогулы), живущие в бассейне Туры и Косьвы, имели не только пастбища для скота, но и покосы для заготовки сена на зимний период.

Наряду со скотоводством у отдельных групп манси (таборинских вогулов, у вогулов Еланчинского юрта) в середине XVI в. стали появляться пашни. Сибирские летописи сообщают, что Ермак в 80-е годы XVI в. с населения, живущего по Тавде, собирал хлеб в счет ясака. Но земледелие имелось далеко не у всех мансийских (вогульских) групп и не играло сколько-нибудь заметной роли в добывании необходимых продуктов питания. Оно являлось только дополнением к охоте и рыбной ловле. Сибирские летописи утверждают, что в XVI в. местные жители Западной Сибири «траву и коренья ядяху». Основная масса угров Приобья земледелием не занималась даже в более позднее время. Используя фольклорные материалы, С. К. Патканов полагал, что обские угры исполь-

[1]) С. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям, «Живая старина», отделение этнографии, вып. IV, СПб., 1891, стр. 69.

[2]) Там же, стр. 69.

зовали в какой-то мере зерно как продукт питания, но сами его не производили, а получали его либо от своих южных соседей — татар, либо от западных соседей — зырян (коми). С. К. Патканов обратил внимание, что у остяков и зырян существует общее слово для выражения понятия «хлеб» — н'ан'[1]).

Угры Приобья умели обрабатывать кожи, шкурки пушных зверей. Им было знакомо приготовление нитей из крапивного волокна, плетение сетей и тканье грубого крапивного полотна. Широко была развита обработка дерева и бересты. Из дерева долбили лодки, делали посуду: чашки, тарелки, блюда, большие и малые ложки. Из бересты шили корзины, лукошки, туясы. Уграм было знакомо и изготовление глиняной посуды.

Археологические и фольклорные материалы характеризуют жилище угров как полуземлянку, именуемую «мыг-хот» (земляной дом). Полуземлянка представляла собою четырехугольную яму, в которую иногда опускался деревянный сруб. Крыша делалась из жердей, крытых дерном. Окон в жилище не было. Для света и выхода дыма имелось небольшое отверстие в крыше. Вход в жилище защищался небольшой досчатой дверью. В жилищах военачальников (богатырей остяцких былин) пол и стены были сделаны из дерева, вдоль стен стояли деревянные скамьи[2]). Около жилищ сооружались на высоких ножках деревянные амбарчики, в которых хранились продукты питания и наиболее ценные вещи семьи.

Даже к началу XVIII в. жилище остяков почти не претерпело изменений. Григорий Новицкий, изучавший жизнь остяков, в 1715 г. писал, что у обских остяков в его время существовали два типа жилищ: летние и зимние. Зимние жилища находились в лесах и представляли собою описанные выше полуземлянки, «внутру оных около ложа своя имеють, посреди же огнь полагая». Летом во время рыболовного сезона остяки жили на берегах рек или озер в берестяных переносных юртах[3]).

Еще в первом тысячелетии нашей эры у угров Приобья появились укрепленные поселения, обычно расположенные на крутом, обрывистом берегу реки или озера. Эти укрепленные поселения принято в исторической литературе условно называть городками. Городок (на хантыйском языке «вош») обносился земляным валом, на валу порой сооружался деревянный частокол и ворота. На территории Западной Сибири об-

[1]) С. Патканов, указан. соч. вып. IV, примечание к стр. 72.
[2]) С. Патканов, указан. соч. вып. III, стр. 115.
[3]) Г. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком, Новосибирск, 1941, стр. 45—46.

наружено несколько городищ, остатков угорских городков XI—XV вв. К числу их относится Вежекарское городище на правом берегу Оби, обследованное в 1948 г. В. Н. Чернецовым, Первое Безымянное городище близ г. Тары и др.[1]).

С. К. Патканов перечисляет названия остяцких городков, упомянутых в остяцких былинах и сказаниях: Тапар-вош (около Цингалинских юрт); Карыпоспат-урдат-вош — «богатырский город у Стерляжьей протоки», около южного берега протоки в нижнем течении р. Конды; Эмдер-вош — около Эмдерской, — в Березовском округе; Нанк-хуш-вош — где-то по нижнему течению р. Оби; Сон-хуш-вош — тоже на нижнем течении Оби; Хут-вош — на Иртыше; Тун-пох-вош — на Иртыше; Рут-вош и некоторые другие[2]).

Городки были небольшими по размерам. Судя по фольклорным материалам, в них жили представители выделившейся из массы рядовых охотников и рыболовов родоплеменной знати. Рядовое население продолжало жить в неукрепленных селениях, называвшихся «пугош». Эти «пугош» группировались вокруг городков знати. В случае военного нападения жители окрестных селений укрывались в городке.

Общественный строй западносибирских угров к моменту включения их в состав Русского государства вызывал большой интерес у исследователей. В середине XIX в. А. Бушен утверждал, что угры XV в. жили отдельными родами, которыми управляли «природные князья»[3]). С. К. Патканов для изучения вопроса об уровне общественного развития угров использовал материалы устного народного творчества. Изучением общественного строя угров занимались советские историки С. В. Бахрушин[4]), и Н. Н. Степанов[5]), но из-за скудности исторических источников, вопрос об уровне общественного развития угров Западной Сибири накануне русской колонизации решен лишь в общих чертах.

Документальные материалы свидетельствуют, что в пер-

---

[1]) И. А. Талицкая, Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35, стр. 248, 268, 274.

[2]) С. Патканов, указан., соч., «Живая старина», вып. III, 1891, стр. 100.

[3]) А. Б...ъ, Опыт исследования о древней Югре, «Вестник русского географического общества», кн. IV, СПб., 1855, стр. 17-1.

[4]) С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Изд-во института народов Севера, Л., 1935; С. В. Бахрушин, Основные линии истории обских угров, «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

[5]) Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, «Советская этнография», III, 1936; Н. Н. Степанов, Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России, журн. «Вопросы истории», 1952, № 7.

вом тысячелетии нашей эры основной хозяйственной единицей угров был патриархальный род, уже затронутый разложением. Остяцкие былины характеризуют женщину неполноправной с мужчиной. Вопрос о замужестве девушки решал отец и жених со сватами. Женихом вносился родителям девушки-невесты калым. Род у угров, как и у самодийцев, был экзогамным. Браки могли совершаться только между членами разных родов. Каждый род имел родовое кладбище, обрядовые родовые праздники.

Совершенствование рыболовной техники, приемов рыбной ловли, более широкое применение железных орудий труда (получаемых, главным образом, путем обмена у соседних народов), распространение оленеводства значительно расширили производственные возможности угорского населения, обусловили накопление богатства, развитие обмена. В XI—XIV вв. производственной единицей угорского общества постепенно становилась патриархальная семья. Но она еще не выделилась окончательно из родовой общины.

Каждый род по-прежнему имел свою определенную территорию, считавшуюся его собственностью. Промышлять в тайге зверя, ловить в реках и озерах рыбу можно было только в пределах родовой территории.

В собственности патриархальной семьи были жилища, орудия труда, одежда, домашняя утварь. Постепенно в руках семей сосредоточивались олени, запасы пищи, пушнина. Возникало имущественное неравенство. «Князья», «богатыри» остяцких былин выделялись из остальной массы населения своим богатством.

Значительным источником накопления богатства в руках родоплеменной знати были военные набеги на соседей. Большую часть военной добычи получали представители выделившейся угорской знати: вожди, старейшины. В устном народном творчестве остяков (хантов) и вогулов (манси) довольно часто повествуется о войнах. Былины и героические сказания остяков рассказывают о войнах остяцких богатырей с самодийцами на Оби, повествуют о вытеснении самодийских групп к северу на Ямальский полуостров и северо-востоку в бассейн реки Таза[1]).

В остяцких былинах есть упоминания о войнах богатырей между собой, очевидно, здесь идет речь о межродовых и межплеменных столкновениях.

Используя материалы остяцкого фольклора, С. К. Патканов характеризует приемы ведения войны. Он отмечает, что

---

[1]) См. легенду о войне остяков с самоедами в приложении к книге Г. Старцева «Остяки», 1928, стр. 131—136.

на малочисленных врагов остяки нападали стремительно, осыпая противника тучами стрел. Сражение они всегда начинали стрельбой из луков, стараясь нанести врагу большой урон в живой силе. Постепенно завязывалась рукопашная схватка. Победитель брал себе оружие и доспехи убитого врага и снимал с него головную кожу. Останавливаясь на остяцком обычае снимания скальпа с поверженного в бою противника, С. К. Патканов объяснял его тем, что, по понятиям остяков, душа человека, лишенного скальпа, окончательно умирала[1]).

Древние былины и сказания остяков характеризуют общество, которое уже затронуто имущественным и социальным расслоением. Сюжетами остяцкого (хантыйского) фольклора являются, как правило, военные походы «богатырей» или «уртов». Остяцкое слово «урт» С. К. Патканов переводил как «князь»[2]). Такой перевод термина «урт» вполне справедливо критиковал Н. Н. Степанов. Он указывал, что точнее и правильнее слово «урт» будет переводить как «богатырь», так как использование этого термина как «князь» относится к более позднему времени[3]).

Следует заметить, что у С. К. Патканова нет четкости в понимании сущности термина «князь». Порою он трактует этот термин как понятие, идентичное термину «богатырь» (т. е. представитель выделившейся родоплеменной знати, военачальник)[4]), и в то же время говорит не только о наследственности княжеской власти в остяцком обществе в рассматриваемое время (что несомненно правильно) но и о том, что «образ правления в мелких остяцких княжествах имел некоторое отдаленное сходство с монархическим деспотическим»[5]).

С. В. Бахрушин, используя материалы С. К. Патканова, пришел к выводу о наличии у хантов в период складывания былин (XIII—XIV вв.) довольно развитого феодального общества. «Любопытно отметить, — писал С. В. Бахрушин, — что остяцкие былины, как явствует из их содержания, рисуют быт общества, в котором феодализация уже сделала большие успехи. Остяцкие князья выступают в них с очень яркими чертами мелких феодалов, власть которых уже пере-

---

1) См. С. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям, «Живая старина», вып. III и IV, 1891.
2) Там же, вып. III, стр. 97.
3) Н. Н. Степанов, К вопросу об остяцко-вогульском феодализме, «Советская этнография», III. 1936, стр. 22—23.
4) С. Патканов, указанное соч. «Живая старина», вып. IV, стр. 79.
5) Там же, стр. 76.

росла власть племенных старшин, основанную на родовой связи»[1]). Такая оценка уровня общественного развития хантов является преувеличением. Остяцкие былины и сказания характеризуют наличие имущественного неравенства, наследственную власть «князей». Остяцкие князьки имели, в отличие от массы населения, не только богатые одежды и воинские доспехи, но и лучше устроенные жилища с деревянными полами, половицы последних скреплялись железными и жестяными скобками. Былины повествуют, что в амбарчиках «князей» хранились шкурки ценных соболей, лисиц и другие меха. «Князья» и «богатыри» имели возможность содержать по нескольку жен. Так, богатырь Сонгхуш «с семи концов света он взял в жены семь девиц».

Былины заполнены рассказами о подвигах богатырей, описанием их сражений с северными соседями и соседями, живущими на юге, куда улетают осенью утки и гуси, описанием борьбы с чудовищами. Жили былинные «урты» в укрепленных городках. В песне о двух братьях-богатырях с низовой реки Конды дается описание укреплений такого городка[2]).

У былинных богатырей не только по нескольку жен, но и по нескольку служанок-рабынь. Готовясь к войне, они собирают значительные отряды. На обязанности «уртов» лежала охрана родоплеменной территории от внешних врагов. Они являлись не только военачальниками, но и принимали непосредственное участие в сражениях, вступая в единоборство с военачальниками противника.

С детских лет будущие богатыри занимались физическими упражнениями, воспитывавшими силу и ловкость. Для юношей «княжеских» семей устраивались военные состязания и игры. В них участвовали только «урты». Простой народ, как утверждает С. К. Патканов, только любовался на потехи и игры своих «князей». Игры состояли в стрельбе в цель, в прыгании через натянутые ремни, в борьбе, в беге на лыжах, в метании камней и других упражнениях[3]).

В то же время богатыри и члены их семей принимали участие в производственной деятельности, ходили на охоту, участвовали в рыбных ловлях. В вогульской былине «О Лорвожском соре» сыновья богатыря Лор-уз-одыра ловили на Оби

---

[1]) С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 36.

[2]) См. В. Ф. Теплоухов, О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогул и остяков, «Советская археология», т. IX, 1947, стр. 245.

[3]) С. Патканов, указанное соч., «Живая старина», вып. IV, стр. 77.

рыбу[1]). В остяцкой былине про богатырей городка Эмдера три сына богатыря имели прозвище «В воду входящие и рыбу крючащие богатыри»[2]). Рассказывают былины о промысловой охоте богатырей.

Вместе с тем в хозяйстве угорских «уртов» имелись слуги и служанки из числа пленных, на обязанности которых лежали не только домашние работы в хозяйстве богатыря, но и добывание запасов питания для «княжеской» семьи, уход за его стадами оленей. Фольклорный материал характеризует патриархальную семью богатыря, в составе которой свободные и несвободные члены (рабы) объединены под властью старшего члена ее — домовладыки. Под его руководством участвуют они в производстве материальных благ. Отношения в этой семье пока еще довольно простые: слуга безнаказанно называет хозяина лентяем, а служанка — свою хозяйку «оленьей самоедкой с иловатыми глазами»[3]).

Делая главными героями былин «уртов», наделяя их рядом совершенств: сверхъестественной красотой, силой, фольклорные произведения хантов редко упоминают простых людей (мыгдат-ĵах), рядовых охотников и рыболовов угорского общества, которые составляли главную массу населения. Былины скупо повествуют о том, что рядовые члены общества участвовали в военных походах богатырей, вооружены они были только луком и запасом стрел, в то время как «князья» имели кольчуги и мечи. Термин «мыгдат-ĵах» С. К. Патканов переводит как «земляные люди», т. е. жители полуземлянок[4]).

Богатырь считал для себя оскорбительным быть убитым в бою простым воином. Не решался остяцкий богатырь вступить в брак не только с рабыней, но и с девушкой из «мыгдат-ĵах».

Добытые во время войны рабы и рабыни жили в хозяйстве военачальника, выполняли различные работы по дому, выделывали кожи, заготовляли дрова, ловили рыбу, охотились, пасли стада оленей, выполняли роль глашатаев по созыву народных собраний. Число рабов в хозяйствах угорской знати было невелико. Рабство в угорском обществе носило патриархальный характер. С. К. Патканов по этому поводу писал: «Обращение с рабами было, судя по всему, весьма гуманным. Они были как бы младшими членами од-

---

[1]) См. Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме. «Советская этнография», III, 1936, стр. 24.

[2]) С. Патканов, Остяцкая былина про богатырей города Эмдера, стр. 94.

[3]) Н. Н. Степанов, указанная выше работа, стр. 24.

[4]) С. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри... «Живая старина», вып. IV, стр. 82.

ной и той же семьи. Ни из одного сказания, ни из одной былины не видно, чтобы их господа обижали или притесняли»[1].

С ростом политического влияния в угорском обществе остяцкие «князья» увеличивают свои права на распоряжение личностью раба, в былинах приводятся случаи отдачи рабов в счет калыма за невесту[2].

Сохранялся среди угров периода составления былин институт кровной мести. Судя по былинам, месть за убийство отца или брата или другого ближайшего родственника была священным долгом каждого «урта».

Былины рассказывают о народных собраниях, которые уже созывались только по инициативе «князя» одним из его рабов, объезжавшим близлежащие к княжескому укрепленному городку селения. Народные собрания, говорит С. К. Патканов, начинались жертвоприношениями богам, затем устраивался пир для участников собрания. Самый старший по возрасту участник открывал собрание, обратившись с речью к «урту», прося его объяснить причину созыва людей на сбор. Чаще всего такой причиной был задуманный тем или иным «уртом»-военачальником военный поход. Собравшиеся высказывали свои соображения по вопросу целесообразности предполагавшегося военного предприятия, давали свои советы. Князь, выслушав мнения выступавших, решал вопрос по своему усмотрению и после собрания приступал к вербовке воинов для участия в походе[3].

Конечно, на основании только фольклорных материалов нельзя с достаточной достоверностью охарактеризовать место народного собрания в жизни угров, но, судя по былинам и сказаниям, народное собрание в рассматриваемое время доживало свой век, роль его была значительно меньшей, чем в предыдущий период.

Весь комплекс приведенных свидетельств устного народного творчества позволяет видеть в угорском обществе в XIII—XIV вв. последнюю ступень первобытно-общинного строя с возросшей властью родоплеменной знати, уже начинающей противопоставлять себя рядовым общинникам, но еще не порвавшей окончательно со старыми нормами жизни и родовыми традициями.

Об обособлении знати от рядовых охотников и рыболовов говорит то, что жили представители знати отдельно от массы населения в особых укрепленных поселениях. Образ жизни военачальников, их одежда, жилье, вооружение, за-

[1] С. Патканов, Стародавняя жизнь остяков и их богатыри..., «Живая старина», вып. IV, стр. 83.
[2] Там же, стр. 83, 87.
[3] Там же, стр. 77.

прещение вступать в браки с простыми людьми — все это свидетельствует о начавшемся не только имущественном, но и социальном расслоении угорского общества.

У соседей западносибирских угров — башкир, коми и татар в XII—XIV вв. также протекал процесс разложения родовых отношений. У коми и сибирских татар начиналось становление патриархально-феодальных отношений.

В угорском обществе процесс разложения первобытно-общинного строя выражался, прежде всего, в том, что патриархальный род все более расчленялся на семьи, имевшие частную собственность на орудия труда (орудия охоты и рыбной ловли), жилище, оленей. Выделявшаяся родоплеменная знать сосредоточивала в своих руках материальные ценности в виде продуктов промыслового хозяйства, оленьих стад. Богатства эти пополнялись за счет военной добычи и эксплуатации труда рабов. Особенно возрастали материальные богатства вождей, военачальников угорских племен, которых остяцкие былины называли «уртами», а русские летописи — «князьями».

Вокруг военачальников племен и племенных объединений начинали складываться пока еще небольшие и не постоянные, а собираемые по мере надобности дружины. Кроме военных дружин, в походах угорских военачальников участвовали также взрослые охотники данного объединения.

Постепенно угорские родоплеменные объединения перерастали в территориально-племенные объединения, которые известны в русских письменных источниках XV в. под именем «княжеств».

Крупнейший специалист сибирской истории С. В. Бахрушин считал, что угорские «княжества» XV в. представляли собою «зачатки государственных форм; в частности им были известны наиболее первобытные формы обложения»[1]). Эта мысль С. В. Бахрушина заслуживает внимания. Период существования территориально-племенных объединений угров следует рассматривать как время складывания так называемой военной демократии со свойственными ей народным собранием, военной организацией народа (что нашло особенно ярко отражение в вогульских «сотнях»), патриархальным рабством. Опираясь на материальные ценности, «князья» усиливали свое влияние на соплеменников и постепенно сосредоточивали в своих руках право наследственной передачи власти, право сбора дани с покоренных соседей.

Используя терминологию русских документов, мы впредь

---

1) С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири в XVII в. «Сибирские огни», 1927, № 3, стр. 37.

будем называть территориально-племенные объединения угров XV—XVI вв. «княжествами», не упуская при этом из виду всей неточности и условности этого названия.

Угорские (югорские, как их называют русские летописи) «княжества» по числу объединяемых ими людей были невелики. Возглавлялись они «князьками», в большинстве случаев в XV—XVI вв. уже наследственно передававшими свою власть сыновьям или братьям. Центрами таких «княжеств» были «городки» — укрепленные поселения. Иногда происходило объединение под властью одного военачальника нескольких территориально-племенных единиц. «Князьки» вошедших в объединение «княжеств» сохранялись. Они, по-видимому, в какой-то мере были подчинены вождю большого объединения. Последний в русских документах XV—XVI вв. носил название «большого князя». Так, известен в 80-е годы XV в. руководитель Кодского объединения территориально-племенных «княжеств» на Оби, ниже устья Иртыша, «большой князь» Молдан[1]). Во второй половине XV в. русские документы довольно часто упоминают военачальника вогульского Пелымского «княжества» (так же представлявшего союз или объединение территориально-племенных групп) Асыку, совершавшего набеги на землю коми и владения русских в Перми Малой и Перми Великой[2]).

Кроме Кодского и Пелымского «княжеств», русские документы XV—XVI вв. упоминают Обдорское, Ляпинское, Казымское, Сосьвинское, Белогорское, два Демьянских, «княжество» Бардака и некоторые другие. Кодское «княжество» лежало на Оби ниже устья Иртыша. Центром его было укрепленное поселение Кодский городок. Обдорское «княжество» занимало территорию у впадения Оби в море, на запад оно простиралось до склонов Уральских гор, на восток охватывало тундру, прилегающую к Обской губе. Центр его — Пулноват вош. Ляпинское «княжество» занимало бассейн Северной Сосьвы, Сыгвы, и правого притока Оби Куновата. По документу 80-х годов XVI в. известно, что центром этого объединения был «городок» Куноват (Кун-аут ваш). Кроме его, на территории Ляпинского «княжества» были укрепленные пункты Илчма, Ляпин (Лопынг уш), Мункос (Мункес пауль), Юил (Сек-телек уш) и Березов (Сугмут ваш)[3]). В «городках» имелись подвластные «большому» князю Лугую

---

[1]) С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, стр. 37.

[2]) Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) М.-Л., 1950, стр. 83.

[3]) Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I. М.-Л., 1937, Приложения документов, № 9, стр. 344.

местные «князьки». Казымское «княжество» располагалось вдоль правого притока Оби Казыма, укрепленными пунктами в нем были Казым, Кинчикор или Кельчикор и Черикор[1]). Сосьвинское «княжество» находилось в бассейне южной Сосьвы. Белогорское лежало при слиянии Иртыша с Обью. Два небольших Демьянских «княжества» занимали низовья Иртыша и бассейн притока Иртыша речки Демьянки, впадающей в Иртыш ниже устья Тобола. Крупное объединение вогульских групп, носившее название Пелымского «княжества», охватывало бассейны рек Конды, Пелыма и нижнее течение реки Сосьвы.

Большинство из этих «княжеств» представляло собою объединения или союзы нескольких территориально-племенных групп. Рядовое население мелких групп обязано было поставлять воинов военачальнику своей группы, а последний приводил военные отряды «большому князю».

Выделявшиеся патриархальные семьи (юрты) постепенно обособлялись от слабевшей родовой организации, укрепляли собственность на орудия и продукцию промыслового хозяйства, постепенно закрепляя за собой пользование охотничьими и рыболовными участками.

Экономически крепнувшая знать угорского общества, используя старые родовые традиции, прибирала к своим рукам распоряжение промысловыми угодьями. В недрах первобытно-общинного строя шло вызревание феодальных производственных отношений, но процесс этот совершался « в неблагоприятных условиях охотничье-рыболовческого хозяйства и полукочевого быта»[2]). и протекал чрезвычайно медленно.

Задерживающее влияние на экономическое развитие угорского общества оказало завоевание южных угорских групп сложившимся в XV в. татарским ханством. Обложенные тяжелыми поборами (ясаком) в пользу татарского хана и его мурз, южные угры находились в бедственном положении, значительная часть продукции промыслового хозяйства шла в уплату ясака. Положение усугублялось еще и тем, что татарский хан обязывал угров поставлять ему большое количество воинов, сокращая тем самым возможности расширения охоты и рыбной ловли. Сибирские летописи повествуют о том, что татарский хан не только брал «дани со многих низовых язык» (т. е. с угорских групп, живущих по Иртышу ниже устья Тобола), но также «на рать с собой емлет насилством»,

---

[1]) С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 69.

[2]) «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV в. — начало XVII вв.», изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 656.

заставляя воевать против родственных групп еще не подвластных татарскому ханству и не обложенных ясаком[1]).

Замедленное развитие производительных сил в охотничье-рыболовческом хозяйстве жителей лесного Приобья оказывало свое воздействие на ход общественного развития. Формирование классового общества к моменту включения Западной Сибири в состав Русского государства у угорских групп еще не закончилось, хотя процесс разложения первобытнообщинного строя(как говорилось об этом выше) у них зашел очень глубоко. Поэтому мы склонны, вслед за Н. Н. Степановым, считать ошибочным утверждение С. В. Бахрушина о том, что угорский князек являлся в XV—XVI вв. «маленьким феодальным сеньором», что феодализация в остяцком и угорском обществе «уже сделала большие успехи»[2]). Угорские группы (причем далеко не все в одинаковой степени, например, угры, живущие на Оби выше устья Иртыша, были затронуты процессом разложения первобытнообщинного строя в меньшей мере) находились в рассматриваемое время на рубеже доклассового и классового обществ. Развитие этих групп шло в направлении складывания патриархально-феодальных отношений, которые окончательно оформились уже после включения угорской территории в состав Русского государства.

В русских письменных источниках первые упоминания об уграх относятся к XI в. Составитель «Повести временных лет», перечисляя племена, населяющие соседние со славянами районы, называет не только «заволочьскую чюдь», пермь и печеру, но также и угров.

В русских летописях термин «угры» произносился как «югра» и обозначал как название народа, так и название страны, населенной этим народом.

Территория расселения «югры», по утверждению летописцев, лежала на восток от Печоры, несколько южнее «полуношной страны».

Давнее знакомство русского народа с жителями северо-западной Азии, торговые связи, поездки промысловцев к «Студеному морю» на промыслы за морским зверем, поездки русских людей в Зауралье расширяли знания об угорском населении. Уже в XIV в. в письменных документах появляется новый термин «вогулы» («вогуличи»), которыми обозначали одну из больших, наиболее близко живущих к русской земле групп угров. С этого времени русские письменные источники

---

1) «Сибирские летописи», 1907, стр. 319.

2) С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935, стр. 38, 36.

уже всегда отличают вогулов от остальной массы угров (югры).

Вогулы (манси) занимали территорию на западных склонах Урала по рекам Колве, Вишере, Косьве и Чусовой, и на восточных склонах — по Туре, Тавде, Пелыму и Конде. Население остальной территории северо-западной Сибири, сосредоточенное в бассейне средней и нижней Оби, по-прежнему называлось в русских документах югрой.

Наличие двух названий (вогулы и югры) для населения, живущего на восток от реки Печоры в XIV—XV вв., было так широко распространено, что ряд ученых XIX в. (Карамзин, Абрамов, Бушен, Оксенов, Сердонин и др.) считали югру предками только остяков, но не вогулов. Правда, эта точка зрения подвергалась критике уже в дореволюционное время со стороны Георги, Лерберга, Европеуса и др. В настоящее время большинство исследователей полагает, что древние угры явились основой формирования двух близких по языку и культуре народностей — хантов и манси.

Термин «остяки», обозначавший название другой, несколько отличной от вогулов угорской группы появился в письменных источниках в XVI в. Удачную расшифровку этого термина дал, по нашему мнению, Г. Старцев. Он писал, что ас-ях—одно из самоназваний угорских племен, обитавших в Нижнем Приобьи. Ас— в угорском языке—большая река, в данном случае Обь, jах—люди; ас-jах—обские люди, обской народ[1]). Следует заметить, что многие этнические названия племен лесной полосы Западной Сибири, связанных занятием рыбной ловлей, составлялись по принципу: «люди такой-то реки».

С появлением терминов «вогулы» и «остяки», обозначающих название двух больших групп угорского населения, термин «югра» продолжал употребляться, но уже в несколько ином значении, чем прежде. Югрой в конце XV—XVI вв. называли территорию, расположенную в бассейне Северной Сосьвы и ее притока Сыгвы, населенную вогульскими (мансийскими) племенами. Соседняя с ней область по нижнему течению Оби и морскому побережью, заселенная остяками, носила название Обдор. К югу от Обдора лежала область Кода или Куда, население которой составляли остяцкие группы. На восток от нижнего течения Оби располагалась Мангазея, заселенная самодийскими группами.

Таким образом, содержание термина «Югра» в различное время было различным. В XI—XIII вв. «Югра»—название огромной области на восток от Печеры и в то же время общее

---

[1]) См. Г. Старцев, Остяки, Л., 1928.

название населяющих ее групп, родственных между собою по внешнему физическому облику, культуре и языку, имеющих примерно одинаковый уровень общественного развития, базирующих свою хозяйственную деятельность на рыболовстве и охоте. В XIV в. Югрой называли уже только часть ее прежней территории, а угорские группы, занимающие западные и восточные склоны Урала, были известны под именем вогулов.

С конца XV в. содержание термина «Югра» еще более суживается, им обозначают строго определенную область в бассейне Северной Сосьвы и Сыгвы, а остальные районы прежней Югры получают в русских документах более точное наименование (Обдор, Кода и др.). Постепенно к началу XVII в. термин «Югра» перестал употребляться, а потомки древних угров, занимавших часть Приуралья и лесную полосу Зауралья, стали широко известны соседним народам под именем вогулов (манси) и остяков (ханты).

На изменение содержания термина «Югра» оказали влияние два момента: во-первых, процесс этногенеза угорского общества, начавшийся в давние времена, в XIV—XV вв. привел к формированию двух народностей — хантов и манси, во-вторых, включение территории северо-западной Азии в состав Русского государства и освоение ее русскими людьми привели к лучшему знакомству с этническими и территориальными наименованиями, бытовавшими среди местных жителей Зауралья.

Вогульские группы, занимавшие западные и восточные склоны Уральских гор, находившиеся по соседству с земледельческими народами Среднего Поволжья, с кочевниками башкирами Приуралья и Зауралья раньше других угров Западной Сибири познакомились с земледелием и скотоводством. В XVI в. у вогулов охота и рыболовство дополнялись скотоводством, а у некоторых групп и примитивным земледелием. Часть продуктов охоты (пушнина) шла в обмен русским, башкирам, татарам. На пушнину вогулы у русских выменивали сукна, топоры, ножи, котлы, шеломы, воинские доспехи, украшения. У башкир и татар они в обмен на пушнину приобретали лошадей, крупный рогатый скот, овец. По-видимому, существовали давние торговые связи с различными народностями Поволжья.

Более совершенные приемы добывания необходимых материальных благ, влияние соседства более развитых по уровню социально-экономического развития народов привели к тому, что формирование мансийской народности началось, по-видимому, несколько раньше, чем складывание угорских групп лесного Приобья в хантыйскую народность. К моменту

включения Западной Сибири в состав Русского государства русские поселенцы застали уже две сформировавшиеся народности — хантов и манси.

СЕЛЬКУПЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Восточными и юго-восточными соседями угров Приобья были селькупские группы, или, как их называли в дореволюционной исторической науке, остяко-самоеды. Селькупы занимали в период присоединения Западной Сибири к Русскому государству берега Оби от устья реки Тыма на севере до устья Чулыма на юге, включая все притоки Оби в среднем ее течении.

Доказательством широкого распространения селькупских групп в Среднем Приобье являются, кроме археологических памятников, данные топонимики. А. П. Дульзон писал, что для района проживания селькупов обычны названия рек и речек с окончанием «ка», «га», «джа». Эти окончания являются русской переделкой (морфологизацией) селькупских слов «кы», «гы», «ге»—в значении «река», «кыкке», «кеге»—в значении «речка»[1]).

В настоящее время сохранились в бассейне Тыма и Кети следующие селькупские окончания названий рек и речек: Квербыль-кы, Лымболька, Паджульга, Тедыль-кынак, Ванжил-кынак, Кор-джа, Пиков-ка, Райга, Ла-ке, Пой-га, Катоджа, Тогояш-ка, ее приток Кыке, Чанзы-кы, Коль-джа, Прейкык, Менды-га, Нюби-га, Санджи-ке, Петей-ка, Пельзат-ка, Суй-га, Мусса-ке, Ябес-ка, Чучай-га, Катай-га, Кыкке, Конгой-кыкке, Тюгай-ка, приток Орловки Кымбы-кы, Мосынбайке, Чагызы-кыкке, Нянь-кыкке, Кымбы-кы, Юнгужи-ке, Кардыке и др.

Известны притоки Оби с селькупскими окончаниями: Пачанга, Шеделга, Чунджелька, Пыжига, Ангольджа.

Преобладают селькупские окончания названий рек в нижнем Чулыме: Калаберга, Пуданга, Суйга, Анга (так названы две реки — правый и левый притоки Чулыма), Сайга, Лайга, Лецега, Тузега, Чугойга, приток Улу-юла Чуйка.

Сохранились селькупские окончания названий рек и в левобережьи Оби. Так, известны притоки Васюгана Катыльга, Квенельга, Кильга, Наугатка, Пурелька, Чижапка, Чавга, Нюролька, приток Парбига Чага, притоки Парабели Кёнге, Чу-

---

[1]) А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, «Ученые записки ТГПИ», т. VI, 1950, Томск, стр. 179.

зике, Емельджа, Пинджа, Корга, Хонька, Чага; приток Чаи Икса иначе еще называется Квега.

Е. Д. Прокофьева отмечает, что река Тым (в бассейне которой и в настоящее время живут селькупы) по-селькупски называется Кассыль-кы (что значит Кедровки реки)[1]). Приток Тыма Сангель-кы (в русском произношении Сангелька) означает Глухариная река, Лымпыль-кы (Лымболька)—Орлиная река.

Селькупские названия рек Е. Д. Прокофьева находит и у некоторых притоков реки Ваха, бассейн которого в настоящее время заселяют ханты. Такими селькупскими наименованиями являются Каралькы-йоган (Журавлиная река), Кульйоган (Воронья река). Термин «йоган» у хантов употребляется в значении «река». Е. Д. Прокофьева делает вывод, что первоначально бассейн Ваха населяли селькупы, затем на эту территорию продвинулись ханты (угры), которые частично ассимилировали селькупов, а частично вытеснили их[2]).

Непосредственными соседями селькупов в Среднем Приобье с запада и севера были ханты. Об этом говорят хантыйские окончания названий рек «еган», «юган», «игай», которые, по-видимому, представляют собой русскую переделку хантыйского термина «йоган». Известны названия притоков Оби: Васюган, Кульеган, притоки его Ермаковский Еган, Сартеган, реки Большой и Малый Юган, Ларг Еган, Лымчиняреган, притоки Васюгана: Сиги Еган, Ем Игай, Вилан Игай, Поощин Игай, Нан Игай, Илькойру Игай, Камлин Игай, Ипалы Игай, Ногоспод Еган, Алтын Игай, Помы Игай, Варен Игай, Сарты Еган и др.

Если западными соседями селькупов оказались угры (ханты), то их восточными соседями были кеты. А. П. Дульзон на основании археологических памятников, данных топонимики и этнографического материала утверждает, что район былого расселения селькупов на Чулыме охватывал, главным образом, нижнее течение реки до притока Чулыма Кии, которая еще в XVIII в. называлась по-селькупски «Кы» (т. е. река). На среднем Чулыме селькупы уже жили вперемежку с кетами; об этом свидетельствуют селькупо-кетские названия рек. Так, например, известен Кытат (приток Чулыма правый и с таким же названием левый)[3]).

Термины «тат», «дат», «тет», «дет» в кетском языке озна-

---

[1]) Е. Д. Прокофьева, К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 105.
[2]) Там же, стр. 92.
[3]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952, Томск, стр. 115.

чают «река». Русский перевод названия «Кы-тат» означает «Река-река», причем «Кы» — река по-селькупски, «тат» — река по-кетски. Очевидно, такое же гибридное происхождение имеет название притока р. Ян — Китат.

Названия рек с кетскими окончаниями сохранились до сих пор в бассейне Среднего Чулыма. Известны притоки Чулыма Сургундат, (около современного г. Асино) и Куендат (у с. Пышкино-Троицкого), притоки Кии: Кайдат, Кундат, Талгадат, Алчедат, Чедат, Шиндат, Тондат, Кабидат, Туендат, притоки р. Ян: Китат, Алечедат, Летат, Итат, Улетат, Чегодат, Чендат, притоки р. Чичка-юла: Кандат, Таиндат, Огодат, Коуштат, Кастат, Идат, Кульбедет, Наиндат. Кетские окончания имеют также левые притоки Кети: Туйдат, Тагылдат, Тет, Алтат[1]).

Такое широкое распространение кетских названий свидетельствует о длительном пребывании кетов в бассейне реки Чулыма.

Выше мы уже говорили о том, что селькупы по языку принадлежат к самодийской группе племен. В первые века нашей эры самодийцы продвинулись с Саянского нагорья на северо-запад по правым притокам Оби Чулыму и Кети и постепенно расселились в Среднем Приобьи, ассимилировав местное коренное население, впитав в себя элементы соседних кетской и хантыйской культур.

Если селькупы по языку — самодийцы, то по антропологическим признакам они, как утверждает Г. Ф. Дебец, ближе всего к обским уграм. Весь комплекс обнаруженных источников позволяет сделать вывод, что селькупы сложились в длительном взаимодействии самодийцев с другими древними насельниками Приобья: уграми и кетами. «Отличие селькупов от ненцев и кетов, — пишет Г. Ф. Дебец, — объясняется не столько тем, что в их состав вошли разные расовые компоненты, сколько тем, что эти компоненты представлены у них в разном процентном отношении»[2]).

Основным видом хозяйственной деятельности селькупских групп являлось рыболовство, дополняемое охотой и собирательством. Селькупам, живущим в верхнем течении р. Таза, было знакомо оленеводство, игравшее у них (как и у соседних насельников тундры энцев и ненцев) значительную роль в добывании необходимых материальных благ.

Жили селькупские группы в лесном Приобье оседло. В

---

[1]) А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области, по данным топонимики. «Ученые записки ТГПИ», т. VI, 1950, Томск, стр. 178, 179, 180.

[2]) Г. Ф. Дебец. Селькупы. Антропологический очерк. «Труды института этнографии», Новая серия, т. II, М.-Л., 1947, стр. 122.

течение лета и осени занимались рыбным промыслом и обеспечивали себя запасами рыбы на остальную часть года. При помощи лука и стрел, различных ловушек селькупы охотились на пушных дверей (соболя, лисицу, россомаху, бобра, выдру), ловили для пополнения мясных запасов лосей, диких оленей, в больших количествах добывали боровую и водоплавающую птицу. На бронзовых предметах, обнаруженных И. М. Мягковым на культовом месте горы Кулайки (на берегу р. Чаи около впадения в нее Иксы), довольно часто встречаются изображения лося, птицы, оленей, сидящего на задних лапах медведя[1]).

А. П. Дульзон, проводивший в 1954 г. археологические раскопки Пачангского курганного могильника (Пачанга—небольшая речка Средней Оби, у устья которой расположено ныне с. Молчаново Томской области) и выявивший 36 погребений, относящихся к XVI в. и принадлежавших, несомненно, селькупам, обнаружил в погребениях костяные и железные наконечники стрел[2]). Раскопки другого курганного могильника, расположенного возле так называемой «Остяцкой горы» на старом левом берегу Оби в 2 км от Молчанова, дали в большом количестве костяные и железные наконечники стрел, гарпуновидные костяные поделки и деревянный лук[3]).

На основании археологических данных А. П. Дульзон считает, что селькупы накануне русской колонизации не разводили лошадей, хотя коневодство было одним из занятий их южных соседей в Приобьи. В XVI в. они, судя по материалам Пачангского могильника, употребляли мясо лошади в пищу (правда, крайне редко), в XVII в. (как об этом свидетельствует курганный могильник возле «Остяцкой горы») селькупы даже использовали лошадь в качестве ездового животного[4]), но сами лошадей не разводили, а выменивали их у южных соседей: барабинцев, чатских и томских татар.

Селькупы умели изготовлять глиняную посуду без гончарного круга, обрабатывали шкуры зверей и шили из них одежду, использовали выработанные рыбьи кожи. Им было известно прядение и ткачество, о чем говорят находки пряслиц

---

[1]) И. М. Мягков, Древности Нарымского края. Томский краевой музей, Томск, 1929, стр. 52—56.

[2]) А. П. Дульзон, Пачангский курганный могильник, «Ученые записки ТГПИ», т. XIV (юбилейный), Томск, 1955.

[3]) А. П. Дульзон, Остяцкий курганный могильник XVII в. у села Молчанова на Оби. «Ученые записки ТГПИ», т. XVI, Томск, 1957, стр. 447, 448, 449, 453, 454, 462, 469.

[4]) А. П. Дульзон, Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у села Молчанова на Оби, «Ученые записки ТГПИ», Томск, т. XIII, 1955, стр. 127.

и обрывки ткани из крапивной пряжи местного производства в курганных могильниках Среднего Приобья[1]).

Производственная деятельность селькупов наложила отпечаток на названия месяцев года. А. П. Дульзон указывает, что современному январю (приблизительно) соответствовал у селькупов «месяц большого хребта зимы», марту — «месяц прилета орла», апрелю — «месяц вороны (галки)», июню — «месяц (маленьких) береговых запоров для ловли рыбы» у причулымских селькупов, июлю — «месяц метания икры» у обских селькупов и «месяц больших запоров (для ловли рыбы)» у причулымских селькупов, августу — «месяц белой рыбы, нельмы», ноябрю—«месяц голых от листьев (деревьев)»[2]).

Изменения в производственной деятельности селькупского общества происходили крайне медленно, поэтому наблюдения путешественников и этнографов XIX в. дают нам возможность представить картину жизни селькупских групп и в более ранний период. В этом плане интересны записи М. А. Кастрена, составленные во время путешествия по Сибири в 1845—1849 гг. и характеризующие жизнь обских селькупов. Он писал: «Осень. Каждый занят приготовлениями к предстоящей охоте... мужчины куют, столярничают; женщины шьют и пекут. Как только установится зима, вся деревня начинает готовиться к выходу в тайгу.. нарты нагружаются всеми необходимыми припасами и каждая семья направляется в свои охотничьи угодья. В охоте участвует вся семья, женщины и дети. В конце декабря возвращаются в свои деревни; здесь рыбачат, сбывают добытую пушнину, запасаются провиантом. В начале февраля вновь направляются в тайгу и остаются там до наступления теплой погоды и ухудшения дорог. Короткая весна используется для того, чтобы приготовиться к рыбной ловле. Как только с рек и озер исчезает лед, деревня опять пустеет, и ее население перебирается в своих маленьких обласках с одного берега на другой, из одного водоема в другой. Рыбная ловля продолжается без перерыва до начала сентября, когда приступают к сенокосу, к охоте на глухаря, к сбору брусники и кедровых орехов. По окончании этих работ продолжают рыбную ловлю до ледохода, и тогда вся семья направляется домой со своими запасами в виде сушеной рыбы»[3]).

---

[1]) Там же, стр. 128.

[2]) А. П. Дульзон. Система счета времени у чулымских татар. «Краткие сообщения института этнографии», X, 1950, стр. 61—62.

[3]) Цитирую по статье А. П. Дульзона «Система счета времени у чулымских татар», «Краткие сообщения института этнографии», X, 1950, стр. 63.

Конечно, составленное М. А. Кастреном описание хозяйственной деятельности селькупов первой половины XIX в. представляет картину довольно сложной организации жизни промысловых селькупских групп, которую целиком и полностью нельзя перенести на селькупское общество XV—XV вв., но в основных направлениях хозяйственная деятельность селькупов XIX и XVI вв. была, по-видимому, одинаковой.

Жилищем селькупов в дорусский период сибирской истории служили землянки — «карамо», хорошо известные не только археологам, но и путешественникам-этнографам. Подробное описание селькупского «карамо» дает Е. Д. Прокофьева[1]).

Эти карамо представляли собою выкопанные в земле четырехугольные ямы. Вход в селькупскую землянку был через подземный коридор. Карамо обычно располагались на крутых обрывистых берегах реки, подъезжали селькупы к своему жилью на лодках, которые втаскивались внутрь подземного хода в карамо. Пол землянки постепенно повышался по направлению от входа вглубь самой пещеры к ее задней стенке. Около задней стены карамо устраивалась постель, хранилась одежда, домашняя утварь, все вещи, необходимые в быту рыболовческо-охотничьего населения сибирской тайги. Очаг селькупы обычно делали у передней стены землянки, сбоку от входа. Дым от очага выходил наружу через земляной коридор.

Термин «карамо» как обозначение жилья селькупов постепенно был распространен и на селькупские поселения. На берегах реки Тыма до сих пор существуют населенные пункты, называющиеся «карамо», например, Кегель-Карамо, Пыль-Карамо, Лымбель-Карамо[2]).

По уровню общественного развития селькупы, по-видимому, мало чем отличались от своих северных соседей — ненцев и энцев и от восточных соседей — кетов. Накануне русской колонизации Приобья у селькупов имелась патриархальная родовая организация с весьма заметными пережитками более древнего материнского рода (относительно высокое положение женщины в коллективе, пережитки группового брака, почитание тотемных предков и др.)[3]).

Сложившийся у селькупов патриархальный род сохранялся в течение длительного времени. Советский этнограф

---

[1]) См. Е. Д. Прокофьева, Селькупы, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 666—667.

[2]) См. карту Томской области.

[3]) См. Г. И. Пелих, Условия возникновения территориальной общины-юрты у селькупов Нарымского края, «Ученые записки ТГПИ», т. XIV (юбилейный), Томск, 1955, стр. 276.

Е. Д. Прокофьева указывает, что еще в 20-х годах XX в. селькупы хорошо помнили старое деление на отдельные роды и названия этих родов[1]).

Другой советский этнограф Г. И. Пелих отмечает, что селькупские группы, проживающие в настоящее время на территории среднего Приобья, не имеют никакого единого собирательного имени, они распадаются на территориально-племенные группы, каждая из которых имеет собственное имя[2]). Г. И. Пелих говорит: «Термин «селькупы» был введен в историко-этнографическую литературу в 1930 г. в результате исследования Г. Н. Прокофьевым Тазовской группы селькупов. Собственно термин «селькупы» в качестве племенного самоназвания на территории Нарымского края не употребляется»[3]).

Наличие собственных имен для каждой территориально-племенной группы при отсутствии общего наименования для всех групп свидетельствует о том, что в дореволюционной России селькупы еще не сложились в народность.

Для обозначения понятия род у селькупов применялось слово «тамтыр», что означало «соединение воедино людей однородных, т. е. имеющих одного предка — орла, медведя, журавля и т. д.»[4]).

Селькупский род обычно носил имя птицы или животного (медведя). Члены рода считали себя потомками птицы или медведя, чьим именем был назван данный род. Для членов рода существовали запреты охоты на данное тотемное животное или птицу.

Каждый род имел строго очерченную родовую территорию, считавшуюся его собственностью. Родовая территория включала не только промысловые охотничьи участки, но и водоемы — реки и озера. Поэтому в местности, заселенной селькупами, многие реки носили названия: Глухариная река (Сангель-кы), Воронья река (Кула-кы), Орлиная река (Лымпыль-кы), Журавлиная река (Караль-кы) и т. д.

Е. Д. Прокофьевой удалось выявить основные роды селькупов и уточнить их распределение по фратриям. Так, фратрия «Кедровки» включала роды Медведя, Кедровки, Глухаря и Филина, все они жили в бассейне р. Тыма. Другая фрат-

---

[1]) Е. Д. Прокофьева. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) «Сибирский этнографический сборник», I, «Труды института этнографии, Новая серия», т. XVIII, М.-Л., 1952, стр. 90.

[2]) Указанная выше статья Г. И. Пелих, стр. 255, 258.

[3]) Там же, стр. 255.

[4]) Е. Д. Прокофьева, К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 97.

рия, имевшая название фратрии «Орла», включала роды Журавля, Ястреба, Ворона, Лебедя, Орла[1]).

Известны также «дочерные» роды, отделившиеся от главного рода, например, род Глухариного клюва, Журавлиного клюва и др.[2]).

Селькупский род накануне русской колонизации делился на патриархальные семьи, которые жили в отдельных жилищах, упомянутых нами выше «карамо». В селькупском обществе начиналось, по-видимому, имущественное расслоение. При раскопках курганных могильников на Средней Оби около с. Молчанова А. П. Дульзон обратил внимание на то, что погребения резко отличаются «друг от друга по количеству погребального инвентаря и по его ценности. Иногда,— пишет А. П. Дульзон, — предметов совсем мало, меньше пяти (всего 19 погребений); в некоторых случаях, наоборот, предметов сравнительно много, больше 15 (всего 3 погребения); обычно погребения содержали от 5 до 15 предметов (всего 23 погребения)»[3]).

Но это имущественное неравенство еще не было достаточно глубоким, чтобы привести к заметному социальному расслоению. Экстенсивное рыболовческо-охотничье хозяйство развивалось медленно, относительной примитивности развития производительных сил соответствовали и примитивные формы общественного устройства селькупов.

Выше других селькупских групп по уровню общественного развития стояли обские селькупы, у которых социальное расслоение в XVI в., очевидно, сделало большие успехи. Объясняется это тем, что обские селькупы имели более развитый, чем у других селькупских групп, охотничий промысел, который у них давал продукцию не только для потребления патриархальных семей, но и для обмена с соседними народами. В Пачангском могильнике в погребальном инвентаре обнаружены предметы привозные. К числу их А. П. Дульзон относит раковины каури, стеклянные круглые бусы синего цвета, серебряные пуговки и перстни с щитком-печаткой, медные бубенчики, медные и серебряные четырехугольные пластинки с дырками для нашивки, войлок, кости лошадей и др.[4]).

---

[1]) Е. Д. Прокофьева, К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 106.

[2]) Там же, стр. 90.

[3]) А. П. Дульзон, Остяцкие могильники XVI и XVII вв. у села Молчанова на Оби, «Ученые записки ТГПИ», т. XIII, Томск, 1955, стр. 106.

[4]) А. П. Дульзон, Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у села Молчанова на Оби, «Ученые записки ТГПИ», т. XIII, Томск, 1955, стр. 131.

Эти предметы, очевидно, были приобретены обскими селькупами у южных соседей — тюркоязычных племен Верхней Оби и Алтая или у каких-то других этнических групп Западной Сибири (может быть, у татар Сибирского ханства).

Обменные операции с соседями усиливали имущественное неравенство селькупских патриархальных семей. Шел процесс выделения родо-племенной знати.

На селькупские территории претендовали соседи селькупов. С юга селькупов теснили тюркоязычные племена (барабинцы, чаты, телеуты, томские татары и др). Часть селькупской территории ими была захвачена. С юго-востока на селькупов в известной мере оказывали давление и кеты, правда отодвинутые тюркским продвижением к Енисею и значительно отюреченные в бассейне Среднего Чулыма. С востока на селькупские промысловые угодья претендовали эвенки, переселявшиеся с Енисея. Но самое сильное наступление на селькупскую территорию шло с северо-запада и севера, со стороны хантыйских групп.

Теснимые с Ваха наступлением хантов селькупские группы родов или частей этих родов в конце XVI — начале XVII в. продвинулись к северу и, как утверждает Е. Д. Прокофьева, составили Тазовскую группу селькупов[1]). Здесь они потеснили кочевья энцев, отодвинув последних к северо-востоку. Бассейн Ваха был занят хантами, которые ассимилировали оставшееся, не ушедшее в Тазовскую тундру, селькупское население.

Хантыйское продвижение шло не только в бассейне Ваха, но и в районе Оби выше устья р. Ваха. Об этом свидетельствует преобладание хантыйских окончаний названий рек у притоков Оби, начиная от устья Ваха вверх по течению Оби до устья р. Тыма.

Хантыйские группы начали теснить селькупов также из бассейна левого притока Оби Васюгана. В левобережье Оби, в бассейне Васюгана, преобладают реки с хантыйским окончанием «йоган», «юган», «еган», «игай».

Борясь с хантыйским наступлением, обские селькупы создавали племенные объединения, возглавляемые военачальниками типа остяцких былинных «уртов». Этих представителей местной знати, сосредоточивших в своих руках известные материальные богатства и политическое влияние сре-

---

[1]) Е. Д. Прокофьева. К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 93. Б. О. Долгих полагает, что появление селькупского населения по Тазу и Турухану произошло позднее,. В XVII в. селькупов Тазовской группы, по его мнению, не было (См. «Родовой и племенной состав народов Сибири», М., 1958, стр. 6).

ди селькупов, русские документы XVI в. именуют, как хантыйских и мансийских предводителей территориально-племенных объединений, «князцами».

В 90-е годы XVI в. русские письменные источники упоминают одно из селькупских племенных объединений на Средней Оби, называя его Пегой ордой, а военачальника и предводителя Пегой орды — «князцом» Воней[1]). Центр этого объединения находился на Оби, где-то выше устья Парабели, может быть в районе позднее построенного русского Нарымского острога.

Племенное объединение — Пегая орда — охватывало многие селькупские группы Среднего Приобья. В тесных связях с Пегой ордой Вони находились селькупские группы, живущие в низовьях Васюгана и Тыма, объединение которых возглавлял «князец» Кичей, связанный родственными узами с Воней. Из документов известно, что внучка Кичея была замужем за сыном Вони Тайбохтою[2]). В состав племенного союза — Пегой орды — входили группы селькупов, живщие в бассейне Парабели (левого притока р. Оби), во главе которых в конце XVI в. стоял «князец» Кирша Кунязев.

Племенные селькупские объединения Средней Оби (Пегая орда, Парабельское и объединение, возглавляемое «князцом» Кичеем) в конце XVI в. представляли собою более или менее постоянные союзы родственных групп, в которых выделившаяся знать имела даже право наследственной передачи занимаемой ими должности предводителей объединений. Так, Воне, наследовал в Пегой орде его сын Тайбохта Вонин, Кичею — Вагай Кичеев (тесть Тайбохты). О влиятельном положении Вони в Пегой орде свидетельствует и такой факт: в Тобольске еще до построения Сургута в качестве заложника находился сын «князца» Вони — Урунка. Царская администрация и ее представители в Западной Сибири — воеводы полагали, что достаточно поставить в зависимость от России Воню и «его люди» — жители Пегой орды[3]) будут аккуратно вносить ясак пушниной в царскую казну.

Однако нам представляется преувеличенным и неточным мнение Е. Д. Прокофьевой, которая сближает Пегую орду с остяцкими и вогульскими «княжествами», трактует Пегую орду как «княжество Вони»[4]). Если остяцкие и вогульские

---

[1]) ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. I, л. 28, л. 31об, л. 37.

[2]) См. примечания С. В. Бахрушина к I тому «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, 1937, стр. 500.

[3]) ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. I, л. 37.

[4]) См. Е. Д. Прокофьева, К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 90.

«княжества» к концу XVI в. были прочными, давно сложившимися территориально-племенными объединениями, с весьма сильной социальной дифференциацией, с использованием в хозяйстве знати, уже противопоставившей себя рядовым общинникам, труда рабов, идущими по пути формирования классового общества, то Пегая орда и подобные ей другие селькупские объединения были, по-видимому, пока только племенными союзами, крепнувшими и расширявшими свои рамки лишь в момент борьбы с притязаниями соседей на селькупскую территорию.

Враждебные отношения у Пегой орды сложились с хантыйскими «княжествами» на Оби, особенно с территориально-племенным объединением, которое возглавлялось в конце XVI в. «князцом» Бардаком. Эта хантыйская группа занимала земли по Оби около современного Сургута и в бассейне правого притока Оби, носившего название Тремюгана (или Бардаковки).

Е. Д. Прокофьева ошибочно считает «княжество» Бардака селькупским[1]). Сохранившиеся русские письменные источники позволяют сделать вывод о непримиримой вражде Бардака к предводителю Пегой орды Воне, которая едва ли могла быть у родственных селькупских племенных союзов. Именно этой постоянной враждебностью Бардака к Воне можно объяснить тот факт, что царская администрация в Сибири после основания Сургутского города использовала «людей» Бардака, «тутошних остяков», для военного похода против Пегой орды и приведения селькупов в русское подданство[2]).

Бардак, заинтересованный в скорейшем наступлении на Пегую орду, даже сообщил сибирским воеводам, что изгнанный из Кашлыка во время похода Ермака Кучум «подкочевал к Пегой орде, ссылается с князем Воней» и вместе с ним собирается начать наступление против Сургута[3]).

Все эти данные позволяют полагать, что «княжество» Бардака не было родственным по этнической принадлежности племенному объединению селькупов на Средней Оби — Пегой орде.

После военного поражения Вони и строительства нового русского укрепленного пункта на Оби — Нарымского острога, племенной союз селькупов — Пегая орда, по-видимому, распался. В русских документах первых десятилетий XVII в.

---

[1]) Е. Д. Прокофьева, К вопросу о социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 90.

[2]) ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. I, л. 31об.

[3]) П. Н. Буцинский, К истории Сибири. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г., Харьков, 1893, стр. 8.

термин «Пегая орда» постепенно перестал употребляться, хотя в них имелись неоднократные упоминания о Тайбохте Вонине, Вагае Кичееве, потомках парабельского племенного предводителя Кирши Кунязева и др.

Мелкие селькупские родо-племенные группы с возглавлявшей их местной знатью продолжали существовать уже в составе Русского государства.

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ГРУППЫ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ПОЛОС ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К началу русской колонизации Западной Сибири в южной части таежной полосы, в районе лесостепи и степи жили небольшие тюркоязычные группы, известные в русских письменных источниках под общим собирательным именем «сибирских татар». Это весьма неточное название «сибирские татары» утвердилось за тюркоязычным населением со времени включения его в состав улуса Джучи-Батыя (XIII в.). Оно не оправдывается ни исторически, ни этнически[1]).

С включением Западной Сибири в состав Русского государства тюркоязычные группы, носящие название «сибирских татар», сосредоточивались в уездах Тюменском, Тарском, частично в Тобольском, Томском и составляли небольшую группу населения в Верхотурском уезде.

Тюркоязычные группы также жили на Алтае. Древняя история их довольно обстоятельно изучена Л. П. Потаповым[2]).

Процесс этногенеза тюркских групп чрезвычайно длителен и сложен. Удачную попытку проследить его для алтайских тюрок предпринял Л. П. Потапов[3]). Широко используя археологические, письменные (древнетюркские надписи, китайские летописи) и этнографические источники, он высказал предположение, что еще в период существования в Центральной Азии гуннского союза племен, у ранних кочевников Алтая началось формирование тюркоязычных групп. К моменту образования Тюркского каганата (VI в.) алтайские тюрки составили его основное ядро и были широко известны китайским авторам под собирательными наименованиями «теле» и «тугю». Но это отнюдь не означало, что тюркские племена сложились в народность. Каждая тюркская

---

[1]) См. Х. Г. Гимади, Об употреблении названия «татары», журн. «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 116.

[2]) Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев. М.-Л., изд. АН СССР, 1953.

[3]) См. там же, раздел «Происхождение алтайцев», стр. 133—162.

группа имела собственное этническое наименование, говорила на собственном, отличном от других групп диалекте тюркского языка, имела некоторые особенности в быту и культуре. Между «теле» и «тугю» имелись различия даже в обряде погребения: «теле погребали своих умерших в землю, а тугю сжигали»[1]).

Известное по орхонским надписям наименование «тюрк», по мнению Л. П. Потапова, обозначало не название сложившейся тюркской народности, а употреблялось как название политического объединения различных тюркоязычных племен, пока еще не слившихся в единую народность[2]).

Характеризуя процесс этногенеза насельников Алтая, Л. П. Потапов утверждает, что южные и северные алтайцы имеют различия не только в хозяйственных занятиях, но и сложились они из разных этнических компонентов.

Южные алтайцы, которых китайские источники называли «теле» и «тугю» и которые являлись предками современных теленгитов, телесов, телеутов и собственно алтайцев, в длительном процессе этногенеза впитали значительную часть кыпчакских элементов, о чем свидетельствуют их кыпчакские по происхождению языки[3]). Кыпчакские племена обитали в долине Иртыша и западносибирских степях. На древние связи алтайцев с жителями степной полосы Западной Сибири обратил внимание и Г. Е. Грум-Гржимайло. Он считал, что «Колыбелью тюрок была Бараба. Отсюда в дохуннский период они переместились на юго-восток, в Алтайско-Саянское нагорье, где и заняли части бассейнов Катуни, Бии и западных притоков Енисея, Абакана и Кемчика»[4]).

Большое влияние на формирование тюркских групп Южного Алтая оказали, начиная с XI в., монгольские элементы (найманы, под властью которых в XI—XII вв. находился Алтай, позднее монголы Чингисхана и ойраты).

Северные алтайцы по видам хозяйственной деятельности, языку, культуре, быту отличаются от южных алтайцев. Это положение довольно обстоятельно доказано Л. П. Потаповым. Отмечая, что язык северной группы алтайцев относится не к кыпчакской, а к уйгурской группе тюркских языков, Л. П. Потапов одновременно указывает на наличие некоторой

---

[1]) Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.-Л., изд. АН СССР, 1953, стр. 139.

[2]) Там же, стр. 137.

[3]) Там же, стр. 145.

[4]) Г. Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926, стр. 211.

языковой общности у северных алтайцев с угорскими и самодийскими языками. Наряду с языковой близостью у шорцев и кумандийцев имеются некоторые общие антропологические признаки с обскими уграми, существует также между ними сходство в религиозных обрядах и т. д.[1]). Наконец, Л. П. Потапов отмечает наличие близости шорцев с кетоязычным населением, ссылаясь на бытование кетских топонимов «зас» и «сас» в названиях рек Северного Алтая[2]). Общий вывод Л. П. Потапова сформулирован следующим образом: «Данные языка дают прямое указание на участие в этногенезе северных алтайцев древнеуйгурского тюркоязычного элемента и ассимиляции им мелких разноязычных (уйгурских, самоедских, кетских) племен и родов в районе Саяно-Алтайского нагорья»[3]).

В статье «Шорцы» Л. П. Потапов еще более определенно говорит, что насельники верхнего течения Томи и ее притоков, шорцы, представляют собой тюркизированных потомков угорских, самодийских и кетских племен, являвшихся аборигенами северной таежной части Саяно-Алтайского нагорья[4]).

Таким образом, население Северного Алтая, верхнего и среднего течения Чулыма, бассейна Томи представляется очень сложным по своему этническому составу, оно сложилось из аборигенных угроязычных, самодийскоязычных и кетоязычных племен или частей племен, подвергшихся не только смешению между собою, но и значительной тюркизации, идущей с трех сторон: с юга — со стороны Южного Алтая, с востока — со стороны Енисея, где сложилось сильное объединение тюркских по языку племен енисейских кыргызов и со стороны запада, из-за верхней Оби, где сосредоточивались какие-то тюркоязычные кыпчакские племена. Аборигенное население, подвергшись тюркскому воздействию, восприняло многие элементы тюркской культуры, в том числе и тюркский язык.

Тюркизации подверглось население, жившее рядом с енисейскими кыргызами в бассейне левых притоков Енисея — Абакана и Кемчика. Тюркским по языку постепенно стало население верхнего и среднего Чулыма (правого притока Оби). А. П. Дульзон, используя данные археологии и языка, особенно используя материалы топонимики, пришел к

---

[1]) Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 153, 154.

[2]) Там же, стр. 155.

[3]) Там же, стр. 159.

[4]) Л. П. Потапов, Шорцы, «Народы Сибири. Этнографические очерки». М.-Л., 1956, стр. 493.

твердому убеждению, что чулымские тюрки частью селькупского (самодийского), частью кетского происхождения.

Кетский термин «зас», «зес» в значении «река» широко распространен в Причулымье и Притомье. Реки с кетскими названиями здесь зачастую получают тюркское окончание «су» или «юл» в значении «вода», «река». В качестве примера гибридного названия реки А. П. Дульзон приводит Ар-зас-су, где Ар-зас название реки с кетским окончанием имеет еще тюркское приращение «су»[1]).

Изучая топонимы в названиях рек и речек указанного района, А. П. Дульзон сделал и еще ряд интересных наблюдений: во-первых, иногда реки с тюркским окончанием «су» получают еще дополнительное тюркское приращение «юл» (например: Курлусу-юл — правый приток Урюпа, Юксу-юл— низовья Улу-юла), во-вторых, названия рек с элементом «юл» распространены главным образом у кызыльцев, сагайцев, койбалов, качинцев, этнических групп Причулымья и алтайцев, в-третьих, названия рек с элементом «су» распространены к югу и к западу от притока Чулыма Кии, которая называлась по-селькупски Кы и по-тюркски Су (Кы-су). Они бытуют, главным образом, в Притомье и в бассейне среднего течения Оби (Том-су, Мрасу, Икса, Бакса, Юкса и др.).

На основании этих наблюдений А. П. Дульзон пришел к мысли о наличии двух волн тюркизации местного населения. Одна волна, наиболее ранняя, направлялась на Чулым с юго-запада из бассейна Томи и верхней Оби. Эта волна принесла тюркское приращение «су» в названиях рек. В результате этой волны тюркизации местное население, ассимилированное тюркскими элементами, явилось основой для формирования томских татар и обских тюрков. Другая волна тюркизации, по времени более поздняя, шла на Чулым с юго-востока из Минусинских степей, района обитания енисейских кыргызов. В кетских и других местных названиях рек появилось тюркское приращение «юл» или «чул» (например, Улу-юл, Чичка-юл, Ай-юл, Сту-юл, Алтун-юл, У-юл, Балыкты-юл, Ири-юл, Кызы-юл, Про-юл, Сулу-юл, Саты-юл, Тютю-юл, Боготу-юл, Об-юл, Кундат-у-юл, Чадыр-юл, Ахты-юл, Кургусу-юл, Синти-юл, Зынчул, Инчул, Итчул, Чул и др.) Зона перекрещивания этих двух волн тюркизации лежала по р. Кие и ее притокам[2]).

---

[1]) А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области, по данным топонимики, «Ученые записки ТГПИ», т. VI, Томск, стр. 178.

[2]) См. там же, стр. 181—182; см. А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952, Томск, стр. 115, 117.

Вопреки широко распространенной в исторической литературе теории о том, что чулымские тюрки являются пришлым на Чулыме народом (Г. Ф. Миллер, Георги, Н. М. Ядринцев и др.), А. П. Дульзон утверждает, что они аборигены Причулымья, «ставшие тюрками в результате сложного процесса исторического развития путем смешения и ассимиляции ранее представленных здесь этнических групп»: кетов, селькупов или других племен, близких им по языку. Эти аборигены попали в зависимое положение от тюркских кочевников-скотоводов Южной Сибири. «В результате длительного процесса ассимиляции древнее самоедское (селькупское) и кетское (енисейско-остяцкое) население Чулыма сменило свой язык на тюркский; с особой интенсивностью процесс тюркизации протекал, вероятно, начиная с XIII—XIV вв. Возможно, конечно, что одновременно с указанным процессом смены языка происходили перемещения вниз по Чулыму некоторого числа тюркоязычного населения, которое сливалось со старым его населением. В связи с тем, что процесс тюркизации нетюркского населения Чулыма шел с его верховьев, чулымско-тюркский язык ближайшим образом сходится с кызыльским наречием хакасского языка, распространенным по Черному и Белому Юсам, истокам Чулыма»[1]).

Значительно меньше выявлен и изучен процесс тюркизации местного населения лесостепной полосы, лежащей к западу от бассейна р. Томи.

М. П. Грязнов, изучавший археологические памятники верхнего течения Оби, обратил внимание на то, что в III—IV вв. нашей эры на втором этапе Верхнеобской культуры (который М. П. Грязнов назвал переходным этапом) в курганах появляется трупосожжение, обряд, характерный для тюркских групп. Насельники верхнего Приобья этого времени жили оседло, имея развитое скотоводство. Здесь пока нет, как это имелось у кочевников Южного Алтая, погребений с конем, но при могильных тризнах имелось, по заключению М. П. Грязнова, жертвоприношение коня. Большую роль в хозяйстве продолжала играть охота[2]).

Некоторые изменения в жизни насельников Верхней Оби произошли в VII—VIII вв. на третьем, так называемом Фоминском, этапе Верхнеобской культуры, когда в лесной и лесостепной полосе Западной Сибири широко расселились

---

[1]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952, стр. 124—125.

[2]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 125.

группы угорских племен, оказавших свое воздействие и на культуру жителей верхнего Приобья[1]).

В период Сросткинской культуры на Верхней Оби (IX—X вв.) наблюдается передвижение скотоводческих племен из Алтая на север по лесостепным районам Оби. Эти южные скотоводы ассимилировали или потеснили прежних насельников[2]). Может быть, они принесли тюркскую культуру и тюркский язык в верхнее и среднее Приобье.

Одновременно шел процесс тюркизации и в соседних с Обью, лежащих к западу, районах Прииртышья, где кочевали кыпчакские племена. Очевидно, они оказали воздействие на угорское население, обитавшее по среднему Иртышу и Тоболу, потеснили его к северу, частично ассимилировали. Советские исследователи полагают, что кыпчакские тюркоязычные племена явились одним из составных компонентов в формировании так называемых «западносибирских татар». Известно, что тобольские и барабинские татары по языку принадлежат к кыпчакской группе тюркских языков[3]).

Процесс тюркизации захватил и западные группы угров, о чем свидетельствует распространение тюркских языков в среде башкирских племен, кочевавших на западных и восточных склонах Южного и Среднего Урала.

Сложный и длительный процесс этногенеза у жителей южной части таежной, лесостепной и степной полосы Западной Сибири и у насельников Алтая объясняется тем, что на историческое развитие их оказывали мощное воздействие политические события в Центральной Азии, складывавшиеся там объединения кочевников-скотоводов. Эти кочевнические объединения включали в орбиту своего влияния многие группы жителей Южной Сибири.

Наиболее ранним крупным племенным объединением на территории Центральной Азии, сложившимся еще в конце III в. до н. э. и просуществовавшим до I в. н. э., был гуннский племенной союз, распространявший свое влияние на енисейских кыргызов и некоторых насельников Алтая. Передвижения гуннских орд с востока на запад вызвали передвижки «ранних кочевников Алтая» и некоторых племен степной полосы Западной Сибири, содействовали начальному этапу тюркизации аборигенного населения.

---

[1]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 140.

[2]) Там же, стр. 151.

[3]) В. В. Храмова, Западносибирские татары, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 474.

На смену распавшемуся в Центральной Азии гуннскому объединению складывается сяньбийский союз племен, охватывавший, в первую очередь, кочевников тунгусо-маньчжурского происхождения. Ведя завоевательные войны, сяньбийские племена расширяют свое объединение за счет включения монголоязычных и тюркоязычных кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Под влиянием сяньбийского союза оказался на некоторый промежуток времени и горный Алтай.

С конца IV в. по первую половину VI в. население Алтая оказалось на положении данников сложившегося в Центральной Азии жуань-жуаньского (жужанского) объединения кочевых племен[1]).

Уровень общественного развития у насельников Алтая был неодинаков. Племена Южного Алтая, перешедшие к кочевому скотоводству, по степени социально-экономического развития и общему уровню культуры стояли выше оседлых и полуоседлых охотников и рыболовов Северного Алтая и прилегающих к нему лесостепных и степных районов. У них в последние века до нашей эры сложилась и развилась своеобразная оригинальная культура так называемых «ранних кочевников Алтая», хорошо изученная археологами по погребальному инвентарю больших каменных курганов, относящихся к периоду V в. до н. э. — I в. н. э.[2]).

Археологические памятники характеризуют общество «ранних кочевников Алтая» как общество, в сильной степени затронутое имущественной дифференциацией, со складывающейся верхушкой племенной знати, сосредоточивающей в своих руках табуны лошадей и начинавшей использовать в своем хозяйстве труд рабов из числа военнопленных.

Дальнейшее развитие кочевников Южного Алтая шло в направлении разложения первобытнообщинного строя, усиления имущественного неравенства, возрастания политической роли выделившейся знати. Тюрки Южного Алтая раньше других насельников Западной Сибири приближались к рубежу между доклассовым и классовым обществом. Возрастало значение грабительских войн в среде кочевников. Удачные военные походы, военная добыча с покоренных, захват пленных и превращение их в рабов все больше усиливали племенную знать, создавали условия для превращения ее в эксплуататорский класс.

---

[1]) Г. Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926, стр. 215.

[2]) Л. П. Потапов, Алтайцы, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 330.

К середине VI в. в районе Алтайских гор и степях Семиречья сложился новый мощный союз кочевников, основу которого составили алтайские тюрки. Вскоре он распространил свое влияние и на степи Монголии, разгромив жужаней и принудив их откочевать на запад. Это объединение кочевников с тюркскими группами Южного Алтая во главе известно под именем Тюркского каганата. Оно представляло собою уже более сложную организацию, чем предшествующие ему гуннский, сяньбийский и жуань-жуаньский союзы племен. Советские исследователи полагают, что Тюркский каганат представлял собою раннее государственное образование кочевников с примитивным аппаратом власти, направленным на подавление сопротивления покоренных племен, на взимание с них дани, на удержание в узде не только рабов, но и массы рядовых кочевников. Политический центр каганата вскоре был перенесен с Алтая в Монголию, в долину р. Орхона.

Мы не будем останавливаться на политической истории Тюркского каганата, войнах его с Китаем, военных поражениях тюрков, расчленении каганата на две части (Западный и Восточный тюркские каганаты), на потере независимости и завоевании каганатов Китаем и на восстановлении в VII в. самостоятельности и независимости тюрков от Китая, на истории так называемого Второго тюркского каганата. Все эти вопросы с достаточной полнотой освещены в исторической литературе.

Укажем только на то,что в период существования тюркских каганатов у кочевников Южного Алтая начинают складываться патриархально-феодальные отношения. Выше уже говорилось о том, что эксплуататорский класс тюркского кочевнического общества использовал труд рабов. Богатства, выражающиеся в табунах лошадей, стадах крупного и мелкого рогатого скота, в пушнине, приобретаемой путем взимания дани с покоренных племен охотников лесостепных и таежных районов, увеличивали экономическое и политическое влияние кочевнической аристократии. Чем дальше, тем больше каганы, их военачальники, утверждали за собой право распоряжения пастбищами-кочевьями и тем самым ставили от себя в зависимость рядовых алтайских кочевников, заставляя их выполнять некоторые повинности по поставке продуктов скотоводства в пользу каганов или других представителей знати. Все это вместе взятое создавало условия для возникновения феодальной зависимости при сохранении многих остатков старых патриархальных форм жизни.

На основании китайских источников Л. П. Потапов ут-

верждает, что во втором тюркском каганате приняли весьма обостренные формы противоречия между эксплуататорским классом и рядовыми кочевниками, вылившиеся в ряд восстаний против кагана Мочжо. Во время восстания в 716 г. Мочжо был убит[1]).

В период существования тюркских каганатов сложились и другие политические объединения в Центральной Азии и Южной Сибири. Наиболее известными из них и оказавшими влияние на ход исторического развития жителей Западной Сибири были Уйгурское ханство и объединение енисейских кыргызов.

Между объединениями кочевников-скотоводов шли непрерывные войны. Орды кочевников наносили удары по Китаю, среднеазиатским государствам и Персии. Военные набеги и походы приводили к далеким передвижениям кочевников. Разбитые и вытесненные из старых районов кочевания побежденные орды откатывались в поисках кочевий-пастбищ все дальше к западу, доходя до степных пространств Европы. Так, отброшены были к западу и оказались в причерноморских степях остатки гуннского союза племен. В VI в. в районе среднего Дуная кочевали жужане, известные здесь под именем аваров.

Массовые передвижения кочевнического населения, его перемещение по огромным пространствам степной полосы Азии, вторжения в Европу Карл Маркс называл вынужденной эмиграцией и причину ее видел в давлении избытка населения с неразвитым способом производства на производительные силы. К. Маркс писал: «...давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население вынуждено было совершать те, полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»[2]).

В середине VIII в. Второй восточный тюркский каганат

---

[1]) Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 84.

[2]) К. Маркс, Вынужденная эмиграция. Кошут и Мадзини. Вопрос об эмигрантах (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 8, стр. 568).

пришел в упадок в результате усилившихся внутренних противоречий между знатью и рядовыми кочевниками и особенно в результате военных поражений, нанесенных ему уйгурами и енисейскими кыргызами. В степях Центральной Азии усилилось кочевническое объединение уйгурских групп, известное под именем Уйгурского ханства. Уйгуры захватили кочевья тюркской знати к востоку от Алтая, подчинили своей власти охотничье-рыболовческие племена Северного Алтая и оказали довольно сильное воздействие на тюркизацию их. Население Алтая вынуждено было платить уйгурским ханам дань.

В 840 г. могущество уйгурских кочевников в Центральной Азии и Южной Сибири было сломлено военным поражением, которое им нанесли объединенные в кочевническое государство енисейские кыргызы[1]).

Основные кочевья енисейских кыргызов располагались в Минусинской котловине. В IX в. кыргызы заняли господствующее положение в Центральной Азии. Общественный строй енисейских кыргызов и складывание у них государственности изучены С. В. Киселевым[2]). Используя археологические памятники и данные древнекыргызской письменности, С. В. Киселев показал, что кыргызское общество в VIII—IX вв. возглавляла богатая аристократия, обладательница огромных стад скота и всяческого имущества[3]). Она организовывала военные походы и взимание дани с покоренных племен, распоряжалась военной добычей и эксплуатировала в своем хозяйстве труд рабов. Рядовые кочевники-кыргызы, по мнению С. В. Киселева, «еще не находились на такой ступени подчинения, когда можно было бы говорить о полной зависимости от представителей этой аристократии, от беков, каганов и просто батуров...»[4]).

Данниками кыргызской знати были мелкие племена и роды, жившие к северу и северо-западу от Минусинской впадины в таежных районах, в том числе жители Причулымья. Очевидно, в период кыргызского господства усилилась тюркизация самоедоязычных и кетоязычных групп этого района, точно так же, как в предшествующий период уйгурского преобладания возросла тюркизация аборигенного населения Северного Алтая, бассейна Томи и верхнего течения р. Оби.

---

[1]) См. Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, 1953, стр. 95.

[2]) С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири. Изд. АН СССР, М., 1951, глава IX «Енисейские кыргызы (хакасы)», стр. 559—638.

[3]) Там же, стр. 593.

[4]) Там же, стр. 594.

О значительном влиянии кыргызского (хакасского) языка на язык насельников верхнего и среднего Чулыма говорит, например, тот факт, что хакасское слово «чон» или «йон» в значении «народ», «группа людей» широко использовалось в чулымско-тюркском языке для обозначения понятия «волости» (как совокупности нескольких патриархальных семей чулымцев, живущих по соседству и сообща владеющих промысловыми угодьями). А. П. Дульзон приводит некоторые местные названия чулымских «волостей»: Яцы-йон (Ячинская волость русских источников XVII в.), Кюэрик-йон (Корюковская волость), Тутал-йон (Туталова волость). Окончание «йон» имели и некоторые чулымские населенные пункты, например: Улуг-еежи-йон (отсюда русское название: деревня Ежи), Улуг-пушку-йон (современное село Пышкино-Троицкое, районный центр Томской области)[1]).

В песнях и легендах чулымцев, записанных А. П. Дульзоном, довольно часто рассказывается о нападениях кыргызов, приезжавших на лошадях со стороны притока Чулыма реки Кии[2]).

Кыргызские завоеватели собирали с подвластных им племен дань натурой, продуктами охотничьего хозяйства, шорцы Северного Алтая платили дань железными изделиями.

Господство енисейских кыргызов в Центральной Азии продолжалось до начала X в., когда они были потеснены оттуда кара-китаями. Одновременно с существованием государственности енисейских кыргызов к западу от Алтая в долине верхнего Иртыша кочевали тюркоязычные племена кимаков (западная ветвь которых называлась кыпчаками), оказавшие воздействие на тюркизацию аборигенного населения Барабинской степи, среднего течения Иртыша и Тобола. Здесь из смешения угорских и тюркских элементов сформировались так называемые чаты, барабинцы, иртышские и тобольские «татары» и другие тюркоязычные группы.

Археологические памятники Сросткинской культуры на Верхней Оби, датируемые М. П. Грязновым IX—X вв., говорят о распространении кочевников (носителей этой культуры) по лесостепным районам Оби. Пришельцы-кочевники, по мнению М. П. Грязнова, даже заменили собой прежнее население этих районов. М. П. Грязнов характеризует их как скотоводов, разводивших коней и овец[3]). Пришельцы-кочевники

---

1) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952, Томск, стр. 95, 128, 129.

2) Там же, стр. 94—95.

3) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 151.

продвинулись и дальше вниз по Оби в южную часть таежной полосы, утратив кочевое скотоводство как основную отрасль хозяйственной деятельности, слившись здесь с местным населением и восприняв от него охоту и рыболовство. Сопоставляя предметы Сросткинской культуры Верхней Оби с вещами, обнаруженными в соседних археологических объектах, М. П. Грязнов отмечает много аналогий с предметами погребального культа басандайских курганов (на правом берегу р. Томи близ г. Томска)[1]). Кроме отмеченных М. П. Грязновым аналогий в предметах, имеет некоторое сходство и обряд погребения (обертывание трупа погребаемого в бересту, погребение вместе с покойником конских голов и ног и др.)[2]).

Некоторое сходство в предметах и обряде погребения Сросткинской археологической культуры и басандайских курганов позволяет высказать мысль о влиянии южных кочевников (а может быть, и о продвижении их в лесостепные и южные таежные районы Приобья и бассейна р. Томи) на местное население, жившее охотничье-рыболовческим бытом, на появление у него скотоводческо-охотничьего полуоседлого хозяйства.

Если на Алтае и в прииртышских степях у кочевников наблюдался процесс классообразования, развитие их шло в направлении становления патриархально-феодальных отношений, то в лесостепной полосе у групп охотников и рыболовов, усвоивших приемы полуоседлого скотоводства, подвергшихся некоторому воздействию соседних южных скотоводов, имело место имущественное неравенство: патриархальные семьи, выделившиеся из родовой организации, все больше становились основными ячейками общества.

В XII в. тюркоязычные группы Алтая и западносибирских степей подверглись завоеванию со стороны нового объединения монголоязычных племен найманов. Найманы, разгромив каракитаев, оттеснили их на юго-запад. Западная граница найманских владений в это время доходила до верхнего течения Иртыша. Население Алтая вынуждено было платить дань найманским предводителям.

В XIII в. господство найманов сменилось властью монгольской державы Чингисхана. Монгольские вторжения в пределы Южной Сибири, в районы Саяно-Алтайского нагорья начались после того, как Чингисхан завоевал найманов

[1]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 151.

[2]) З. Я. Бояршинова, Погребальный ритуал в басандайских курганах. Сборник «Басандайка» («Труды Томского гос. университета», т. 98, Томск, 1947, стр. 159—160, 162, 163—164).

и дал приказ в 1207 г. своему старшему сыну Джучи обложить данью «лесные племена»[1]).

Южноалтайские племена оказались в составе владений нойона Чингисхана темника Хорчи, а сын Чингисхана Джучи разгромил группы племен, живших на северо-западе монгольских степей и нанес большое поражение енисейским кыргызам. Северный Алтай и степи, лежащие на запад между верхним течением Оби и долиной Иртыша, были выделены Чингисханом в улус Джучи. Перечисляя народы, входившие в состав владений Джучи, Монгольская хроника 1240 г. называет народ «шибир»[2]).

Монгольская держава была государством, в котором процесс феодализации сделал заметные успехи. Члены ханской семьи, нойоны все больше прибирали к своим рукам монопольное распоряжение кочевьями отдельных улусов и общин, а это приводило к установлению феодальной собственности кочевой аристократии на пастбища, которые по-прежнему оставались в коллективном пользовании кочевых общин. Западноевропейские путешественники, побывавшие в Монгольском государстве в XIII в., Плано Карпини и Вильгельм Рубрук имели возможность наблюдать этот процесс возрастания роли знати в распределении кочевий и постепенный переход пастбищ в собственность феодализирующейся верхушки кочевников. Так, Плано Карпини после пребывания в 1246 г. в монгольской ставке у хана Гуюка писал: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам»[3]). В. Рубрук, посетивший центральную монгольскую ставку несколько позднее Карпини, в 1253 г., также обратил внимание на закрепление пастбищ в руках монгольской кочевой аристократии. Он свидетельствовал: «...и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»[4]). Монгольская хроника 1240 г. еще более определенно говорит о том, что право

---

[1]) Г. Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край. т. II, Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926, стр. 416.

[2]) С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань-чао би ши, т. I, М.-Л., 1941, стр. 175.

[3]) Иоанн де Плано Карпини, История монголов; Вильгельм де Рубрук, Путешествие в Восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб, 1911, стр. 23.

[4]) Там же, стр. 69.

распоряжения пастбищами было в руках знати. Упомянутый нами выше темник Хорчи полностью распоряжался пастбищами подвластных ему групп кочевников Южного Алтая. Монгольская хроника прямо указывает, что «без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений»[1]).

Рядовые кочевники монгольских улусов в XIII в. в известной мере были уже зависимы от распорядителей пастбищами: ханов, нойонов, беков, мурз и тарханов. Они обязаны были поставлять распорядителю кочевьями из своего хозяйства лошадей, овец, кумыс, другие продукты скотоводческого хозяйства и все, что их господа «захотят и сколько захотят»[2]). На обязанности рядовых кочевников лежало не только обязательное участие в военных предприятиях нойонов, но и уплата хану чрезвычайных налогов, предоставление послам хана и другим административным лицам без всякого промедления лошадей, продуктов питания и т. д.

Аристократическая верхушка, обладая огромными стадами скота, широко эксплуатируя труд рабов и зависимых рядовых кочевников, богатела также за счет военной добычи, за счет ограбления и разорения покоренных народов. Во всех странах, где устанавливалось монгольское иго, наблюдался упадок производительных сил, массовое истребление людей, разорение и обнищание населения. Иго монголов привело в упадок земледелие и ремесло в Минусинской котловине, погубило древнюю культуру енисейских кыргызов, уничтожило их письменность. Губительно отразилось монгольское завоевание и на жителях Алтая. Грабительский характер политики монгольских ханов по отношению к покоренным народам, установленный завоевателями режим террора, массовых убийств, военных вторжений с целью грабежа и угона пленных привели к упадку культуры жителей Южного Алтая, что подтверждается археологическими памятниками[3]).

Военные вторжения монгольских орд в различные районы Азии вызвали значительные перемещения различных групп кочевников Южной Сибири, приводили к передвижке их в лесостепную и даже таежную зоны Западной Сибири. Все это усиливало смешение угорских,самодийских, тюркских и монгольских этнических групп, затягивало и усложняло процесс этногенеза народностей Западной Сибири.

---

[1]) С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г., т. I, 1941, стр. 161.

[2]) Иоанн де Плано Карпини, указанное выше сочинение, стр. 24.

[3]) См. Л. П. Потапов, Алтайцы. «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 332.

Выше уже говорилось о том, что тюркизация кетоязычного и самоедоязычного населения Причулымья привела к формированию здесь небольшой этнической группы тюркоязычных чулымцев. Чулымские тюрки жили по берегам верхнего и среднего Чулыма и его притоков. На нижнем Чулыме сохранялось к моменту включения этого района в состав Русского государства селькупское население, не подвергшееся заметной тюркизации, во всяком случае не сменившее своего языка на тюркский. Русские письменные документы XVII в. четко отличают «остяков» (как они называют селькупское население) на нижнем Чулыме и в Среднем Приобье от чулымских «татар». Граница в расселении между селькупами и тюркизированными чулымцами прослеживается и по топонимам[1]).

По письменным документам и данным топонимики выявляется также, что группы, населявшие бассейн Томи (шорцы или абинцы и томские «татары» — эуштинцы), представляли собою тюркизированное аборигенное население. Тюркизированы были и жители Среднего Приобья (чаты и «обские татары»). Рубеж между тюркизированным населением Приобья и селькупами проходил где-то на Оби, ниже впадения в нее р. Шегарки. К югу от «рубежа» жили тюркизированные группы, к северу — селькупские патриархальные роды. Западными соседями чатов были барабинцы, занимавшие район Барабинской степи.

Основными видами хозяйственной деятельности чулымских, томских, обских тюркоязычных групп были охота, рыболовство, собирание корней и стеблей дикорастущих съедобных растений, а также собирание грибов, ягод, кедровых орехов. Охота, рыболовство и собирательство дополнялись, особенно у жителей Притомья и чатов на Оби, скотоводством и примитивного вида земледелием.

О повсеместном распространении охоты у тюркоязычных групп свидетельствуют археологические раскопки, проведенные в окрестностях г. Томска (Тояновом городке, на Басандайке, в селениях Тахтамышево и Чернильщиково), раскопки на берегах Чулыма, в районе селений Тургая и Балагачево, а также случайные находки предметов из курганов и городищ. Археологами найдены железные и костяные наконечники стрел охотничьего типа, кости зверей, остатки меховых шкурок.

Охота доставляла местным жителям основной продукт питания — мясо и удовлетворяла их потребности в одежде.

---

[1]) См. А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области, «Ученые записки ТГПИ», т. VI, Томск, 1950, стр. 177, 181.

Продукты охоты использовались для обмена в торговых сношениях со степными кочевниками. Ценные шкурки пушных зверей служили для уплаты дани соседним воинственным племенам скотоводов, объединявшимся в союзы или даже (как об этом говорилось выше) имевшими примитивную государственность.

Местные жители были пешими охотниками. Большую роль в охоте играли лыжи. На лыжах в зимние месяцы охотники отправлялись в таежные леса на свои «угодья» «промышлять» зверя. Орудиями охоты у пеших охотников были луки и стрелы, самострелы, ножи, капканы и различного рода ловушки. Археологический материал, сосредоточенный в музеях г. Томска (областном краеведческом музее и музее истории материальной культуры при университете), дает богатые коллекции костяных и железных наконечников стрел из курганных погребений.

Наконечники стрел делались из различного материала и имели различную форму в зависимости от их назначения. Наконечники стрел из рога и кости имели форму длинных плоских лопаточек, или круглую с заострением на одном конце, или трехгранную, нередко с продольными желобками. Железные наконечники стрел имели тонкий черенок, вставлявшийся в древко, в рабочем конце они были заостренные или в форме лопаточки, или удлиненного ромба, или раздвоенные в форме вилки. Эти типы наконечников сохранились и в более позднее время. По свидетельству этнографов, деревянными наконечниками стрел алтайцы-охотники еще в XIX в. стреляли бурундуков; железными наконечниками в форме острой лопаточки убивали рыбу; вильчатые наконечники стрел использовались при охоте на птицу, иногда ими стреляли и рыбу; закругленными наконечниками с плоским тупым концом стреляли белок и других мелких зверьков; длинными заостренными костяными и железными наконечниками пользовались при охоте на крупных зверей[1]).

Насколько большую роль играла охота в жизни местного население показывает тот факт, что железные и костяные наконечники стрел, иногда в берестяных колчанах, являлись необходимым атрибутом погребального инвентаря не только в погребениях взрослых мужчин-охотников, но и в погребениях женщин и детей.

Наряду с охотой у местных жителей было развито и рыболовство, что подтверждается археологическими материалами Так, при раскопках «Тоянова городка» (на левом бе-

---

[1]) См. Н. И. Дочевский, Охота в Томской губернии. Научные очерки Томского края, Томск, 1898.

регу Томи против г. Томска) найдены различных размеров рыболовные крючки. В курганах Тургая и Балагачева на Чулыме также обнаружены рыболовные крючки, пешни, остатки рыбьей чешуи и костей рыбы.

Рыбу ловили сетями, сплетенными из волокон дикорастущей конопли и крапивы, прутяными «мордами» (сплетенными из ивовых ветвей), били из луков особыми стрелами и железными острогами, ловили при помощи железных рыболовных крючков. Довольно широко, особенно у чулымцев, был распространен способ ловли рыбы «запорами». «Запорами» назывались плетни из ветвей, перегораживающие речки, протоки (рукава реки), и мешающие рыбе плыть по течению реки. Скапливающуюся у «запоров» рыбу рыболовы вычерпывали особыми черпаками или сачками.

Известное место в хозяйстве местных жителей по Томи, Средней Оби и Чулыму имело собирание дикорастущих съедобных растений, собирание ягод, грибов, кедровых орехов «Собирательством» обычно занимались женщины и дети. Съедобные корни растений, корневища и луковицы выкапывались при помощи особой лопаточки, сделанной из дерева и имеющей железный наконечник. Эти лопаточки-корнекопалки в археологических материалах Томской области представлены большим количеством экземпляров. Для погребений курганных могильников они представляют обычный предмет погребального инвентаря. В некоторых погребениях археологи обнаруживают по два-три железных наконечника корнекопалок, часто со следами дерева во втулке. Корнекопалки находят не только в женских и детских погребениях, но и в погребениях мужских. Так, например, при раскопках Басандайского курганного могильника был обнаружен костяк мужчины-воина с железной саблей, копьем, большим количеством наконечников стрел, железными латами и тут ж находились три железных корнекопалки[1]).

По свидетельству этнографов, собирание дикорастущих растений (их корней и стеблей) сохранилось у местных жителей Саяно-Алтайского нагорья до XIX в., как сохранилось и основное орудие «собирательства»—корнекопалка. Она носила название «озуп» (ozup) в шорском, алтайском, сагайском и качинском языках, «озух» (ozuh) на языке карагасов, «озык» у сойотов и «озып» в телеутском языке. Н. Дыренкова и Л. П. Потапов дали довольно подробное описание

---

[1]) См. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке, сборник «Басандайка» («Труды Томского университета», т. 98, 1947, стр. 87); З. Я. Бояршинова, Погребальный ритуал в басандайских курганах (там же, стр. 164).

озупа шорцев[1]). Имеется упоминание о корнекопалках у В. И. Вербицкого[2]). Озуп или корнекопалка применялась, по свидетельству этнографов, главным образом для копания корней кандыка, крахмалистые корневища которого находятся довольно глубоко в земле. Луковицы сараны (употребляемые в пищу нерусскими жителями в Сибири) выкапывались корнекопалкой простейшего типа, представляющей собою плоскую заостренную деревянную палку.

Кроме кандыка и сараны употреблялись в пищу колба, черемша, корни ревеня, дикая редька, полевой чеснок, борщевик из семейства зонтичных и другие растения.

Проводя этнографическое и лингвистическое обследование чулымских тюркоязычных групп, А. П. Дульзон выявил, что год у чулымцев (как и у их соседей: кетов, сагайцев, койбалов, алтайцев, черневых татар, селькупов и хантов) делился на 13 месяцев. В названиях месяцев нашли отражение основные хозяйственные занятия чулымцев.

У чулымцев, живущих по берегам Чулыма, выше деревни Туталы (недалеко от районного центра Томской области с. Тегульдет), названия месяцев следующие: I—Чылзырты—хребет года (примерно соответствующий январю); II — Тулгай — месяц лисицы; III — Кучуган ай — месяц орла; IV—Каргай — месяц вороны; V — Когай — месяц кукушки; VI—Арык палык ай — месяц тощей рыбы; VII — Изиг юрген ай — месяц теплой икры; VIII — Кузукай — месяц сбора орехов; IX — Чазыг ай — месяц листопада; X — Чалачкак ай — гололистный месяц; XI—Чарым кыш чарым чай — ползимы-поллета; XII — Кичиг соок — маленький мороз; XIII — Улуг соок — сильный мороз[3]).

Ниже деревни Туталы названия месяцев у чулымцев несколько отличаются от указанных выше: I — Јыл сырты ай — месяц большого хребта года; II — Кырланг ай — месяц малого хребта года; III — Кудзуган ай — месяц прилета орла; IV — Каргай — месяц вороны (галки); V — Когай — месяц кукушки; VI — Кыр дуг ай — месяц маленьких береговых запоров для ловли рыбы; VII — Улуг туг ай — месяц больших запоров для ловли рыбы; VIII — Ахвалгай (ак палык ай) — месяц белой рыбы нельмы; IX — Ярыш ай — месяц светлой луны; X — Кызыргак ай — месяц красных листь-

---

[1]) Дыренкова Н. и Потапов Л., Озуп и абыл — хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги, «Культура и письменность Востока», кн. III, Баку, 1928, стр. 103—123.

[2]) В. И. Вербицкий, Словарь алтайского и адалагского наречия, Казань, 1884, стр. 215.

[3]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952, стр. 119.

ев; XI — Ялац как ай — месяц голых от листьев (деревьев); XII — Кидзиг ай суагы — маленький месяц или месяц маленького мороза; XIII — Улуг ай суагы — большой месяц мороза[1]).

Сопоставляя эти названия месяцев у чулымских тюрок, А. П. Дульзон высказывает предположение о том, что население, живущее от д. Туталы вверх по р. Чулыму, больше занималось охотой, чем рыболовством, а население, живущее от д. Туталы вниз по Чулыму, имело в качестве главного занятия рыболовство, охота здесь стояла на втором месте[2]). Это предположение А. П. Дульзона заслуживает внимания и представляется вполне правдоподобным.

Некоторым тюркоязычным группам рассматриваемого нами района было известно и примитивное земледелие (например: шорцам и тюлюберцам верхнего течения р. Томи, кумандинцам на Бие, отдельным этническим группам по верхнему течению притока Чулыма Кие и др.). Л. П. Потапов указывает, что мотыжное земледелие на Северном Алтае существовало задолго до XVI в. В качестве земледельческого орудия труда у северных алтайцев использовалась мотыга — абыл. Обработка земли под пашню на горных склонах начиналась в мае, поэтому месяц май, ранее называвшийся у шорцев «месяцем собирания кандака», стал называться «месяцем битья пашни» (разбивание, разрыхление почвы абылом). Уборка созревших колосьев происходила в августе. Созревшие колосья выдергивали с корнем из земли, связывали в небольшие пучки, затем корни обрубали топором. Именно поэтому у шорцев август назывался «месяцем срубания хлеба», а у других групп алтайцев — «месяцем выдергивания»[3]).

Большинство же насельников Среднего Приобья и Причулымья земледелия даже в его примитивной форме к началу русской колонизации еще не знало. Совсем не случаен тот факт, что в погребальном инвентаре курганных могильников этого района почти не встречаются орудия земледельческого труда. Среди многочисленных археологических находок нет серпов, кос, сошников, плугов. Довольно редко, в единичных случаях, встречаются такие примитивные орудия труда как мотыги, зато (как уже говорилось выше) почти в каждом

---

[1]) А. П. Дульзон, Система счета времени у чулымских татар, «Краткие сообщения института этнографии», X, 1950, стр. 61—63.

[2]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952, стр. 119.

[3]) Л. П. Потапов, Этнографический очерк земледелия у алтайцев, «Сибирский этнографический сборник», I, 1952, стр. 174—181.

кургане в составе погребального инвентаря можно найти железные наконечники корнекопалок (озупов). При раскопках Тургайского и Балагачевского курганных могильников на берегах Чулыма не обнаружены даже и мотыги. Изучая чулымско-тюркский говор деревни Тургай, А. П. Дульзон обратил внимание на то, что в языке чулымцев отсутствуют названия земледельческих орудий труда (коса, серп, плуг, соха, борона и т. д.), «все эти понятия,—пишет А. П. Дульзон,—выражаются заимствованиями из русского языка»[1]).

Скотоводство кочевого и полукочевого типа было распространено в степной части Западной Сибири и на Южном Алтае, где оно являлось основной отраслью хозяйственной деятельности жителей. Скотоводство было знакомо насельникам Верхней Оби, проникало оно и к тюркоязычным группам Притомья и Средней Оби. Но в этих районах наличие таежных лесов и болот затрудняло развитие скотоводства кочевого типа в широких размерах. Местные племена вели оседлый и полуоседлый образ жизни, но наряду с охотой и рыбной ловлей, разводили небольшие стада скота и лошадей. В могильниках, расположенных в ближайших окрестностях г. Томска, встречаются кости овец, конские черепа, кости ног и зубы лошадей, железные удила, стремена, принадлежности конской сбруи, но значительно реже, чем в могильниках минусинских степей. О наличии лошадей у томских и чатских «татар» рассказывают и русские письменные источники конца XVI—начала XVII вв.

Лошади у томских и обских «татар» использовались не только для верховой езды и перевозки грузов, но и для питания. Косвенное свидетельство об употреблении в пищу конского мяса томскими «татарами» дают находки в басандайских курганах, где в погребениях встречаются только конские головы и ноги и нет других более крупных частей конского костяка (очевидно, остальные части убитой лошади шли в пищу).

В районах нижнего и среднего Причулымья (по раскопкам Тургайского и Балагачевского могильников) костей лошади в курганных погребениях нет, но в погребальном инвентаре обнаружены уздечки, стремена, остатки седла и подпруги[2]). Это обстоятельство позволяет говорить, что лошадь была знакома тюркоязычным чулымцам, использовалась ими как верховое животное, но, по сравнению с томскими «татарами», в значительно меньших размерах. Чулымцы сохраня-

[1]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык. «Ученые записки ТГПИ», т. IX. Томск, 1952, стр. 97.

[2]) Там же, стр. 101.

ли быт пеших охотников вплоть до начала русской колонизации.

Не разводили чулымцы и молочный скот. А. П. Дульзон, изучавший язык чулымских тюрков, пишет: «Изобилие синонимов для домашнего скота, известное скотоводам — кочевникам Алтая, чулымским тюркам неизвестно; у них нет своего слова для понятия «пастух» или «пасти», нет своего слова для понятий «сыр», «творог» и т. д.»[1]). Не занимались скотоводством в сколько-нибудь значительных размерах и северные алтайцы.

Промышленность, носившая характер домашней, была развита главным образом у шорцев, носивших в русских письменных источниках название «кузнецких татар». Шорцы и некоторые другие группы Северного Алтая издавна славились умением плавить в примитивных горнах железную руду, получать из нее железо и изготовлять из него котлы, таганы, тазы, удила, стремена, ножи, наконечники стрел, сабли, панцири и другие металлические предметы. Железными изделиями северные алтайцы платили дань кочевническим племенным объединениям и государствам, под власть которых они попадали, начиная с первых веков нашей эры. Железные изделия они обменивали степным кочевникам на скот и продукты скотоводческого хозяйства.

От шорцев («кузнецких татар») железо и железные изделия попадали в лесостепные и южные таежные районы Притомья, Приобья и Причулымья. Привезенный с Алтая металл использовался местными мастерами для изготовления наконечников стрел, озупов-корнекопалок, железных кресал, крючков и других мелких предметов.

Найденные на городищах[2]) кусочки железного шлака, маленькие тигельки[3]), обломки глиняных сосудов, на стенках которых имеется прилипший железный шлак, дают нам возможность высказать предположение о наличии у местных жителей, может быть в очень небольших размерах, примитивного кузнечного дела. Железные изделия алтайских кузнецов попадали и чулымским тюркам. В погребениях на

[1]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык. «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952, стр. 97.

[2]) См. «Археологический музей Томского университета. Каталог». Томск, 1888, стр. 57, № 1134 — куски железного шлака, найденные в осыпи городища на правом берегу р. Томи, ниже устья р. Басандайки; см. «Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета», Томск, 1898, стр. 355, № 4585 — два куска шлака, найденные в обвале старого берега р. Томи, близ «Тоянова городка».

[3]) «Дневники раскопок курганного могильника», Сборник «Басандайка», («Труды Томского университета», т. 98). «Археологический музей Томского университета. Каталог», Томск, 1888, опись № 2441.

нижнем Чулыме обнаружены железный котел-таз, диаметром в 46 см, дужка от железного котла, тесак, стремена, удила, ножи, кельты, наконечники корнекопалок и топоров-корнекопалок и другие предметы[1]). Но сами чулымцы, по-видимому, изготовлением железных изделий не занимались.

Находимые в поздних курганных погребениях (относящихся к XVI—XVII вв.) глиняные горшки очень грубой работы, плохо обожженные, некоторые из них сделаны без гончарного круга. Нанесенный на стенках горшка у закраины орнамент примитивен, состоит из грубо намеченных черточек, иногда редкий елочный или ямочный.

Большой распространенностью среди местного населения пользовалась посуда из бересты. Почти во всех погребениях Тургайского и Балагачевского могильников на Чулыме обнаружены берестяные сосуды местного производства. Местные жители хорошо умели обрабатывать дерево. Из дерева (осины, сосны, березы) вырезывали чашки, миски, блюда, поварешки, ложки, долбили лодки, ступы, изготовляли кожемялки, лыжи, нарты, луки, самострелы, различного рода кацканы и другие нужные в хозяйстве и быту предметы. Из ивовых ветвей плели «морды», устраивали на речках «запоры». Как выше уже было сказано, из бересты изготовлялась посуда. Берестяные сосуды использовались не только для хранения пищи, но и как ларцы-коробки, куда складывались мелкие и наиболее ценные вещи. Из бересты делались футляры для ножей, колчаны для стрел. Береста служила основным покрытием жилища. Из нее местные жители шили лодки. Большую роль играла береста и в погребальном обряде. Она использовалась или в качестве подстилки, или в качестве покрытия покойников, или в качестве подстилки и покрытия одновременно. Иногда из бересты шили особые берестяные футляры-чехлы, в которых покоился труп умершего. Берестяные чехлы в курганах Басандайского могильника имели ладьеобразную форму, сшиты они были из продольных полос бересты, на месте сучков и дырок положены аккуратно пришитые берестяные заплатки[2]).

Берестяные подстилки и покрытия очень часто встречаются в погребениях Нижнего Чулыма (Тургай и Балагачево). Кроме того, там в ряде случаев покойника укладывали в берестяную коробку четырехугольной формы или зашивали

[1]) См. А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, 1952, стр. 186—190 (описание предметов, изображенных на приложенных таблицах).

[2]) См. «Дневники раскопок курганного могильника» и статью З. Я. Бояршиновой, Погребальный ритуал в басандайских курганах. Сборник «Басандайка», («Труды Томского университета», т. 98, Томск, 1947).

его в особый берестяной погребальный чехол. Берестяные футляры-чехлы в головной части украшались очень красивым резным орнаментом на полосках бересты[1]). А. П. Дульзон даже сделал вывод, что кожа в различных изделиях чулымскими тюрками довольно часто заменялась берестой. «Так, например, — пишет он, — ремни от сбруи во многих случаях состоят из слоя кожи и бересты, сшитых вместе, на кожаной обуви обыкновенно имелись берестяные задники и подпятники»[2]).

Все приведенные выше примеры позволяют утверждать, что дерево и особенно береста являлись необходимым материалом для изготовления очень многих предметов, необходимых в жизни человека. Обработка дерева и бересты, изготовление из них различных предметов, были, по-видимому, одним из развитых ремесел местного тюркоязычного населения.

Известное значение в жизни местных племен имело скорняжное дело, обработка снятых шкурок зверей, выделка пушнины и кожи. В курганных погребениях археологами найдены остатки пушных шкурок, кожаные мешочки, остатки кожаных ремней и т. д. Для шитья кожаных мешочков применялись бронзовые и костяные шилья. Для шитья мехов и тканей служили бронзовые и железные иглы с ушком.

О существовании примитивного прядения и ткачества свидетельствуют находки в могилах глиняных и костяных напрясл. Пряжу местные жители получали из волокон крапивы и дикорастущей конопли. Из пряжи вязали сети и ткали ткани. Во многих погребениях Басандайского могильника можно наблюдать следы грубой мешочного типа ткани на железных частях кресал и других металлических предметах. Обнаружены также остатки толстой грубой шерстяной ткани в погребениях на Чулыме[3]).

Но развитие прядения и ткачества у местных племен не следует переоценивать. Основными занятиями жителей Притомья и Причулымья оставались охота и рыболовство, дополняемые у некоторых групп скотоводством и примитивным земледелием. Домашняя промышленность, за исключением тюркоязычных групп верхнего течения р. Томи и ее верхних притоков (так называемых «кузнецких татар»), получила крайне слабое развитие.

---

[1]) См. А. П. Дульзон, Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар, «Ученые записки ТГПИ», т. X, 1953, стр. 140.

[2]) Там же, стр. 181.

[3]) Там же, стр. 145.

По уровню общественного развития тюркоязычные племена лесостепного и лесного Приобья, Притомья и Причулымья, а также племена Северного Алтая отставали от южных соседей — степных кочевников, дошедших в своем развитии до классообразования и складывания государства.

М. П. Грязнов, изучавший историю древних племен Верхней Оби, пришел к выводу, что процесс разложения рода и складывания патриархально-феодальных отношений у насельников Верхней Оби начался в IX—X вв., «когда население северных районов было более тесно вовлечено в орбиту торговых и политических связей с кочевыми народами»[1]). По его мнению, Сросткинскую археологическую культуру на Верхней Оби (IX—X вв.) следует рассматривать как культуру классового патриархально-феодального общества[2]).

Такой вывод, по нашему мнению, не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками. М. П. Грязнов совершенно прав, когда он говорит, что «патриархальная семья выступает как основная экономическая ячейка общества»[3]). Но существование патриархальных семей есть показатель разложения родовой организации, показатель наличия последнего этапа первобытнообщинного строя, но отнюдь не показатель наличия классовых отношений в обществе. Племена Северного Алтая и Верхней Оби на протяжении своей истории не раз включались в государственные образования южных кочевников (в состав Тюркского каганата, Уйгурского ханства), были завоеваны найманскими военачальниками, в XIII в., оказались во владении монголов Чингисхана, но это не позволяет еще говорить о том, что у них сложились классы и сформировалось государство. Все эти завоевания в какой-то мере накладывали отпечаток на внутреннюю жизнь местных групп, содействовали экономическому и политическому усилению выделявшейся родоплеменной знати, но не привели и не могли привести к складыванию классового общества у насельников Верхнего Приобья и Северного Алтая.

Замедленное развитие производительных сил у насельников лесостепной и таежной зоны Сибири обусловливалось целым рядом исторических причин и, прежде всего, наличием у них долгое время неспециализированного хозяйства, «основой которого, — по словам М. П. Грязнова, — служит одновременно охота, рыболовство, земледелие и скотоводство,

---

[1]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 142.

[2]) Там же, стр. 152.

[3]) Там же, стр. 152.

каждое по отдельности доставляющее ограниченное количество продуктов, при слабо еще развитой торговле...»[1]).

У тюркоязычных групп лесостепного Приобья и Северного Алтая это неспециализированное хозяйство сохранялось не до IX в. (как полагал М. П. Грязнов), а значительно дольше, вплоть до присоединения Западной Сибири к Русскому государству. Оно было показателем слабого включения многих этнических групп лесостепной и лесной зоны Сибири в процесс общественного разделеня труда, показателем относительно низкого уровня развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений.

Задерживающее влияние на рост производительных сил тюркоязычного населения лесостепной части Приобья и Северного Алтая оказывали грабительские вторжения кочевнических орд, выплата им дани, подчиненное положение племен Северного Алтая и Верхней Оби в составе государств кочевников. На протяжении ряда столетий тюркоязычные группы были на положении «кыштымов» (зависимых людей) завоевателей. Именно этим можно объяснить, что начавшаяся специализация хозяйства у шорцев (добыча руды и производство металлических изделий) не привела к быстрому имущественному, а затем социальному и классовому расслоению. Производимая шорцами («кузнецкими татарами») продукция шла не столько на обмен с соседними народами, сколько на уплату дани различным завоевателям — кочевническим государствам. Основой же получения необходимых материальных благ у шорцев по-прежнему продолжали оставаться охота, рыбная ловля, собирательство, примитивное мотыжное земледелие.

Особенно большой урон производительным силам тюркоязычных насельников Северного Алтая был нанесен монгольским завоеванием и последующими разорительными вторжениями западномонгольских феодалов (ойратов, позднее джунгаров). К моменту включения Северного Алтая в состав Русского государства у алтайцев процесс разложения родовой организации зашел глубоко, из массы рядовых общинников выделилась и обособилась знать, но переход к классовому обществу еще не произошел.

У северных соседей алтайцев — томских «татар» и чатов на Оби родовая организация также была основательно затронута разложением. Курганные могильники окрестностей г. Томска (Басандайка, «Тоянов городок», Чернильщиково и др.) подтверждают наличие имущественного неравенства

[1]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л., стр. 141.

в среде местного населения в погребениях XIV—XVI вв. В богатых по погребальному инвентарю погребениях Басандайского могильника найдены в большом количестве костяные и железные наконечники стрел, железные ножи с деревянной рукояткой, железные сабли, предметы конской сбруи (пряжки от уздечек, удила, стремена), корнекопалки, разнообразные украшения (височные кольца, перстни со щитком, бисер, бусы, бляшки из серебра и бронзы, бронзовые накладки, подвески из лазурита, серебряные цепи и т. д.). В бедных погребениях, как правило, отсутствуют предметы украшений, совершенно нет конской сбруи, встречаются только железные ножи, огнива (железные части кресал, кремни), железные наконечники корнекопалок, иногда глиняные горшки.

Из родовой организации выделились патриархальные семьи. В патриархальной семье мужчина является главою данной хозяйственной единицы, распорядителем ее имущества, вершителем судеб ее членов. Женщины в патриархальной семье охотничье-рыболовческого населения по-прежнему занимаются «собирательством» и домашним хозяйством. Возросшее значение охоты, рыболовства, начало развития скотоводства оттесняют женщину в экономическом отношении на второй план, как поставляющую дополнительные продукты питания. Положение женщины в патриархальной семье было уже несколько приниженным. Легенды томских и чулымских «татар» рассказывают о существовавшем в давние времена калыме — покупке невесты. В басандайских курганах обнаружены одновременные семейные погребения[1]). Вполне понятно, что при господстве родового строя, когда курганы были усыпальницами отдельных родов, вряд ли в одну могилу могли попасть муж и жена, так как они принадлежали к двум различным родам. Семейные погребения говорят о разложении родового строя, о наличии выделившихся из родовой организации патриархальных семей.

Мысль о наличии патриархальных семей у жителей нижнего течения р. Томи в период, предшествующий русской колонизации, подтверждают находки корнекопалок в мужских погребениях Басандайского могильника. Корнекопалка — орудие собирательства, женское орудие труда—найдена в могиле мужчины-воина, погребенного в полном боевом облачении с копьем, саблей, железными латами и большим

[1]) Курган 77, погребение третье, на общей берестяной подкладке лежали в отдельных берестяных футлярах-гробах костяк мужчины, женщины и двух детей. «Дневник раскопок курганного могильника». Сборник «Басандайка». («Труды Томского университета», т. 98 Томск, 1947).

набором железных наконечников стрел. И вот в этом погребении лежали три железных наконечника корнекопалок! Женские орудия труда могли попасть в могилу мужчины-воина в том случае, если он был главой семьи и распорядителем ее имущества.

О существовании у чатов, томских «татар» и чулымцев выделившихся из рода семей говорят и письменные русские источники начала XVII в. В них можно встретить упоминание, что отдельные семьи «кочуют» отдельно от группы сородичей. Так, в Мелесской-Туталовой волости на Среднем Чулыме «Уезак с детьми три человека» жил особо юртом»[1]). В Басагарской волости отдельно от сородичей жил Соусарко Циндаев сын[2]), в Мелесской-Туталовой волости — «Бачебайко с детьми три человека»[3]). Приведенные примеры можно было бы увеличить.

Наконец, о распадении родовой организации на семьи свидетельствует и то, что при составлении окладных ясачных документов царские воеводы в Томском уезде в начале XVII в. учитывали и облагали ясаком главы тягловых единиц — семей, а не весь род, как это имело место у северных самодийских групп.

В составе семей были не только дети, но и братья, племянники, а иногда и «захребетники». Последние особенно часто встречались в семьях чатских и томских «татар».

Выделившиеся из родовой организации, по соседству живущие семьи были связаны еще родственными узами, старыми традициями родового строя, продолжали сообща владеть промысловыми угодьями (местами охоты, рыбной ловли, пастбищами и т. д.). Такой коллектив по соседству живущих семей, сохранивших коллективную собственность на бывшие родовые владения, составлял соседскую территориальную общину охотников-рыболовов. Члены общины, имея орудия труда в частной собственности, вели свое хозяйство в значительной мере индивидуально, может быть, исключая только устройство «запоров» на реке во время летнего лова рыбы.

Основную массу жителей общины составляли семьи, связанные прежними родственными узами (отцы, дети, братья, дяди, племянники), но наряду с ними появились и «неродственники» («друзья», как их называют русские документы), иногда принадлежавшие даже к другой этнической группе. Возглавлялся коллектив такой общины представителями

---

1) ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 40, л. 22.
2) Там же, кн. 19, кн. 34, кн. 48 и др.
3) Там же, стлб. 307.

местной родоплеменной знати из числа экономически сильных семей, эксплуатировавших обедневших сородичей и пришельцев из других общин «захребетников». Внутри общины имело место имущественное неравенство, шел процесс социальной дифференциации. Главы тюркоязычных общин назывались в русских документах «лучшими людьми», «князцами», «мурзами». Они представляли собой потомков родоплеменной знати, сосредоточивших в своих руках некоторые богатства в виде скота, пушнины и т. д. и захвативших политическую власть в общине над сородичами, родственниками и «друзьями» (пришельцами). Отдельные представители знати использовали в своем хозяйстве и труд рабов (холопов, по терминологии русских источников)[1]), но рабство, даже в его патриархальной форме, не было сколько-нибудь распространено в обществе охотников и рыболовов лесостепной и лесной полосы Западной Сибири. Чаще всего здесь местной знатью эксплуатировались зависимые «кыштымы» или «людишки» (как называют их письменные источники), представлявшие собою, по всей вероятности, завоеванных покоренных соседних общинников, не лишенных орудий и средств производства, обязанных уплачивать дань завоевателям продукцией своего хозяйства.

Отдельные общины у чатов и томских «татар» объединялись в небольшие территориально-племенные союзы, во главе которых стояли сильные предводители, которые в русских документах весьма неточно названы «князцами». В конце XVI—начале XVII вв. известны территориально-племенные объединения у чатов, живших по среднему течению Оби и в низовьях ее притока р. Чик. Русские документы называют объединения чатов под руководством «князцов» Куземенкея и Токкаша, а также «мурзы» Кожбахтыя[2]). Такие же территориально-племенные союзы существовали и у томских «татар» (эуштинцев). Известны имена руководителей объединений томских «татар» князец Тоян, под властью которого в начале XVII в. находилось до 300 семей эуштинцев, «князцы» Евага, Ашкеней и Басандай.

Основную массу населения составляли рядовые общинники, не утратившие своей самостоятельности и называемые в русских письменных источниках «товарыщами» князцов. Они продолжали сообща владеть рыбными ловлями, местами охоты, пастбищами. Только отдельные семьи окончательно

---

1) См. ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 34, л. 749, (Упоминается беглый холоп чатского мурзы Сейдяка).

2) «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. II, М., 1841, док. № 5, см. также ЦГАДА, Татарские дела, ф. 131, стлб. I, 1958 г., л. 2.

обособились от соседской общины, жили «особо от своих товарищей», упрочив в своем пользовании отдельные промысловые угодья.

Уровень социально-экономического развития различных тюркоязычных групп Среднего Приобья, Притомья, Среднего и Нижнего Причулымья был неодинаков. В общественно-экономическом отношении чаты, эуштинцы (томские «татары») ушли несколько дальше других тюркоязычных групп, живущих по соседству с селькупами на Оби и особенно обитавших по Чулыму. Хозяйство у чатов и томских тюрков было более развитым, чем у чулымцев. Оно включало кроме охоты и рыбной ловли еще скотоводство и мотыжное земледелие. Выделившаяся верхушка все более эксплуатировала труд зависимых людей, тем самым увеличивая свое богатство и влияние. Немаловажную роль в упрочении положения знати играли войны с соседями, приносившие военную добычу и расширявшие промысловые территории и пастбищные угодья. Сохранившиеся сказания томских «татар» повествуют о постоянных военных столкновениях между отдельными территориально-племенными союзами из-за промысловых угодий и пастбищ (например, они рассказывают о вражде и военных столкновениях между Тояном и Басандаем[1]).

Существовавшая военная организация, военная подготовка и военный опыт у томских «татар» и чатов были использованы в начале XVII в. царским правительством, которое включило чатов и томских тюрок в состав служилых людей, привлекая их к военно-сторожевой службе по охране русских рубежей в Западной Сибири.

Обские и чулымские тюрки не знали мотыжного земледелия и скотоводства. Уровень хозяйственной жизни, приемы добывания средств существования у чулымских групп были более примитивными, чем у томских «татар» и чатов. Об этом свидетельствует большая роль «собирательства» в их хозяйстве.

А. П. Дульзон, изучавший археологические памятники Чулыма, делает вывод, что чулымское население «состояло из мелких, довольно бедных родоплеменных групп, внутри которых заметно выступает известное социальное неравенство»[2]). В известных археологических памятниках Нижнего и Среднего Причульмья почти отсутствуют предметы военного снаряжения (соответствующие наконечники стрел,

---

[1]) И. Мягков, Предание о княжне Томе и Ушае. Журн. «Сибирские огни», 1926, № 3.

[2]) А. П. Дульзон, Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар, «Ученые записки ТГПИ», т. X, 1953, Томск, стр. 146—147.

копья, кинжалы, мечи, боевые секиры, латы и т. д.) Это позволяет полагать, что военные действия играли незначительную роль в жизни чулымцев. Об этом свидетельствуют и фольклорные материалы. В сказаниях чулымцев говорится чаще всего не о военных походах их богатырей (как это имеет место в фольклоре остяков и вогулов), а о защите от набегов остяков и енисейских кыргызов, причем о защите пассивной, когда чулымцы спасались от враждебных вторжений, «спрятав имущество и скрываясь в тайге»[1]).

Мелкие группы чулымцев назывались на чулымско-тюркском языке (как об этом говорилось выше) «йон» или «чон», например: Улугйежи йон (Большая Байгульская), Улуг пышки (пушку) йон (Большая Каргачинская), Кичиг мышки чон (Малая Каргачинская), Аргун йон (Аргунская), Куарук йон (Корюковская), Тутал чон (Тутальская), Пьлет чон (Мелесская) и др[2]). Чулымский «йон» или «чон» представлял собою небольшой коллектив охотников и рыболовов, связанный родственными узами и коллективной собственностью на лесные и водные участки. Накануне русской колонизации Причулымья «йон» или «чон» уже не был чисто родовой организацией, он, по-видимому, представлял объединение нескольких родственных семей или одну большую патриархальную семью. Поэтому было бы правильнее называть коллективы чулымцев не родоплеменными группами, как об этом пишет А. П. Дульзон[3]), а общинами охотников-рыболовов.

Попытку охарактеризовать хозяйственную жизнь и общественный строй тюркоязычных групп лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в дореволюционной литературе предпринял Н. М. Ядринцев. В статье «Начало оседлости» он рассматривал насельников Приобья и Притомья как прямых потомков вытесненных в лесную зону племен кочевников-скотоводов, которые под влиянием леса перешли к оседлости и «деградировали» в своем хозяйственном развитии, перейдя от развитого скотоводства кочевнического типа к охоте и собирательству[4]).

С этим выводом Н. М. Ядринцева мы не можем согласиться. Наоборот, в тюркоязычных охотниках и рыболовах мы видим не пришлое, а местное (аборигенное) население

---

[1]) А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Ученые записки ТГПИ», т. IX, Томск, 1952, стр. 99.

[2]) Там же, стр. 95.

[3]) А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. «Ученые записки ТГПИ», т. X, 1953, Томск, стр. 146.

[4]) Н. М. Ядринцев, Начало оседлости, «Литературный сборник», издание редакции «Восточного обозрения», СПб., 1885, стр. 143, 146 -147, 151—152, 155.

данной территории, подвергшееся сильному воздействию кочевников — тюрков, может быть несколько отодвинутое к северу перемещениями кочевников Южной Сибири, вторгавшимися в пределы Саяно-Алтайского нагорья. Эти аборигены не деградировали, а только медленнее развивались в экономическом и общественном отношении, будучи поставлены в более неблагоприятные природные условия по сравнению с кочевниками южных степей. Экономическое развитие тюркоязычных групп Западной Сибири задерживалось также и постоянными военными вторжениями кочевников из Южной Сибири, которые разрушали производительные силы местного населения, уводили значительную часть жителей в плен, превращали остальных жителей в своих данников — «кыштымов»[1]).

ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ТАТАРЫ. ТАТАРСКИЕ УЛУСЫ И ХАНСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. СИБИРСКОЕ ХАНСТВО

Тюркоязычное население, жившее в Барабе, по среднему и нижнему течению Иртыша и по Тоболу, в исторической литературе носит название барабинцев, теренинцев, иртышских и тобольских «татар». Иногда его называют общим именем «западносибирские татары».

Процесс этногенеза сибирских татар очень сложен и в полной мере в настоящее время еще не изучен. Участие в в формировании сибирских татар приняли многие этнические группы, в том числе угры и кыпчаки. В период монгольского завоевания (XIII в.) тюркоязычное население в значительной мере смешалось с пришлыми монгольскими группами[2]), но сохранило свой тюркский язык.

Барабинцы, иртышские и тобольские татары были кочевниками-скотоводами, разводившими лошадей и овец, в южной части таежной полосы они занимались полуоседлым скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Изучая археологические памятники западносибирских татар, В. П. Левашева обратила внимание на то, что на всех татарских городищах встречается большое количество костей домашних (лошади,

---

[1]) Вопросы хозяйственного развития и общественного строя томских и обских «татар», жителей Нижнего и Среднего Чулыма накануне русской колонизации освещены в работе З. Я. Боярщиновой, «Население Томского уезда в первой половине XVII в.». («Труды ТГУ», т. 112, Томск, 1950).

[2]) См. В. В. Храмова. Западносибирские татары, «Народы Сибири. Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 474.

коровы, овцы) и диких животных (лося, медведя, кабана, тура, антилопы, лисицы, белки и зайца). Обнаружены кости гуся, утки, тетерева, рыб (щуки, карася, сибирского осетра)[1]. Из орудий рыболовства обнаружены железные остроги, рыболовные крючки, каменные грузила, деревянные поплавки рыболовной сети[2]. Орудия охоты представлены костяными и железными наконечниками стрел[3]. Отдельным группам западносибирских татар было известно и земледелие. В. П. Левашева отмечает находки при раскопках городища Искер (Кашлык) железных серпов, сошников, каменных ручных жерновов[4]. О развитии домашней промышленности говорят находки на городищах большого количества обломков глиняной посуды (гончарное производство)[5]. Найдены костяные лопаточки для выделки шкур, костяные и каменные напрясла, костяные моталки для пряжи, железные иглы, шилья, ножницы[6].

На городищах, которые являются остатками постоянных укрепленных поселений татар, археологами прослежена форма жилища—полуземлянки с поверхностными стенами из плетня, обмазанного глиной. В полуземлянках были сложены глинобитные печи. На городище Искер выявлены деревянные и даже кирпичные постройки с окнами из слюды[7].

Весь комплекс находок позволяет сделать заключение, что хозяйственная жизнь западносибирских татар была довольно сложной, кочевое скотоводство сочеталось с оседлыми поселениями и развитием домашней промышленности в виде гончарного производства, скорняжного дела, прядения, ткачества, шитья, плавки и обработки металла. Уровень экономического развития иртышских и тобольских татар был более высоким, нежели у их соседей — угров, селькупов, тюркоязычных групп Среднего Приобья.

Монгольские завоевательные походы привели к образованию Западного улуса державы Чингисхана, центр которого находился в первой половине XIII в. в степных районах Прииртышья. Это был улус, выделенный старшему сыну Чингисхана Джучи, вскоре перешедший в руки сына Джучи Батыя. Значительная часть иртышских и тобольских татар оказалась под властью монголов. Дальнейшие завоевания монго-

---

[1]) В. П. Левашева, О городищах Сибирского юрта, «Советская археология», 1950, XIII, стр. 347.
[2]) Там же, стр. 344.
[3]) Там же, стр. 344—345.
[4]) Там же, стр. 344.
[5]) Там же, стр. 342.
[6]) Там же, стр. 344.
[7]) Там же, стр. 342.

лов привели к расширению улуса Джучи — Батыя за счет включения в его состав народов Южного и Среднего Урала, поволжских степей, Прикаспия, степных районов Северного Кавказа и Причерноморья. Центральная ставка Батыя была передвинута в низовья Волги, а вся подчиненная Батыю территория, населенная различными этническими группами (тюркоязычными по преимуществу), стала называться Золотой Ордой. Золотая Орда была типичным феодальным государством кочевников, отдельные части которого не были связаны с центром экономически и очень слабо были связаны политически и по мере своего экономического усиления стремились к политическому обособлению. Еще в XIII в. при жизни Батыя в составе Золотой Орды оформились три улуса: Синяя Орда в Поволжьи, Белая Орда в южно-казахских степях, включавшая в свой состав алтайских кочевников, и улус брата Батыя Шейбана, территория которого охватывала, главным образом, северные и западные районы казахских степей по рекам Тоболу и Иртышу. Во главе Белой Орды стоял другой брат Батыя Орда (или Орды-Ичен). Владения Орды-Ичена простирались к северу от озера Балхаша, включали Западный Алтай, Кулундинскую, Ишимскую и Барабинскую степи. Улус Шейбана охватывал земли, лежащие к востоку от р. Яика (Урала) в долинах рек Иргиза, Ори, Илека, Чу, Сары-Су и в низовьях Сыр-Дарьи. На север влияние монгольских завоевателей простиралось до границы расселения тюркоязычных и угорских племен.

Со второй половины XIII в. улусы Орды-Ичена и Шейбана стали почти самостоятельными объединениями, не зависящими от золотоордынского хана, основные владения которого лежали на Нижней Волге, Северном Кавказе и в причерноморских степях. Только хану Золотой Орды Узбеку (1312—1341 гг.) удалось несколько упрочить ханскую власть и на время объединить в своих руках почти всю территорию бывшего улуса Джучи—Батыя. Об этом оставил известия современник золтоордынского хана Узбека Эломари (Ал-Омари). Он писал: «Пределы сего царства Узбекова (простираются) в длину от Дергана Харезмского на востоке до Башгырда, а в ширину от Харезма до крайних пределов земли Сибирской, из которой вывозятся соболь да серая белка»[1]). Под властью Узбека был не только Булгар (Камско-Волжская Булгария) и «Башгырд» (земли башкирских племен), но и районы, расположенные на восток от них «страны Сибир, Ибир, Чулыман»[2]).

[1]) В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 243.

[2]) Там же, стр. 243.

Находившиеся под властью хана Узбека тюркские кочевые племена Белой Орды и улуса Шейбана получили в XIV в. весьма неточное общее наименование «узбеки»[1]).

Во второй половине XIV в. усобицы и вооруженные столкновения владельцев отдельных улусов становятся постоянным и характерным явлением на территории бывших владений Джучи—Батыя. Объединенная под властью хана Узбека Золотая Орда начинает все больше и больше расчленяться на части. На востоке от Урала разгорается борьба между потомками Орды-Ичена и Шейбана. В нее вмешиваются мурзы выделившейся Ногайской Орды, феодализирующаяся знать местных тюркоязычных племен Урала (башкиры) и зауральских степей (предков современных казахов).

В казахских степях и на юге Западной Сибири складываются несколько обособленных улусов, орд и ханств. Об одном из них, территория которого, вероятно, располагалась по берегам р. Ишима, упоминал Абулгази, называя его «Тураном»[2]). В 20-х годах XV в. известен правитель «Турана» Хаджи Мухаммед из числа потомков Шейбана[3]). Центральной ставкой Хаджи Мухаммеда было укрепленное поселение Кизыл Тура при впадении Ишима в Иртыш.

Разложение первобытно-общинного строя у западносибирских татар привело к выделению сильной местной знати, широко эксплуатирующей труд зависимых людей. Упрочение ее экономического положения, начавшийся в обществе иртышских и тобольских татар процесс феодализации привели к тому, что в XIV в. был сделан шаг к образованию государства. Это раннее татарское политическое объединение занимало среднее течение Тобола и междуречье его притоков Тавды и Туры. Центр его назывался Чимга-Тура. Он находился на берегу р. Туры на месте современной Тюмени. Во главе правительства в Тюменском ханстве (как называют это государство в исторической литературе) первое время стояли представители или ставленники золотоордынских ханов и само Тюменское ханство было в какой-то мере подчинено Золотой Орде. О зависимости Тюменского ханства от золотоордынских правителей говорит то обстоятельство, что в самом конце XIV в. или в начале XV в. в Чимга-Туру бежал изгнанный из Золотой Орды после ряда поражений, нанесенных Тимуром, потомок Орды-Ичена из дома Чингисидов

---

[1]) См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, стр. 299.

[2]) См. Абуль-Гази, Родословное древо тюрков, СПб, стр. 156.

[3]) М. Г. Сафаргалиев, Разгром Большой Орды, «Записки научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР», № 11, (история и археология), Саранск, 1949, стр. 80.

Тохтамыш и стал искать опоры у местной татарской знати в борьбе со своими врагами. На короткий промежуток времени управление Тюменским ханством оказалось в руках Тохтамыша[1]).

При правителе Золотой Орды эмире Едигее власть в Тюменском ханстве в 1408 г. захватил его ставленник Чегра, который не сумел долго удержаться в Чимга-Туре.

В степях Восточного Дешт-и Кыпчака[2]) шла упорная борьба между правителями Белой Орды и потомками Шейбана. Власть над кочевниками «узбеками» в 20-е годы XV в. захватил с помощью внука Тимура Улугбека (правителя Средней Азии) представитель правящего дома Белой Орды Барак-хан, который продержался до 1428 г. Против него выступили шейбаниды (потомки чингисида Шейбана) в союзе с другими кочевниками. На съезде кочевнической аристократии «узбеков» в 1429 г. ханом был провозглашен шейбанид Абулхайр (1429—1468 гг.). В состав кочевнического объединения Абулхайра были включены и некоторые тюркоязычные племена по Иртышу (иртышские татары). Источники говорят о том, что съезд «узбекской» кочевой знати, где решался вопрос об избрании Абулхайра, происходил в укрепленной ставке на берегу Иртыша в районе современного города Тары[3]). Очевидно, в начальный период правления Абулхайра на Иртыше находились центральные кочевья этого объединения «узбеков». Отсюда Абулхайр повел наступление на орду Хаджи-Мухаммеда, кочевавшую по берегам Ишима. Где-то в степях между Ишимом и Тоболом кочевники Хаджи-Мухаммеда потерпели поражение и их кочевья оказались в руках Абулхайра.

Таким образом, значительная часть южных районов Западной Сибири и казахских степей оказалась под властью объединения кочевников «узбеков» с Абулхайром во главе. Борясь со своими противниками в казахских степях, Абулхайр поддерживал дружественные отношения со своим юго-западным соседом—Ногайской Ордой, окончательно сформировавшейся и обособившейся в XV в. в Заволжьи и Южном Урале.

Жестокий гнет кочевнической аристократии, беспрерыв-

---

[1]) См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» ч. II, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 464.

[2]) Восточным Дешт- и Кыпчаком назывались казахские степи, простиравшиеся от Уральских гор на восток до реки Иртыша, заселенные потомками кыпчакских племен.

[3]) А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, «Труды института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XII, 1954, Сталинабад, стр. 24.

ные междоусобицы и военные столкновения между владельцами отдельных улусов, орд и ханств, терзали, калечили, обескровливали подчиненные им племена, тормозили развитие их производительных сил и общественного строя.

Крайне разорительными были для местных кочевых племен завоевания Абулхайра и его войны против преемников Барак-хана.

Сыновья Барак-хана Гирей (Кирей) и Джанибек в середине XV в. со своими улусами откочевали в Моголистан в долину р. Чу. Сюда к ним начали стекаться враждебно настроенные к Абулхайру кочевники Восточного Дешт-и Кыпчак. С этого времени объединившиеся вокруг Гирея и Джанибека кочевники стали называться «казахами» или «узбеко-казахами»[1]).

Между тем кочевники «узбеки» объединения Абулхайра повели наступление на земледельческие оазисы и старинные города Средней Азии. Уход «узбекских» групп в Среднюю Азию привел к тому, что «казахи» Гирея и Джанибека вернулись из долины р. Чу на старые свои кочевья в южно-казахские степи, и здесь сложилась Казахская Орда.

После смерти Абулхайра в Узбекской Орде с новой силой разгорелись усобицы. Против преемника Абулхайра его сына Шейх-Хайдар хана выступили почти одновременно несколько противников: правители Казахской Орды Джанибек и Гирей, влиятельные ногайские мурзы Муса и Ямгурчей в союзе с внуком убитого на Тоболе Хаджи-Мухаммеда Ибаком и Ахмед-хан — правитель Большой Орды (так называлась во второй половине XV в. центральная часть расчленившегося Золотоордынского государства). Шейх-Хайдар хан потерпел крупное военное поражение и погиб в борьбе со своими противниками. Узбекская кочевническая орда распалась на отдельные обособленные улусы. Сыновья Шейх-Хайдара бежали под защиту астраханского хана Касима, а затем в Среднюю Азию. Только в начале XVI в. одному из них Мухаммеду Шейбани удалось собрать под своей властью «узбекские» улусы, создать новое объединение кочевых племен, положить начало династии «узбекских шейбанидов»[2]), повести вновь наступление на Среднюю Азию, где правили потомки Тимура — тимуриды. Мухаммед Шейбани занял Бухару, овладел Самаркандом, пытался завоевать Гарат и Ургенч. В 1510 г.

---

[1]) В. Ф. Шахматов, К вопросу об этногенезе казахского народа, «Известия АН Казахской ССР», № 94, серия историческая, вып. 6, Алма-Ата, 1950, стр. 99.

[2]) Не следует смешивать династию узбекских шейбанидов с потомками чингисида — сына Джучи Шейбана, которые в исторических источниках также называются шейбанидами.

в борьбе с иранским шахом Исмаилом за территорию Мерва Шейбани был убит.

Вернемся к политическим событиям в восточной части Дешт-и Кыпчак во второй половине XV в. После ослабления Узбекской Орды при преемниках Абулхайра в степях Притоболья усилился при поддержке ногайских мурз Мусы и Ямгурчея внук Хаджи-Мухаммеда Ибак. Ему удалось захватить в свои руки Тюменское ханство, где правили после Абулхайра представители местной татарской знати. С приходом Ибака к власти в Тюменском ханстве территория ханства расширилась за счет включения степных районов по среднему Тоболу и в междуречьи Тобола и Ишима. Татарские улусы, расположенные по нижнему Тоболу и Среднему Иртышу, в состав Тюменского ханства, по-видимому, не входили. Здесь правили представители местной феодализирующейся татарской знати, называемые в исторических источниках и исследованиях потомками «тайбугина рода». В последние годы в советской исторической литературе высказано, по нашему мнению, правильное предположение, что «тайбуга» не собственное имя, а звание, которое у ногайцев присваивалось одному из сильных феодалов, являвшемуся владетелем улуса или нескольких улусов и распорядителем кочевьями[1]).

Таким «тайбугой» при эмире Едигее (который был первое время при хане Золотой Орды Тохтамыше правителем всех заволжских территорий Золотой Орды), а может быть, еще раньше правления Тохтамыша, вполне мог быть один из сильных местных татарских предводителей, потомок татарской родоплеменной знати, в XIV в. выросшей, окрепшей и превратившейся в эксплуататорский класс, угнетающий массы татарского населения. Этот сильный предводитель татарской группы получил от ногайских или золотоордынских правителей звание «тайбуги», а затем и его потомки стали называться «тайбугинами» или членами «тайбугина рода».

Во второй половине XV в. «тайбугины» вели ожесточенную борьбу с притязаниями на господство в южной части Западной Сибири со стороны потомков Чингисхана — шейбанидов, со стороны ногайских мурз и «узбекских» правителей — потомков Абулхайра, стремившихся закрепить в своих руках кочевья в бассейнах рек Тобола, Ишима и Иртыша.

Чтобы упрочить свое положение в Тюменском ханстве

---

1) «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 467.

шейбанид Ибак, внук Хаджи-Мухаммеда[1]), вступил в родственные отношения с «тайбугинами», выдав замуж за одного из них (князца Мара, который согласно татарскому преданию был внуком «тайбуги») свою сестру. Закрепившись в Чимга-Туре, Ибак умертвил Мара и овладел значительной частью его улуса. Сыновья убитого Мара Адер и Яболак[2]) бежали в район нижнего течения Тобола, где находились обособленные, не подвластные Тюменскому ханству, татарские улусы.

Тесно связанный с ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчеем не только дружественными, союзническими, но и родственными отношениями (Муса был шурином Ибака), Ибак хан пытался расширить подвластную ему территорию за счет захвата земель, лежащих к западу от Тюменского ханства. Мечтал он упрочить свои позиции и в среднем Поволжье, где находилось Казанское ханство. Активная внешняя политика хана Ибака привела его к столкновению с недавним союзником (в борьбе против внуков Абулхайра) Ахмед-ханом, правителем Большой Орды.

Как известно из русских летописей, хан Ибак, правитель тюменских татар, в 1481 г. вместе с ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчеем принимал участие в походе против Ахмеда (Ахмет-хана), возвращавшегося от берегов р. Угры после неудачного для него «угринского стояния». Автор Устюжского летописного свода рассказывает о внезапном нападении Ибака и ногайцев на стан Ахмеда (Ахмата) в районе Белой Вежи в январе 1481 г. В результате этого нападения Ахмед был убит, а отряды тюменцев под командой Ибака и ногайцы Мусы и Ямгурчея «начаша Ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак пять дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар поведе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полону литовского бесчисленно поимал и за Волгу привел»[3]).

Одержав победу над ханом Золотой (Большой) Орды Ахмедом, тюменский правитель Ибак (или Ибак-Ибрагим)

---

[1]) В. В. Вельяминов-Зернов, («Исследования о касимовских царях и царевичах», ч. II, 1864 г, стр. 239), и Абульгази («Родословное древо тюрков», СПб., 1914, стр. 156) называют Ибака внуком Хаджи-Мухаммеда. Нам представляется необоснованным мнение А. Усманова, называющего хана Ибака внуком Абулхайра (см. книгу А. Усманова «Присоединение Башкирии к Московскому государству», Уфа, 1949, стр. 70).

[2]) См. А. Оксенов, Сибирское царство до эпохи Ермака, Томск, 1888, стр. 7.

[3]) Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) М.-Л., 1950, стр. 94.

направил посольство к русскому «государю всея Руси» Ивану III во главе с Чумгурой. Чумгуре было поручено сообщить русскому правительству об убийстве Ахмеда. С этого времени завязались дипломатические связи Русского государства с Тюменским ханством в Зауралье.

В 1489 г. Чумгура прибыл в Москву в составе посольства из Ногайской Орды. Он привез Ивану III грамоту от тюменского хана Ибака с предложением установить мирные отношения, но одним из условий в ней выдвигалось требование освободить из плена и отпустить в Ногайскую Орду бывшего казанского хана Али (Алегама). Иван III, не желая допустить вмешательства ногайских мурз и Ибака в казанские дела, не только не выполнил требования об освобождении Али (который находился в заточении в Вологде), но и задержал в Москве часть ногайского посольства, требуя прекращения набегов отдельных ногайских мурз на русские селения и на территорию Казанского ханства. Перед Ибаком Иван III поставил условие: оказать воздействие на ногайцев, чтобы последние возвратили награбленное имущество у жителей Поволжья[1]).

В августе 1490 г. новое посольство ногайского мурзы Мусы предложило Ивану III союз в борьбе против детей Ахмед хана, стремившихся сохранить в своих руках Большую Орду. Русское правительство ответило согласием, но по-прежнему отказалось выпустить из плена казанского хана Али (Алегама), и повторило прежнее требование о возвращении награбленного ногайцами имущества русских людей и возвращения русских пленников[2]).

Отношения русского правительства с Ногайской Ордой были в XV в. очень сложными. Если порою удавалось достичь соглашения с отдельными мурзами, то очень многие ногайские предводители занимали по отношению к складывающемуся централизованному русскому государству враждебную позицию. Внутри Ногайской Орды были постоянные усобицы и военные столкновения. В 1492 г. казанский хан Мухаммед Эмин (тесно связанный с правительством Ивана III) сообщал в Москву, что ногайские мурзы враждуют между собой и призвали к себе в качестве арбитра из Тюмени хана Ибака. Очевидно, Ибак хану удалось временно примирить враждующие стороны. В том же 1492 г. в октябре Мухаммед Эмин доносил Ивану III, что ногайские музры Муса и Ямгурчей вместе с ханом Ибаком и его братом Мамуком

---

[1]) «Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией», т. I, стр. 81—87. Сборник русского исторического общества, т. 41, 1884.

[2]) Там же, стр. 89—92.

прикочевали на Волгу, разграбили Астрахань и снова отошли в Заволжье[1]).

В ноябре 1493 г. хан Ибак вновь направил посла Чумгуру в Москву к Ивану III с предложением мира и дружбы. В своем послании к Ивану III Ибак-Ибрагим указывал, что раньше его «юрт» был отдален другими «юртами» (улусами). Он писал: «от тех мест межи нас ту Атамиров да Номаганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече, а с тобой у нас добрые ссылки не бывало». Теперь же, писал Ибак хан, «ино мне счастье дал бог, Тимир-Кутлуева сына убивши, Сиинский есми стол взял, да еще сам с братьями и с детьми условившися, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт к Волзе пришед стою»[2]). Текст послания Ибака в Москву свидетельствовал, что его кочевья в 90-е годы XV в. находились в Заволжьи, а сам он озладел после гибели Ахмед хана и его сторонников золотоордынским «столом»[3]).

Иван III через дьяка Михаила Яковлева ответил послу Ибака Чумгуре, что предложение о мире и дружбе русское правительство принимает и пошлет ответное посольство Ибак-Ибрагиму.

Однако Ибаку не удалось долго продержаться не только на «Сиинском столе», но и в Тюменском ханстве. Стремясь расширить свои владения в Западной Сибири, Ибак Ибрагим около 1495 г. погиб в борьбе с татарскими князьками «тайбугина рода»[4]). По татарским преданиям Ибака убил один из родственников Мара Мамет (или Магмет). Он объединил под своей властью татарские улусы по нижнему течению Тобола и среднему течению Иртыша и сделал своей ставкой старинное укрепленное поселение угров (остяков) на берегу Иртыша, носившее название Сибирь (или Кашлык). Часть остяцких (хантыйских) племен вошли в состав объединения Мамета, которое стало называться по имени главной ставки Сибирским ханством.

Потомки хана Ибака (шейбаниды) некоторое время сохраняли в своих руках земли в бассейне р. Туры. Здесь наследником убитого Ибака оставался его брат Мамук (или Махмудек). Потерявший значительную часть территории Тюменского ханства в борьбе с правителем Сибирского хан-

---

[1]) «Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией», т. I, стр. 128, сборник русского исторического общества, т. 41, 1884, стр. 128.

[2]) Там же, стр. 199.

[3]) Известно, что Батый носил имя Сиин-хана. Следовательно, можно полагать, что «Сиинский стол» — это золотоордынский.

[4]) См. А. Оксенов, Сибирское царство до эпохи Ермака, Томск, 1888, стр. 13.

ства Маметом, Мамук продолжал активно действовать на западе, пытаясь овладеть Казанским ханством на Средней Волге. К 1496 г. Мамук установил связи с той частью татарской знати в Казани, которая была недовольна русской ориентацией Мухаммед-Эмина. Пользуясь ее поддержкой, «царь ногайской»[1]) и «шибаньской»[2]) Мамук с ногайскими отрядами в сентябре 1496 г. двинулся к Казани и овладел ею. Мухаммед-Эмин, не имея достаточной поддержки в среде татарской знати, бежал в пределы Русского государства. Иван III в своей грамоте в Крым писал по поводу этого события: «Мухамед-Аминь, не поверя своим людям, к нам приехал, и мы ему в своей земле городы подавали и дружбу свою ему учинили»[3]).

Господство Мамука и ногайцев в Казани оказалось кратковременным. Казанцы, сторонники русской ориентации, обратились за помощью против Мамука к Ивану III. Весной 1497 г. новый претендент на ханский престол в Казани брат Мухаммед-Эмина Абдул Латиф при поддержке русских отрядов повел наступление на Казань и изгнал оттуда сторонников Мамука. В 1498 г. из Казани вновь были получены вести, что шейбаниды с ногайцами собираются совершить налет на Казань. Иван III в сентябре 1498 г. послал под Казань русские отряды с воеводами. С. И. Ряполовским и Ф. И. Бельским для борьбы с кочевниками и обороны Казани от посягательств шейбанидов[4]).

После Мамука в Тюменском ханстве правителем был сын Ибака Кулук-Салтан. В 1505 г. он с группой тюменских татар совершил набег на Чердынь и Усолье Камское. Укрепленный Чердынский городок Кулук-Салтану взять не удалось, но некоторые районы Перми Великой, особенно селения по Каме, тюменцами были разорены. Против Кулук-Салтана русское правительство направило отряд по руководством наместника Перми Великой Василия Андреевича Ковера. Тюменцам было нанесено поражение на перевозе у р. Сылвы (притока Камы). Награбленное имущество у них было отбито[5]).

В истории Западной Сибири Кулук-Салтан, по-видимому, особой роли не играл. Он был последним правителем—шейбанидом в Чимга-Туре. Вскоре территория Тюмени была

---

[1]) Так называет Мамука русская разрядная книга (См. П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 23).

[2]) «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией», т. I, Сборник русского исторического общества», т. 41, 1884, стр. 240.

[3]) Там же, стр. 240.

[4]) П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга... стр. 24.

[5]) См. «Устюжский летописный свод», стр. 102.

включена в состав расширившегося объединения «тайбугинов» — Сибирского ханства.

Во всех русских письменных источниках Ибак Ибрагим (а также его преемник Мамук) называется правителем тюменским, иногда ногайским, шейбанидом, но никогда не титулуется сибирским ханом. Это по-видимому, нельзя считать случайностью. Анализ русских письменных документов позволяет сделать вывод, что Тюменское ханство, охватывавшее часть территории Западной Сибири, в XV в. Сибирским ханством не называлось. Сибирское ханство сложилось по соседству с Тюменским, восточнее последнего, оно занимало нижнее течение Тобола и среднее течение Иртыша. Русские современные писатели в конце XV в. всегда отличали Тюмень от Сибирского ханства. Так, например, составитель Устюжского летописного свода, повествуя о походе русской рати в 1483 г. в Зауралье, говорит о том, что, разгромив вогульские отряды в устье р. Пелыма, русские ратные силы двинулись «вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю»[1]). Под Тюменью он понимал не ханскую ставку на берегу р. Туры Чимга-Туру, а всю территорию Тюменского татарского ханства, которая лежала в междуречьи Тавды и Туры. Пройдя мимо земель тюменских татар, русские отряды оказались в Сибирской земле, т. е. на нижнем Тоболе. Здесь обитали потомки угорских групп, сохранявшие в какой-то мере свое древнеее наименованние «сипыр». Часть Притоболья была занята продвинувшимися с юга тюркоязычными племенами, потеснившими и ассимилировавшими местное угорское население и известными в русских источниках под именем сибирских татар.

Развитие производительных сил в обществе сибирских татар привело в XIV—XV вв., как об этом говорилось выше, к разложению первобытнообщинного строя, к имущественному неравенству, классообразованию и складыванию государства. Таким государством и являлось Сибирское ханство, окончательно сложившееся к концу XV в. Рядом с Сибирским ханством существовало другое примитивное государство, сложившееся несколько раньше Сибирского ханства (в XIV в.). Оно объединяло часть татарских улусов в междуречьи Тавды и Туры и по среднему течению р. Тобола и носило название Тюменского ханства. Между тем в современной исторической литературе исследователи довольно часто отождествляют Тюменское и Сибирское ханства[1]).

---

[1]) «Устюжский летописный свод», стр. 94.

[2]) См. Л. П. Потапов, Алтайцы, «Народы Сибири, Этнографические очерки», М.-Л., 1956, стр. 333,; В. В. Храмова, Западносибирские татары (там же, стр. 474).

Если первоначально власть в политических объединениях сибирских татар (в том числе и в Тюменском ханстве) принадлежала завоевателям-монголам—потомкам Чингисхана—шейбанидам, то в самом конце XV в. Сибирское ханство на Тоболе и Иртыше обособилось от чингисидов. К этому времени оно включало в свой состав часть земель и Тюменского ханства, очень ослабевшего после хана Ибака. В первые десятилетия XVI в. отдельное Тюменское ханство, по-видимому, перестало существовать, а расположенные в южной части Западной Сибири татарские улусы в той или иной степени были подчинены правителям Сибирского ханства.

В Сибирском ханстве, начиная с Мамета (или Магмета), установилась местная татарская династия «тайбугинов». Сибирские летописи (Есиповская) перечисляют имена правителей Сибирского ханства: Мамет, (внук Мара и сын Адера), сделавший своей резиденцией городок Сибирь (Кашлык) на берегу Иртыша, несколько ниже устья Тобола, его преемник брат Мамета — Абалак (Ябалак), затем Ябалаков сын Агиш. После Агиша во главе Сибирского ханства стоял Казым (или Казый). В середине XVI в. бразды правления находились у сыновей Казыма—Едигера и Бекбулата. По-видимому, Едигер и Бекбулат правили в Сибирском ханстве одновременно[1]).

В. В. Вельяминов-Зернов дает несколько отличную от сибирских летописей родословную «тайбугинов»:

[1]) «Сибирские летописи, издание археографической комиссии», СПб., 1907, стр. 117.

[2]) В. В. Вельяминов-Зернов, Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1864, стр. 387.

Сибирское ханство состояло из мелких улусов, возглавлявшихся беками или мурзами, которые находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства.

С. В. Бахрушин высказал предположение, что в основе «татарских улусов лежала родовая организация, которая в XVI в. подверглась уже полному разложению»[1]). По нашему мнению, улус представлял собою соседскую общину, т. е. коллектив выделившихся из родовой организации семей, живущих по соседству и сообща пользующихся пастбищами, охотничьими и рыболовными участками. В составе улуса могли быть семьи, пришедшие из соседних районов, не имеющие родственных связей с большинством членов данного улуса. Внутри соседской татарской общины в XV—XVI вв. не только имелось социальное расслоение, но и шел процесс классообразования. Выделившаяся эксплуататорская верхушка улуса (беки, мурзы, тарханы) сосредоточила в своих руках право распоряжения кочевьями и промысловыми угодьями и прибирала в частную собственность лучшие земельные участки, охотничьи угодья и пастбища.

Складывавшиеся в Сибирском ханстве общественные отношения можно характеризовать как патриархально-феодальные. Правители ханства, «салтаны», тарханы, владельцы отдельных улусов—беки и мурзы и другие представители знати укрепляли частную собственность на земельные угодья, широко использовали в своем хозяйстве труд рабов—«ясырей» и обедневших (зависимых) общинников.

Масса трудового татарского населения называлась «черными» улусными людьми. На их обязанности лежала военная служба в отряде улусного предводителя по требованию правителей Сибирского ханства и уплата ежегодных «даров» мурзе, беку и тархану продуктами промыслового хозяйства (пушниной, рыбой) или скотоводства. Иногда улусные «черные люди» платили дань правителям ханства или их сборщикам. «Черные люди» покоренных сибирскими ханами татарских улусов, остяцких и вогульских территориально-племенных объединений, обязаны были платить ежегодный ясак в пользу хана главным образом пушниной и поставлять вооруженных воинов для ханских военных походов. Практика взимания ясака (т. е. принудительной дани с завоеванных покоренных групп сибирского населения) была введена чингисидами еще в период установления монгольского господства и формирования «Западного улуса» Джучи — Батыя. Эту практику в XIV—XV вв. продолжали шейбаниды,

---

[1]) С. В. Бахрушин, Сибирские служилые татары в XVII в. «Исторические записки», т. I, 1937, стр. 57.

предводители Узбекской орды Абулхайра и его потомков. Ясак шейбанидам платили «черные люди» в Тюменском ханстве. Ясак как форму эксплуатации покоренного населения ввели в Сибирском ханстве и правители из числа местной татарской знати—«тайбугины».

С. В. Бахрушин писал: «Ясак—по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю, он является поэтому признаком подданства и сопряжен с понятием чего-то позорящего»[1]).

Тайбугины Сибирского «юрта» (как иногда называли Сибирское ханство) взимали ясак с тех татарских улусов, владельцев которых они покорили силой в результате военного набега, и с остяцких и вогульских территориально-племенных союзов, завоеванных и поставленных под власть правителей Сибирского ханства.

Уплата дани-ясака тяжелым бременем лежала на плечах трудового населения. От уплаты ясака в пользу хана освобождались жители тех улусов, владельцы которых были союзниками и помощниками сибирских правителей. Эти мурзы и беки получали особые привилегии и назывались «тарханами». Тарханы в своих улусах широко использовали в хозяйстве труд зависимых людей—«захребетников», комплектовавшихся как из обедневших сородичей, так и из пришлых в улус людей. Снабжая «захребетников» орудиями охоты, рыбной ловли, «тарханы» забирали у них большую часть промысловой добычи.

Аппарат государственной власти в Сибирском ханстве не был сложным. Он состоял из хана, который направлял в улусы «ясаулов», их С. В. Бухрушин называет «блюстителями порядка»[2]), вельмож — советников хана и карачи (визиря). Имелся, очевидно, и небольшой штат сборщиков ясака, которые назывались «даругами». Владельцы отдельных улусов по отношению к правителям Сибирского ханства были в служебно-вассальном положении. Они обязаны были участвовать со своими отрядами во всех военных походах хана, получая за это часть военной добычи, поставлять хану ясак или «дары» с «черных людей» своего улуса. В собственных улусах беки, мурзы сохраняли большую степень независимости в эксплуатации улусных людей, в организации административно-полицейского управления. Центральная власть во внутреннюю жизнь улусов почти не вмешивалась.

Кроме центральной ставки Сибирского ханства укреп-

[1]) С. В. Бахрушин, Ясак в Сибири в XVII в., журн. «Сибирские огни», 1927, № 3, стр. 96.

[2]) С. В. Бахрушин, Сибирские служилые татары в XVII в., «Исторические записки», т. I, 1937, стр. 59.

ленного городка Сибири или Кашлыка, расположенного на правом берегу Иртыша при впадении в Иртыш речки Сибирки, имелись и другие укрепленные пункты. Они находились, главным образом, вблизи границ ханства и выполняли роль военно-сторожевых и опорных центров. К числу их следует отнести Тон-Туру на берегу р. Оми, являвшуюся во второй половине XVI в. резиденцией кучумова наместника Буян-Бия[1]). Археологам известно также укрепленное татарское поселение на одном из островов озера Чаны (Чиняевское городище)[2]). Называет ряд татарских укрепленных городков составитель одной из сибирских летописей С. У. Ремезов. Он перечисляет «Княжев городок большого князя Бегиша» на Иртыше[3]), который был укреплен земляными валами и имел во второй половине XVI в. две пушки, привезенные из Казани, городок Кулары «Опасный крайный Кучюмовский от калмык и во всем верх Иртыше крепче его нет»[4]), «Ташатканский городок»[5]) на Иртыше, «Агитский городок» на Вагае[6]), «городок Аттика мурзы»[7]), «Карачин городок»[8]) и другие. Выше мы говорили об укрепленной ставке Хаджи-Мухаммеда Кизыл-Туре, расположенной на берегу Ишима при впадении его в Иртыш, о Чимга-Туре—ставке тюменских правителей на берегу р. Туры, которая в XV—XVI вв. являлась и центром транзитных связей восточных купцов с купцами Казанского ханства.

Все эти поселения являлись прежде всего административными и военно-опорными пунктами господствующего в Сибирском ханстве класса феодалов. Они использовались в борьбе с внешними врагами, были опорными пунктами в междоусобной борьбе владельцев отдельных улусов, являлись центрами угнетения массы «черных людей».

Политическая история Сибирского ханства с конца XV в. заполнена постоянными усобицами владельцев улусов за расширение подвластной им территории. В то же время правители Сибирского ханства вели широкую завоевательную политику, пытаясь увеличить количество ясачных людей. Границы Сибирского ханства расширялись за счет включения некоторых башкирских племен, обитавших на восточных склонах Среднего Урала, за счет завоевания вогулов и остя-

[1]) В. П. Левашева, О городищах Сибирского юрта, «Советская археология», XIII, 1950, стр. 348.
[2]) Там же ,стр. 342.
[3]) «Сибирские летописи», 1907, стр. 341.
[4]) Там же, стр. 342.
[5]) Там же, стр. 342.
[6]) Там же, стр. 343.
[7]) Там же, стр. 329.
[8]) Там же, стр. 327, 329.

ков, за счет покорения этнических групп, живущих восточнее Среднего Иртыша в бассейне Оми и в районе Барабинской степи. Здесь оказались подвластными сибирским правителям теренинцы, барабинцы и другие племена.

К середине XVI в. Сибирское ханство охватывало значительную территорию Западной Сибири от бассейна Туры и Тавды на западе, включая среднее и нижнее течение рек Тобола, Ишима и Иртыша и часть Барабы. Восточная граница ханства была менее определенной. Из сохранившихся русских источников ясно, что и чатские татары, кочевавшие со своими улусами по левобережью среднего течения Оби и в низовьях притока Оби р. Чик, были в какой-то зависимости от сибирского хана. Но, как совершенно правильно писал С. В. Бухрушин, «чем дальше от Кашлыка, тем слабее были связи, соединявшие вассалов с сюзереном». Чатские мурзы, по мнению С. В. Бахрушина, были не столько подданными, сколько союзниками сибирских правителей[1]). Племена, живущие в правобережьи среднего течения Оби, в состав Сибирского ханства, очевидно, не входили.

В то же время не прекращалась упорная борьба за Сибирское ханство со стороны шейбанидов, ногайских мурз и правителей Узбекских ханств. Она особенно обострилась в середине XVI в. Постоянные вторжения южных кочевников ослабляли непрочное Сибирское ханство и были крайне разорительны для массы трудового населения. На ханский престол в это время в Сибирском «юрте» претендовал шейбанид Кучум — сын узбекского правителя Муртазы. Русские документы называют Кучума внуком тюменского хана Ибака[2]), но это утверждение, по-видимому, неточно. Абульгази называет хана Ибака сыном Махмудека, братом Муртазы и, следовательно, дядей Кучума[3]).

Используя помощь ногайских правителей, Кучум в 1563 г. захватил власть в Сибирском ханстве. Автор одной из сибирских летописей Савва Есипов по этому поводу рассказывал: «Прииде же степью ис Казачьи орды царь Кучюм Муртазеев сын со многими людми, и доиде до града Сибири и град взя и князей Етигера и Бекбулата уби и прозвася сибирский царь... дани и оброки со многих язык имаше»[4]). Все близкие

---

[1]) С. В. Бахрушин, Сибирские служилые татары в XVII в. «Исторические записки», т. I, 1937, стр. 60.

[2]) «Собрание государственных грамот и договоров», М., 1819, ч. 2, № 68, стр. 132.

[3]) Абульгази, Родословное дерево тюрков, 1914, стр. 156. С этим согласен и В. В. Вельяминов-Зернов («Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. II, СПб., 1864, стр. 239).

[4]) «Сибирские летописи», 1907, стр. 117—118.

родственники Едигера и Бекбулата были физически истреблены, в живых оставался только спасшийся бегством племянник Едигера сын Бекбулата Сейдяк. Кучуму оказали сопротивление татарские мурзы в Чимга-Туре и Епанчинских юртах, а также некоторые остяцкие и вогульские «князьки», включенные «тайбугинами» в состав Сибирского ханства. Кучум опирался на «узбекские» и ногайские вооруженные отряды и относительно быстро сломил сопротивление местной татарской знати, обложив татарские улусы, остяцкие, вогульские и башкирские племена данью-ясаком. Последний выплачивался шкурками соболей и лисиц, рыбой и другими продуктами хозяйства местного населения.

Местные жители Сибирского ханства смотрели на Кучума, который именовал себя ханом тюменским и сибирским[1]), как на пришельца и завоевателя. Эту мысль впервые высказал еще А. Н. Радищев, называвший Кучума «чужестранцем», которому «опричь пришедших с ним, повиновалися из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях»[2]).

От своих вассалов, владельцев отдельных татарских улусов Кучум требовал исправного сбора ясака с «черных людей», участия в военных походах, организуемых сибирским ханом. Как и представители династии «тайбугинов», шейбанид Кучум делился с мурзами и беками военной добычей. В своих улусах вассалы Кучума князцы и мурзы сохраняли независимое положение, были почти самостоятельными правителями, эксплуатирующими население своего улуса. Но если с захватом власти в Сибирском ханстве Кучумом в положении татарской знати не произошло больших изменений, то положение массы трудящихся резко ухудшилось в связи с повышением поборов в пользу хана. Теперь уже все рядовые жители татарских улусов должны были платить, кроме обычных «даров» владельцам улуса, тяжелый ясак завоевателям-шейбанидам. Болезненно отзывались на местном населении военные предприятия Кучума против правителей казахских орд и Русского государства, которые отрывали мужчин-охотников, рыболовов и скотоводов от производственной деятельности.

У Кучума были довольно тесные связи с ногайскими мурзами. Сын Кучума Алей был женат на дочери правителя Большой Ногайской Орды Тинахмета. Дочь Кучума была выдана замуж за ногайского Акмурзу. Особенно близко Ку-

[1]) А. Оксенов, Сибирское царство до эпохи Ермака. Томск, 1888, стр. 26.

[2]) А. Н. Радищев, Сокращенное повествование о приобретении Сибири, «Полное собрание сочинений», т. 2, М-Л., 1941, стр. 151.

чум был связан с мурзами Алтаульской орды, отделившейся от Большой Ногайской Орды в середине XVI в. и откочевавшей от низовьев Волги за реку Эмбу. Основные кочевья Алтаульской орды лежали около Аральского моря. Алтаульская орда находилась в зависимости от узбекского бухарского хана Абдуллы, родственника Кучума. Кучум также был зависим от Абдуллы и с его помощью завоевал Сибирское ханство. Будучи вассалом Абдуллы, Кучум, по его указанию, пытался внедрить магометанскую религию среди населения Сибирского «юрта». По замыслу бухарского хана Абдуллы и Кучума магометанская религия должна была сплотить разрозненные сибирские улусы в один прочный организм, разжечь среди местного населения религиозный фанатизм, направленный против «неверных» и, прежде всего, против русского народа. Однако внедрение магометанства среди татар, вогулов и остяков (по религии шаманистов) большого успеха не имело. Сплотить жителей ханства при помощи магометанской религии Кучуму не удалось.

Сибирское ханство и при Кучуме представляло собою крайне непрочный государственный организм, состоящий из отдельных мелких хозяйственных единиц—улусов, между которыми отсутствовали сколько-нибудь развитые экономические связи. Поэтому оказалось достаточно нанести сильное военное поражение Кучума, и поддерживаемое им силой принуждения и оружия государственное «единство» сибирских татар перестало существовать.

НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ОЙРАТСКИХ (ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ) ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Население южной части Западной Сибири с давних времен было тесно связано в своей истории с народами Центральной и Средней Азии. Особенно это относится к жителям Алтая, которые неоднократно и в течение длительного времени включались в состав центральноазиатских и среднеазиатских государственных образований.

После завоевательных походов монголов Чингисхана и его военачальников(как мы об этом говорили выше) Южный Алтай оказался под властью темника Хорчи, а племена Северо-западного Алтая были подвластны сыну Чинчисхана Джучи и входили в состав «Западного» улуса Джучи—Батыя. С продвижением орды Батыя в пределы Европы и перенесением центральной ставки его с берегов Иртыша в район Нижней Волги внимание монгольских завоевателей к ограб-

лению и эксплуатации населения Алтая несколько уменьшилось.

Образование Белой Орды и обособление ее от золотоордынских владений привело к тому, что часть южных и западных алтайских кочевников попала в орбиту ее влияния. Некоторые группы западных алтайцев были связаны с кочевниками улуса Шейбана (брата Батыя). Ряд племен Южного Алтая (телеуты и др.) искали убежища от разорительных монгольских междоусобных столкновений в лесостепных и лесных районах, распложенных к северу и северо-западу от Алтая, М. П. Грязнов, занимавшийся изучением археологических памятников Алтая и Верхнего Приобья, говорит о том, «что на Верхней Оби в это время был непостоянный состав населения, обусловленный перемещениями отдельных племен, притоком нового населения из более южных районов»[1]).

В XIV—XV вв. в период политического раздробления державы Чингисхана, возросших усобиц и столкновений между правителями отдельных монгольских улусов и орд, насельники Алтая оказались под властью своих восточных соседей—кочевников ойратов, занимавших северо-западную часть Монголии.

Русские документы называли ойратов «черными калмыками», позднее джунгарами. Известно несколько ойратских племенных объединений: торгоуты (торгуты), дзюнгары (зенгоры, джунгары,) хошоты (хошоуты), дурбэты (дербеты, дорбэты), элюты (элэты), хойты, чорос и др.

Складывание полупатриархальных-полуфеодальных отношений в ойратском обществе происходило позднее, чем у других монгольских групп, с конца XIV в. В это время формирующийся класс ойратских феодалов-кочевников ведет упорную борьбу с монгольскими чингисидами, оспаривая у них власть и право эксплуатации зависимого населения. В 1412 г. Махмуд из ойратского объединения чорос принял активное участие в борьбе за монгольский престол между отдельными потомками Чингисхана. Он помог завоевать престол чингисиду Дэлбэк-хану, получив при нем звание «тайши» и должность главного министра.

Постепенно к 30-м годам XV в. ойратские предводители упрочили свое господство в степях Монголии, одержав победу над восточными монголами (халха-монголами). В 1434 г ойратский правитель Дайсун-хан объединил под своей властью почти все обособленные монгольские группы. Он считался правителем всей Монголии.

---

[1]) М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ. с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956 г., № 48, М-Л., стр. 157.

При Дайсун-хане фактически бразды правления государством находились в руках ойратского тайши Эссэна, который проводил широкую завоевательную политику. Эссэн начал наступление на Китай, освободившийся в 60-е годы XIV в. от монгольского господства[1]). В 1449 г. он не только нанес серьезное поражение вооруженным силам Минской династии Китая, разграбил окрестности Пекина, но и взял в плен китайского императора Инцзуна (Чжэтуна). Правда, овладеть Пекином Эссэну не удалось. Китайцы хорошо обороняли город от западномонгольских полчищ. Вместо Инцзуна (Чжэтуна) на китайском престоле оказался его брат Цзинтай, который отказался выкупить у Эссена плененного императора.

Предпринимались Эссэном грабительские набеги на жителей Саяно-Алтайского нагорья и казахских степей, в результате которых разорялось местное население и уводилось большое количество пленных. Ограбление народов усиливало власть ойратских военачальников. Тайше Эссэну удалось даже захватить в свои руки власть в ойратском государстве, но удерживал ее он только в течение трех лет. Неудача под Пекином поколебала авторитет Эссэна, от него стали отделяться правители отдельных аймаков — окрепшие монгольские феодалы. В результате разгоревшихся усобиц и военных столкновений в 1455 г. Эссэн был убит и возглавлявшееся им ойратское государство распалось. Со смертью Эссэна прекратилось и политическое преобладание ойратов в Монголии. Вновь усилились феодалы Восточной Монголии. Часть ойратов перекочевала в бассейн Или, в пределы Моголистана и на юго-западный Алтай.

Вторая половина XV в. — время раздробления Монголии на множество крупных и мелких владений, время усобиц и феодальных войн, крайне разорительно отражавшихся как на трудовом монгольском населении, так и на жителях Южной Сибири и Алтая. Алтайцы принуждены были платить ойратским правителям алман (или албан) пушниной, скотом и железными изделиями, выполнять ряд натуральных повинностей в пользу ойратской феодальной верхушки.

Затянувшийся на несколько столетий период феодальной раздробленности Монголии был одной из основных причин ее социально-экономического и культурного отставания. Господство натурального хозяйства, слабое развитие ремесла и отсутствие сколько-нибудь развитых торговых связей содействовало разобщенности экономически не связанных друг с другом, отделенных друг от друга обширными пространства-

[1]) В 1368 г. в Китае после свержения Юаньской династии установилось правительство Минов.

ми феодальных княжеств Монголии. Всемонгольский хан фактически не имел власти, каждое феодальное владение превращалось в мелкую деспотию. Войны и усобицы еще более разъединяли Восточную и Западную Монголию.

Западная Монголия, господствующее население которой в XV в. составляли ойрат-монголы, охватывала громадную территорию, лежащую к западу от Хангайских гор до верховьев Енисея и Иртыша. В этих пределах существовало значительное число крупных и мелких самостоятельных ойратских княжеств.

Новая попытка преодолеть политическую раздробленность и объединить все монгольские ханства, княжества, улусы в составе одного монгольского государства была предпринята в конце XV—начале XVI в. Она исходила от одного восточномонгольского предводителя Бату-Мункэ, более известного под именем Даян-хана, который собрал под своей властью всю территорию Монголии, включая, по-видимому, и земли, населенные ойратами. Но к концу жизни Даян-хана ойраты уже не находились в составе Монгольского государства[1]).

В период правления Даян-хана (1479—1543 гг.) внутри Монголии вспыхивали феодальные мятежи, направленные против центральной власти. Это свидетельствовало о том, что объединение страны было крайне непрочным. После смерти Даян-хана Монголия вновь распалась на враждующие между собой части. От нее отделилась не только Западная Монголия, в которой продолжали господствовать ойраты-калмыки, но и сама Восточная Монголия расчленилась на Южную и Северную. Северная Монголия с этого времени чаще стала называться Халхой. Предводителем союза монгольских князей Халхи стал младший сын Даян-хана Гэрэсэндзэ.

Дробление Монголии на части и обособление их от центра продолжалось и дальше. Внук Ашихая, старшего сына Гэрэсэндзэ, Шолой-Убаши получил в удел земли хотохойтов, расположенные вдоль северо-восточной границы халхасских владений и подчинил своей власти живущих смежно с хотохойтами урянхайцев. Здесь в конце XVI в. сложилось небольшое государство алтын-ханов, которое и возглавил монгольский полководец Шолой-Убаши, носивший титул хунтайджи.

Основная территория государства алтын-ханов лежала в районе верхнего течения Енисея, она охватывала южную

---

[1]) Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 596.

часть современного Красноярского края и Тувинской автономной области. Центральные кочевья алтын-ханов располагались в районе озера Убса, где чаще всего находилась ханская ставка, и в районе реки Теси. Северной границей были Саяны. Восточная граница государства алтын-ханов лежала около озера Сангин-Далай и реки Дэлгэр-Мурен[1]). На западе оно граничило с кочевьями ойратов (калмыков).

Между Шолой-Убаши и ойратами были частыми военные столкновения, нашедшие отражение в западномонгольском фольклоре.

С. А. Козин опубликовал «Ойратскую историческую песнь о разгроме Шолой-Убаши хун-тайджи в 1587 г.»[2]), в которой рассказывается о том, что правитель государства алтын-ханов Шолой-Убаши хун-тайджи в союзе с предводителем урянхайцев Сайн-Маджиком в 1586—1587 гг. вторгся в ойратские владения и начал военные действия против союза ойратских предводителей. В состав этого ойратского объединения входили Байбагус—правитель хошоутов, Тэбэнэ—ойратский нойон, Сайнхя — военачальник хойтов и другие. Кочевья ойратов (калмыков) в это время простирались на запад от Саяно-Алтайского нагорья до Иртыша. Так, в «Ойратской исторической песне» говорится о том, что дербеты кочевали в бассейне верхнего течения Иртыша[3]), хойты жили в «самых истоках Иртышской реки»[4]).

Передвижки ойратов на запад особенно усилились с конца XVI в., когда во главе дербетов (дурбэтов) стоял воинственный потомок Эссэна, возглавлявший джунгарские улусы Хара-Хула (Кара-Кула русских источников). В «Ойратской исторической песне» приводится весьма образное описание Хара-Хулы:

«Взглядом похож на голодного коршуна,
Всею повадкой — на куцего волка,
Как на заре он в отару ворвется.
Да и дружина нойону подстать:
Тысяч там шесть удалых молодцов»[5]).

Судя по данным «Ойратской исторической песни», руководителем ойратского объединения в конце XVI в. был Байбагус из хошоутского территориально-племенного союза.

---

[1]) Н. П. Шастина, Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., «Советское востоковедение», VI, М.-Л., 1949, стр. 385.
[2]) С. А. Козин, Ойратская историческая песнь о разгроме Шолой-Убаши в 1587 г., «Советское востоковедение», IV, М.-Л., 1947.
[3]) Там же, стр. 95.
[4]) Там же, стр. 97.
[5]) Там же, стр. 98.

«Хан Байбагус хошоутский живет
в юрте-дворце своем, дело ойратской
державы и веры он судит...»[1]).

«Ойратская историческая песнь» прямо его называет: «Байбагус-государь всеойратский»[2]). В его распоряжении находилось свыше 30 тысяч хошоутских воинов.

Очевидно, Байбагус, как глава ойратского объединения, держал в своем подчинении и дербетов с их военачальником, упомянутым выше Хара-Хулой. Во всяком случае, «Ойратская историческая песнь» позволяет полагать, что в конце XVI в. Хара-Хула и Байбагус действовали не только согласно, но и совместно против правителя государства алтын-ханов.

Начавшаяся война правителя государства алтын-ханов Шолой-Убаши против ойратского союза протекала для Шолой-Убаши неудачно. Накануне решающего сражения с ойратами военные силы Шолой-Убаши были сильно ослаблены. Предводитель урянхайцев Сайн-Маджик, первоначально выступивший со своими отрядами в союзе с Шолой-Убаши, перешел на сторону ойратов и сообщил им о продвижении и численности отрядов алтын-хана. В результате в бою с ойратами Шолой-Убаши потерпел поражение и был тяжело ранен. Ойратские предводители расширили свои кочевья в южной части Западной Сибири. В зависимость к ним попали многие алтайские тюркоязычные племена и телеуты верхнего Приобья. Последних русские письменные источники XVI—XVII вв. называют «белыми калмаками» в отличие от их сюзеренов — ойратов, которых именуют «черными калмаками».

«Черные калмаки» (ойраты, джунгары), как и другие кочевники Алтая и Южной Сибири, занимались главным образом скотоводством. Подсобными занятиями их были охота и рыбная ловля. Табуны лошадей, отары овец паслись круглый год на подножном корму в степи, либо на склонах гор, либо в долинах рек. Скот находился в частной собственности кочевых семей. Отдельные богатые кочевники сосредоточивали в своих руках тысячи голов лошадей и огромные отары овец. Места пастбищ были общими для всех улусных людей, но распорядителем пастбищных угодий считался тайша (князец, военачальник данной группы кочевников).

Распоряжаясь общинными кочевьями, тайша требовал от рядовых скотоводов подвластного ему улуса поставки ему (тайше) части продукции скотоводческого хозяйства (овец, сыра, кумыса, дойных кобылиц и т. д.).

---

[1]) С. А. Козин, Ойратская историческая песнь о разгроме Шолой-Убаши в 1587 г., «Советское востоковедение», IV, М.-Л., 1947.

[2]) Там же, стр. 100.

Калмыцкий улус охватывал несколько десятков и даже сотен семей кочевников, находившихся под властью тайши. Иногда в результате завоевательных походов под властью одного тайши собиралось несколько подвластных ему улусов. Тайша-победитель, поставивший в зависимость от себя несколько других тайшей, принимал титул главного тайши (контайши). Покоренные тайши обязаны были поставлять старшему тайше часть своей военной добычи, а также продуктов скотоводческого хозяйства, производившихся в улусе.

Война играла большую роль в жизни сибирских кочевников. Путем войны улусы-победители пополняли стада скота, табуны лошадей. Калмыцкие тайши вели войны со своими соседями не только ради пополнения стад скота, но, главным образом, ради получения военной добычи, которая состояла из награбленного имущества, пушнины, рабов и т. д. Набеги на охотников и рыболовов лесостепной и лесной полосы Сибири позволяли кочевникам приобретать рыбу и пушнину. Ограбление шорцев, живших по Мрассе и Кондоме, позволяло калмыцким тайшам получать металлические изделия, в том числе и оружие (железные наконечники стрел, копья, сабли, панцири). Победоносные войны давали возможность улусам-победителям расширять число зависимых людей — киштымов, с которых они взимали дань пушниной, скотом, железными изделиями. Междоусобные войны велись кочевнической знатью за старшинство и господство в ойратском объединении, за подчинение соседних улусов.

Ойратская (калмыцкая) знать богатела за счет военной добычи и эксплуатации рядовых улусных людей и покоренных соседей — киштымов. Одновременно с возрастанием материальных богатств знати она усиливалась и политически. С появлением и ростом владельческих прав знати на пастбища и охотничьи угодья масса рядового населения все более попадала в зависимость к тайшам.

Процесс феодализации в обществе кочевников находил свое выражение в росте прав тайшей распоряжаться общинными пастбищами своего улуса, указывать места кочевий отдельным группам скотоводов, в присвоении тайшами части продукции скотоводческого хозяйства рядовых кочевников.

Ремесло в калмыцком обществе не получило сколько-нибудь серьезного развития. С. К. Богоявленский, изучавший историю калмыков первой половины XVII в., отмечает наличие у них выделки войлока из шерсти, выделки шкур и слабо развитого кузнечного производства[1]). Необходимые ре-

[1]) С. К. Богоявленский, Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в., «Исторические записки», 5, изд-во. АН СССР, 1939, стр. 89.

месленные изделия калмыки(ойраты) получали в виде дани с покоренных племен Алтая и Саяно-Алтайского нагорья или в виде военной добычи во время набегов на китайские и среднеазиатские города, на селения местных жителей Западной Сибири. Имела место и торговля кочевников Южной Сибири со своими соседями.

После военного поражения в 1587 г. Шолой-Убаши небольшая территория западномонгольского государства Алтын-ханов не была захвачена ойратами. Под властью Алтын-ханов продолжали оставаться многие этнические группы Саяно-Алтайского нагорья.

В зависимости от правителей государства Алтын-ханов были енисейские кыргызы. Они кочевали по берегам верхнего Енисея, Абакана, Черного и Белого Июсов в районе Божьего и Белого озер, по Урюпу и в верховьях Кии[1]). На запад кочевья енисейских кыргызов простирались через северный Алтай до верхнего течения Оби, где они граничили с кочевьями телеутов («белых калмаков»).

Выше мы уже говорили о том, что процесс классообразования и складывания государственности у енисейских кыргызов протекал в VIII—IX вв. До начала X в. кыргызы занимали господствующее положение во всей Центральной Азии. Монгольское завоевание настолько ослабило енисейских кыргызов, что привело к разрушению сложившегося у них довольно крепкого государства.

К XVI в. на месте разгромленного монголами енисейского государства сформировалось четыре самостоятельных аймака, которые известны в исторической литературе под названием «княжеств».

Каждый аймак состоял из нескольких полусамостоятельных кочевых улусов. Улусы возглавлялись князцами или другими представителями господствующего класса. Во главе аймака имелся совет улусных князцов. Один из членов совета, наиболее богатый и влиятельный, считался в аймаке старшим или главным князем. Он имел право наследственной передачи власти, право распоряжения кочевьями улусов, входивших в состав аймака (княжества). Главный князь созывал совет князцов аймака, где принимались все важнейшие решения, в том числе и решения об организации военных походов против соседей.

Главным видом хозяйственной деятельности енисейских кыргызов продолжало оставаться кочевое скотоводство. Земледелием и ремеслами занимались завоеванные кыргызами

---

[1]) ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, стлб. 90, л. 65, стлб. 368, л. 340, стлб. 84, л. 380, л. 509, стлб. 107, лл. 303—307.

местные тюркоязычные жители Саяно-Алтайского нагорья и Северного Алтая: шорцы, сагайцы, арины, качинцы и другие, находившиеся у кыргызской знати на положении «киштымов».

Богатство знати росло как за счет развития ее скотоводческого хозяйства, так и за счет военной добычи, награбленной во время разбойничьих набегов, за счет ограбления и эксплуатации покоренных жителей сибирской тайги, превращенных в киштымов завоевателей.

Л. П. Потапов, посвятивший истории енисейских кыргызов ряд статей, убедительно характеризует социально-экономические отношения в кыргызских «княжествах» как патриархально-феодальные[1]).

По русским письменным документам начала XVII в. известен Алтысарский аймак, во главе которого стоял князец Номча. Главным районом кочевий орды Номчи и всех подвластных ему улусов, входивших в состав Алтысарского «княжества», были бассейны Черного и Белого Июсов и Божьего озера. Иногда орда Номчи кочевала по верхнему течению Чулыма. Основное ядро Алтысарского «княжества» составляли кыргызы и частично местное тюркоязычное население—качинцы и некоторые другие группы. На положении киштымов в Алтысарском аймаке были многие охотничьи племена Причулымья: басагары, тинцы, ачинцы, ястынцы, камлары, кизыльцы, байгулы, шусты, арийцы, а также другие[2]).

По соседству с Алтысарским «княжеством» находились кочевья Езерского (Керетского) аймака. Кочевья езерцев (или как их иногда называют письменные русские документы—исарцев) сосредоточивались в левобережьи Енисея, центр их располагался к северу от устья реки Абакана.

Центр кочевий третьего объединения енисейских кыргызов —Алтырского аймака—лежал по реке Нине (правому притоку Уйбата) и в бассейне Абакана от его верховьев до устья Уйбата. Главным князьком алтырцев в начале XVII в. был Немек. Как и в двух предыдущих княжествах, господствующее ядро Алтырского аймака составляли кыргызы, им были подчинены сагайские племена, жившие в предгорьях Алатау между реками Аскысом и Июсом, точжи, западные иркиты, саняцы и бельтиры[3]).

В бассейне реки Убсы (Тубы) на правом берегу Енисея находились кочевья Тубинского аймака. Л. П. Потапов в

[1]) Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 54.
[2]) Там же, стр. 50.
[3]) Там же, стр. 50.

своих статьях, посвященных истории кыргызов, отмечал, что господствующим населением в Тубинском «княжестве», в отличие от Алтысарского, Езерского и Алтырского аймаков, были не кыргызы, а тубинцы южносамодийского происхождения. Они в известной мере ассимилировались с тюркоязычными кыргызами и качинцами. Киштымами тубинцев были иркиты, камасинцы, бойкотовцы, кайдынцы, богоджи, некоторые группы алтайских племен, живших в бассейне Мрассы и Кондомы[1]).

Как и у других кочевников Южной Сибири, большую роль в жизни кыргызских улусов играла война и приносимая ею военная добыча. Война являлась средством обогащения знати. Покоренные племена включались в состав аймаков и обязаны были поставлять завоевателям дань пушниной, рыбой, железными изделиями и т. д.

Систематическое ограбление кыргызскими военачальниками своих киштымов, постоянные усобицы между улусными князьками и войны с соседями губительно отражались на хозяйстве как покоренных племен, так и рядовых улусных людей, сковывали развитие производительных сил местного общества.

Ослабленные постоянными усобицами кыргызские «княжества» не могли оказывать сопротивление своим более сильным соседям и становились их данниками.

С конца XVI в. кыргызские аймаки были в зависимости от западномонгольского государства Алтын-ханов. Эта зависимость сохранялась и в первой половине XVII в. Кыргызские князьки говорили: «...мы де ево Алтыновы люди... ясак платим Алтыну царю... емлют де с нас Алтыновы люди ясаку на Алтына царя по пять соболеи с юрты, да на дву Алтыновых братий, емлют по соболю с юрты, да с нас же де емлют по сту лошадей на год»[2]).

Порою кыргызские «княжества» попадали в даннические отношения к тайшам «черных» калмыков (ойратов).

Как Алтын-хану, так и калмыцким тайшам кыргызские князьки платили дань скотом и продуктами скотоводческого хозяйства, выколачивая их из массы рядовых общинников своих улусов, и пушниной, которую они приобретали путем взимания ясака со своих киштымов. Русские документы первой половины XVII в. об этом сообщают следующее: «...в Кыргызскую землю и в Тубу приезжают калмаки и мугалы и емлют с кыргызских людей и с тубинцев ясак неокладной,

---

[1]) А. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 50—51.

[2]) ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, стлб. 136, л. 753—754.

з десяти скотин емлют десятую скотину сверх мяхкой рухляди соболей и лисиц и бобров и кошлоков»[1]).

Сами кыргызские князьки собрали в свою пользу дань с населения Причулымья и некоторых групп Северного Алтая. Порою жители Алтая и Саяно-Алтайского нагорья становились двоеданцами, вынужденными выплачивать дань одновременно кыргызским военачальникам и калмыцким тайшам или сборщикам из государства Алтын-ханов. Все это крайне болезненно отражалось на жизни местного населения, приводило к обнищанию массы рядовых охотников и скотоводов.

Отрицательное воздействие на местных жителей и политическое господство западных монголов (ойратов или «черных» калмыков) на Алтае продолжалось до середины XVIII в., когда Джунгария (как стало называться со второй половины XVII в. ойратское государство) была разгромлена вооруженными отрядами Китая.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К моменту включения Западной Сибири в состав Русского государства население ее было редким и разбросанным по огромной территории от побережья Северного Ледовитого океана до Барабинской степи и Алтая.

На крайнем севере в прибрежной полосе Ямальского полуострова и на островах Северного Ледовитого океана сохранились небольшие группы древнейших поселенцев Сибири — приморских арктических охотников за морским зверем. Большая часть древних насельников Западной Сибири к началу XVI в. была ассимилирована пришельцами-самодийцами.

Значительно шире в западносибирской тундре были расселены самодийские роды и племена. Большая группа самодийских родов занимала склоны Уральских гор и полуостров Ямал. Русским она была известна под названием «Каменской самояди». Основным занятием каменских самодийцев было оленеводство. Эта группа самодийских родов явилась предком современных ненцев, широко расселившихся в тундровой полосе как европейской, так и азиатской части СССР.

На восток от каменских самодийских родов, начиная от нижнего течения великой сибирской реки Оби, в тундре,

[1]) ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, стлб. 136, л. 722.

прилегающей к Обской и Тазовской губам, сосредоточивались чумы большого самодийского рода или нескольких родов мангазейцев — рыболовов и охотников. Мангазейские самодийцы были предками современных энцев.

По соседству с ними в бассейне реки Турухана обитал самодийский род бай. Байды занимались оленеводством, охотой, рыболовством, в летние месяцы промышляли морского зверя.

К XVI в. самодийцы сохранили родовую организацию в форме патриархального рода. Отдельные роды, по-видимому, объединялись в фратрии. Этнографами выявлены фратрия Харюци (Карачейская самоядь) и фратрия Вануйта.

Наиболее высокого уровня общественного развития родовая организация достигла у тех самодийцев, которые занимались кочевым оленеводством. Оленеводство и военные набеги на соседей способствовали накоплению богатства в руках отдельных родов и их старейшин.

Постепенно в самодийском обществе созревали условия для выделения из массы оленеводов родоплеменной знати, сосредоточивавшей в своих руках значительные стада оленей и другие богатства и увеличивавшей политическое воздействие на сородичей, соплеменников.

В лесотундре и тайге Западной Сибири, южнее самодийцев, расселялись угорские племена, составившие основу для формирования современных народностей хантов и манси. Русские люди называли район расселения угорских групп «Югрой», а жителей этого района — «юграми».

Занимались «югры» охотой и рыболовством. Некоторым юго-западным группам «югров» (манси-вогулам) было знакомо скотоводство и примитивное земледелие.

К моменту включения Западной Сибири в состав Русского государства угорское общество было затронуто имущественным и социальным расслоением в значительно большей степени, чем самодийцы сибирской тундры. В хозяйстве выделившейся знати применялся труд рабов и разорившихся общинников. Патриархальный род все более расчленялся на семьи. Возникали соседские общины, коллективно владевшие промысловыми угодьями. На смену старым родовым организациям приходили территориально-племенные объединения.

Эти территориально-племенные объединения в исторической литературе условно называются остяцкими и вогульскими «княжествами». Наиболее крупными и известными русским современникам «княжествами» были Кодское (остяцкое) на Оби ниже устья р. Иртыша, Пелымское (вогульское) в бассейнах рек Пелыма, Конды и нижнего тече-

ния Сосьвы, Обдорское на нижнем течении Оби, Ляпинское в бассейне Северной Сосьвы и Сыгвы, Казымское по берегам правого притока Оби Казыма, Сосьвинское в бассейне Южной Сосьвы, Белогорское в нижнем течении Иртыша и по Оби в районе Иртышского устья и другие.

Накануне русской колонизации среди угорских групп Западной Сибири начался процесс формирования народностей манси (вогулы) и хантов (остяки). Манси (вогулы) сложились из угорских групп, обитавших на западных и восточных склонах среднего Урала. На западных склонах гор мансийские поселения сосредоточивались по берегам рек Колвы, Вишеры, Косьвы и Чусовой, на восточных склонах — по берегам Туры, Тавды, Пелыма и Конды. Ханты (остяки) обитали в лесном Приобьи и по нижнему течению Иртыша.

Восточными, юго-восточными и частично южными соседями хантов в Приобьи были селькупы. Селькупские роды расселились по берегам среднего течения Оби и ее притоков, доходя на севере до бассейна Тыма и даже Ваха. Южной границей расселения селькупов в Приобьи было нижнее течение правого притока Оби р. Чулыма.

В XVII в. часть селькупских родов продвинулась на север в тундру и составила Тазовскую группу, которая потеснила к северо-востоку мангазейцев и байдов.

Соседствуя со стороны севера и запада с хантами (остяками), селькупы испытали сильное угорское воздействие, подверглись угорской ассимиляции, особенно в бассейне Ваха и левобережьи Оби. В период русского заселения по берегам Ваха, его притокам и притокам Оби южнее Ваха обитали уже только хантские группы. Особенно много хантских поселений было в левобережной части Оби в среднем ее течении. Селькупы в этом районе были либо ассимилированы в хантской среде, либо вытеснены хантами к востоку и северо-востоку.

Восточными и юго-восточными соседями селькупов являлись кеты.

Как и самодийцы тундры, селькупы в XVI в. сохраняли родовую и фратриальную организации. Селькупский род состоял из патриархальных семей. Внутри рода намечалось имущественное расслоение, но оно пока еще не привело к заметному социальному расслоению общества.

Для борьбы с внешними врагами селькупские роды объединялись во временные союзы. Одним из таких объединений родов являлась «Пегая орда», известная по русским документам конца XVI в. «Пегая орда» располагалась по средней Оби, центр ее находился где-то выше устья притока Оби р. Парабели.

Южными соседями угров (хантов и манси) и селькупов Приобья были мелкие тюркоязычные группы родов и племен, носившие в русских источниках весьма неточное собирательное имя «сибирских татар». Тюркоязычное население занимало южную часть таежной полосы Западной Сибири, расселялось оно главным образом в лесостепи, а также на Алтае.

Территория, занятая тюркоязычными поселенцами, начиналась на склонах Уральских гор, где в бассейне р. Туры она граничила с мансийскими селениями, охватывала среднее и нижнее течение р. Тобола, среднее течение Иртыша и Барабинскую степь.

На Средней Оби тюркоязычные этнические группы (чаты, обские и томские татары) граничили с селькупами, в правобережье Оби — с кетами. За исключением нижнего течения реки Чулыма (правого притока Оби) весь бассейн его был занят мелкими разрозненными тюркоязычными группами. Тюркоязычные племена жили также в верхнем течении Оби и на Северном Алтае.

По сравнению с самоедоязычными и угроязычными поселенцами Западной Сибири тюркоязычное население составляло самую большую группу.

Уровень общественного развития западносибирских тюрков был неодинаков. Тюркоязычные группы Притоболья и среднего Прииртышья в своем развитии дошли до примитивной государственности (татарские ханства), в то время как чулымцы, мелесцы и другие тюрки среднего и верхнего Чулыма находились к моменту присоединения Западной Сибири к Русскому государству на стадии первобытнообщинного строя. У многих поселенцев Северного Алтая, томских татар и чатов глубоко зашедший процесс разложения родовой организации вызвал появление соседской общины, выделение экономически и политически сильной знати, но не привел еще к установлению классового общества. Не вышли из рамок первобытнообщинных отношений барабинцы, теренинцы и другие тюркоязычные жители Барабинской степи.

На границе лесостепи и степи в пределах Западной Сибири лежали кочевья южных скотоводов. На восточных склонах Среднего и Южного Урала кочевали башкиры и ногайцы, в бассейне верхнего Тобола, Ишима и Иртыша — казахские орды. Иногда здесь появлялись кочевнические узбекские и ногайские улусы со своими военачальниками. Алтай (как мы уже об этом говорили выше) находился под властью западномонгольских завоевателей, известных под именем ойратов или «черных» калмыков. Последние с XVI в. стали

продвигаться далее на запад и заняли степи до Иртыша, подчинив своей власти многие тюркоязычные местные племена, превратив их в своих киштымов (данников).

Постоянные грабительские вторжения кочевнических орд в район обитания охотников и рыболовов лесостепной и лесной полос Западной Сибири наносили огромный урон хозяйству местных жителей, задерживали развитие производительных сил, тормозили процесс общественного и культурного развития. Только включение Западной Сибири в состав Русского государства уменьшило отрицательное воздействие соседства кочевнических государственных образований на жизнь местного населения, создало более нормальные условия развития охотничье-рыболовческого хозяйства и скотоводства, привело к возникновению в широких масштабах сибирского земледелия.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «СИБИРЬ»

Нам остается выяснить, почему огромнейший район Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, включающий Тюменскую, Курганскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую, Иркутскую и Читинскую области, Алтайский и Красноярский край, Бурят-Монгольскую и Якутскую автономные советские социалистические республики, называется Сибирью? Всегда ли он носил это имя? Как появился термин «Сибирь» и что он означал на различных исторических этапах?.

Эти вопросы уже давно интересовали исследователей, и был предпринят ряд попыток их разрешить, однако до настоящего времени среди ученых нет единого мнения, а широкие массы жителей Сибири (так называемые «сибиряки») не имеют четкого представления о происхождении и значении термина «Сибирь».

Первая попытка объяснить происхождение слова «Сибирь», по-видимому, относится к XVII в. Автор одной из широко известных сибирских летописей Савва Есипов утверждал, что первоначально Сибирью назывался укрепленный пункт-городок на берегу Иртыша, где жили в XVI в. правители татарского ханства. По имени этого городка «и по речке Сибирке вся страна Сибирская от Верхотурского камени и до Лены и до Даурские земли наречена бысть Сибирью»[1].

[1] См. «Записки о сибирской истории. Древняя российская вивлиофика», изд. Новикова, 1788, ч. III, стр. 108.

Происхождение термина «Сибирь» от названия речки Сибирки доказывал также путешественник XVII в., участник посольства Избрандеса в Китай, Адам Бранд[1]).

Этой же точки зрения придерживался Станкевич, живший в Енисейске во второй четверти XVII в., автор не дошедшей до нас сибирской летописи[2]).

Историк первой половины XVIII в. Василий Никитич Татищев использовал летопись Станкевича и приводил его мнение по вопросу о происхождении названия «Сибирь». Кроме того, В. Н. Татищев для выяснения поставленного вопроса использовал материалы шведского исследователя Табберта-Страленберга, своего современника, с которым встречался в Сибири и в Швеции. Опираясь на выводы Табберта-Страленберга, В. Н. Татищев заключал, что термин «Сибирь» татарского происхождения, «которое значит ты первый или главный. Сие прежде было токмо имя оного главного татарского городка на реке Иртыше»[3]).

Подчеркивая пестроту этнического состава населения Сибири, В. Н. Татищев считал слово «Сибирь» татарским и указывал, что только с присоединением Сибирского ханства к Русскому государству русские постепенно распространили название «Сибирь» на всю территорию, простирающуюся на восток от Уральских гор до побережья Тихого океана, т. е. на территорию, которая до этого не называлась Сибирью и население которой даже не знало термина «Сибирь».

Объяснения, высказанные С. Есиповым, А. Брандом, Станкевичем, Таббертом-Страленбергом и В. Н. Татищевым по вопросу о происхождении термина «Сибирь», казались уже недостаточно обоснованными известному историку-сибиреведу XVIII в. Герарду Фридриху Миллеру. Г. Ф. Миллер резко критиковал тех исследователей, которые считали слово «Сибирь» татарского происхождения. Он указывал, что для тобольских татар это слово было совершенно неизвестным. Г. Ф. Миллер предполагал, что название «Сибирь» возникло в России «по всей вероятности, из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них перешло к русским»[4]). Однако, отметив недостаточную аргументированность выдвинутого предыдущими исследователями объяснения тер-

---

[1]) См. И. Тыжнов, Обзор иностранных известий о России 2-й половины XVII в. «Сибирский вестник», I, СПб., 1890.

[2]) В. Н. Татищев, Общее географическое описание Сибири, «Избранные труды по географии России», М., 1950, стр. 47, 74—75.

[3]) Там же, стр. 47.

[4]) Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.-Л., 1937, стр. 195.

мяна «Сибирь», Г. Ф. Миллер сам не дал сколько-нибудь развернутого решения вопроса.

Современник Миллера Иоганн Эбергард Фишер, продолжавший разработку проблем сибирской истории также отмечал, что название «Сибирь» татарским группам, живущим по Иртышу, не было знакомо. Фишер подчеркивал существовавший в его время интерес русских и иностранных ученых к решению вопроса о происхождении и значении слова «Сибирь».

Он критиковал не только Табберта-Страленберга и других его сторонников в решении данного вопроса, но и тех исследователей, кто производил название «Сибирь» от русского слова «север». С явно выраженной иронией И. Э. Фишер писал: «ежели бы сие было правда, то как могло статься, что россияне оставили свое название с е в е р? Ибо между С е в е р о м и С и б и р ь ю есть великая разность как в произношении, так и в писании. Сверьх того ежели бы оное слово происходило от с е в е р, то надлежало бы его употреблять тому народу, которому Сибирь лежит к с е в е р у и то были бы киргизские казаки и калмыки; но россиянам Сибирь лежит к в о с т о к у, а не к северу, и так они жителей сея земли долженствовали бы называть не с и б и р я к а м и, что по мнению толкователей значило бы людей около с е в е р а живущих, но наипаче в о с т о ч н ы м и»[1]).

В части положительного решения вопроса И. Э. Фишер не пошел дальше Миллера. Он, как и Миллер, считал слово «Сибирь» пермяцкого или зырянского происхождения. Пермяки и зыряне задолго до завоевания Сибири русскими отрядами бывали с торгами в бассейне Оби у местного населения и называли эту территорию Сибирью. От пермяков и зырян название «Сибирь» стало известно русским[2]).

В XIX в. в связи с ростом исторических знаний, выявлением новых источников (лингвистических, этнографических и исторических) интерес к вопросу о происхождении и значении слова «Сибирь» еще более возрос. В 1841 г. была опубликована небольшая статья любителя сибирской старины Николая Алексеевича Абрамова (учителя тобольской гимназии), специально посвященная данной теме. В ней автор, исходя из лингвистического анализа слова, вновь возвращается к мысли Табберта-Страленберга о татарском происхождении термина «Сибирь». В отличие от своего предшественника Н. А. Абрамов выводил слово «Сибирь»

---

[1]) И. Э. Ф и ш е р, Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, СПб., 1774, стр. 3.

[2]) Там же, стр. 3.

не из татарского существительного «бир»—первый, главный, а из татарского глагола «сибирмак» — вычищать, очищать, и делал вывод: «Когда-то какой-то воитель, завладев этой страной, завел в ней новые порядки и страна сделалась очищенной, выметенной, благоустроенной»[1]).

Вряд ли есть необходимость указывать на необоснованность и наивность этого объяснения Н. А. Абрамова. Уже в XIX в. предположение Н. А. Абрамова о происхождении слова «Сибирь» было подвергнуто критике. Даже не имевший специальной исторической подготовки Иван Васильевич Щеглов (работавший учителем сначала в Иркутске, затем в Енисейске и Троицесавске) усомнился в правильности гипотезы Н. А. Абрамова и поддержал тех исследователей, которые считали слово «Сибирь» монгольского происхождения. И. В. Щеглов писал: «Существует мнение, что Сибирь слово монгольское и значит с ы р ы е и м о к р ы е места, причем высказывается предположение, что, вероятно, монголы, при переходе из своих жарких и безводных степей на места, лежащие на сибирских покатях, называли их Сибирью — по имеющимся здесь болотам и по множеству озер, рек и речек... Кажется, последнее объяснение вернее предыдущих»[2]).

Гипотеза И. В. Щеглова, как и критикуемая им гипотеза Н. А. Абрамова страдают общим пороком: они выводят название страны из языка народа, не жившего в этой стране ранее XIII—XIV вв.

Монголам в XIII в. действительно был знаком термин «Шибир», но они этим термином называли не болотистую местность, а н а р о д. В монгольской хронике 1240 г. указывается, что «лесные народы», попавшие под власть монгольских завоевателей, вошли в состав улуса Джучи (Джочи). При перечислении этих лесных народов упоминается н а р о д Ш и б и р[3]).

Наиболее интересную гипотезу о происхождении слова «Сибирь», основанную на лингвистических и исторических материалах, выдвинул в 40-е годы XIX в. известный славист, основатель сравнительного изучения славянских языков Па-

---

[1]) Н. А. А б р а м о в, Догадка о значении имен некоторых мест Тобольской губернии. «Журнал министерства народного просвещения», 1841, т. XXX, отд. II, стр. 821.

[2]) И. В. Щ е г л о в, Хронологический обзор первых страниц истории Сибири. Особое приложение к № 23 газеты «Сибирь», 1883, стр. 9—10.

[3]) См. С. А. К о з и н, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., Юань-чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I, М.-Л., 1941, стр. 175.

вел Иосиф Шафарик в своей монографии «Славянские древности»[1]).

Слово «Сибирь» Шафарик производил от названия гуннского племени сабиров или себеров, о которых упоминали в своих трудах византийские писатели Зосим, Приск, Агафий Схоластик, Феофан, Менандр, Прокопий и готский историк Иордан (Иорнанд).

Родиной гуннских племен, как известно, была Восточная Азия. Сабиры или себеры (по утверждению Шафарика) составляли часть гуннских племен. В первые века нашей эры они вместе с другими гуннскими группами двинулись на запад в пределы юго-восточной Европы и в IV—V вв. оказались в степях Северного Кавказа. Отсюда они, по свидетельству византийского писателя Приска, были потеснены аварами дальше на запад. Менандр утверждал, что во второй половине VI в. сабиры жили по соседству с аланами и антами. По данным Прокопия антские группы расселялись на запад от Крыма, а сабиры жили на восток от Крыма по побережью Азовского моря. Готский историк Иордан писал, что сабиры кочевали в Придонье и являлись восточной ветвью гуннского племенного объединения. Находясь в степях южной Европы, сабиры часто служили в качестве наемников в войсках у римлян и персов, иногда сами производили опустошительные набеги на римские и персидские области. Прокопий называл их уннами, утугурами или сабир-угорами[2]).

Используя все эти данные, П. И. Шафарик сделал предположение, что гуннское племя сабиров или себеров оставило свое имя покинутой ими стране, лежащей за Уральскими горами. Шафарик писал: «Вероятно зауральская родина их (сабиров или себеров.—З. Б.) первоначально называлась Сибирь, и это имя русские перенесли и на края, лежащие за ней, а потом придали ему значение, в котором оно теперь употребляется»[3]).

Высказав гипотезу о гуннском происхождении термина «Сибирь», П. И. Шафарик далее находит звуковое сходство имени себер со славянским названием племени север (северяне) и предположительно высказывает мысль об идентичности гуннского племени сабир-себер со славянским племенем северян.

---

[1]) П. И. Шафарик, Славянские древности, перевод Бодянского т. I, кн. 2, М., 1847.

[2]) М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, Иркутск, 1932, Введение, стр. XXVII, стр. 56.

[3]) П. И. Шафарик, Славянские древности, т. I, кн. 2, М., 1847, стр. 100.

Последняя догадка Шафарика, основанная на звуковой близости терминов себер и север, была подхвачена и развита в конце XIX в. В. М. Флоринским, который доказывал не только славянское происхождение слова «Сибирь», но и славянское происхождение гуннов и болгар Среднего Поволжья[1]).

Нет особой необходимости останавливаться на ошибочности утверждений Флоринского. Исследованиями дореволюционных и советских ученых вполне доказано, что ни гунны южных степей, ни болгары Среднего Поволжья не принадлежали к славянской группе племен. О гуннах известно как о группе племен, оформивших крупное объединение в конце III в. до н. э. в Восточной Азии. Ядро этого гуннского союза племен включало не только монгольские, но также тюркские, иранские и тунгусо-маньчжурские племена). Болгарские племена, положившие начало Камско-Волжской Болгарии, по языку относились к народам тюркской языковой системы. Имевшееся в составе болгарских племен племя сувар (по имени которого назван один из городов Камско-Волжской Болгарии — г. Сувар) также нет никаких оснований относить к славянским племенам.

Несмотря на несостоятельность гипотезы Флоринского о славянском происхождении термина «Сибирь» среди советских авторов встречаются исследователи, в той или иной мере разделяющие взгляды Флоринского по этому вопросу[3]).

В последние годы в поддержку славянского происхождения названия «Сибирь» выступил Н. И. Михайлов. Он говорит: «С исторической и географической точек зрения нам представляется более убедительным мнение тех исследователей, которые связывают происхождение слова «Сибирь» с русским словом север или сивер. Такое мнение было распространено в XVII и еще даже в XVIII в.

Этот взгляд разделяет также В. М. Флоринский (1889), выводящий название Сибирь от славянского слова север, которое применялось в России не только для обозначения страны света, но и для названия народа, проживавшего в северных областях Киевской Руси («северяне»)[4]).

Таким образом, Н. И. Михайлов возвращается к старой

---

[1]) В. М. Флоринский, Заметка о происхождении слова «Сибирь», Известия Томского университета», 1889, кн. I, стр. 11—13.

[2]) См. «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 442.

[3])М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения, 1947, стр. 226.

[4]) Н. И. Михайлов, К истории появления и распространения названия «Сибирь», «Ученые записки МГУ», вып. 170, География, изд-во МГУ, 1954, стр. 116.

трактовке вопроса о происхождении термина «Сибирь», которая была подвергнута справедливой (по нашему мнению) критике еще в XVIII в. И. Э. Фишером. Не приведя по существу дела никаких новых доказательств, Н. И. Михайлов делает заключение: «...название «Сибирь» произошло, вероятно, от измененного славянского слова север (сивер), прекрасно отражающего представления первых исследователей о ландшафтных особенностях вновь открытой страны»[1]).

У Михайлова, также как и у некоторых дореволюционных авторов (Абрамова, Щеглова), название «Сибирь» оказывается принесенным извне, не связанным с какой бы то ни было группой древнейшего населения Азии. По его мнению, слово «Сибирь» присвоено краю первыми его русскими поселенцами исходя из «ландшафтных особенностей». Такое решение вопроса вряд ли может считаться правильным.

Г. Н. Потанин в 1890 г. предложил иную гипотезу о происхождении слова «Сибирь». Он использовал утверждение Шафарика о рождении термина «Сибирь» в Азии, как названия одного из гуннских племен (сабиры или себеры). Потанин полагал, что существовавший в X в. в Камско-Волжской Болгарии г. Сувар был памятью о переселении гуннских племен (в том числе сабиров) с востока на запад[2]).

Анализируя фольклорный материал, Г. Н. Потанин обнаружил, что у ряда народов Азии в их поэтическом творчестве встречается слово Sübür. В сказках качинских татар и кизыльцев это слово обозначает название горы. В монгольских и бурятских сказках упоминается гора Сымыр или Сумбыр. Эти названия (Sübür, Сымыр, Сумбыр) Г. Н. Потанин сближал с названием горы Сумару индийских сказаний. Он писал: «По книжным монголо-буддийским сказаниям, гора Сумару находится в центре вселенной»[3]). На вершине этой сказочной горы Сумбыр, по народным монгольским легендам, находится Полярная звезда. Г. Н. Потанин делал вывод: «Если действительно в представлениях народов восточной Азии существовало отношение между Полярной звездой и именем Сумбыр, Сумар, Субур, Sübür, то эти имена легко могли связаться с представлением о севере или о странах, лежащих на север от средней Азии»[4]).

Полемизируя с Флоринским по поводу происхождения

---

[1]) Н. И. Михайлов. К истории появления и распространения названия «Сибирь». «Ученые записки МГУ», вып. 170, география, изд-во МГУ, 1954, стр. 116.

[2]) Г. Н. Потанин, О происхождении географического имени «Сибирь». «Сибирский вестник», I, 1890, стр. 180.

[3]) Там же, стр. 183.

[4]) Там же, стр. 187.

слова «Сибирь», Г. Н. Потанин доказывал монгольское происхождение этого термина. Из Монголии это слово стало известно средневековому писателю Рашид-ад-Дину, который, по мнению Потанина, первым употреблял термин «Сибир-Ибир» по отношению к стране, расположенной от Средней Азии на северо-восток. От восточных авторов термин «Сибирь» стал известен и в Европе[1]).

Считая гуннов монгольским народом, Г. Н. Потанин полагал, что они при своем переселении в Южную Европу стали применять старый, знакомый им термин «Сумбыр», «Себур» (как название северных гористых стран) к Уральскому хребту. Этот термин закрепился у тюркского населения Поволжья и от него стал известен западноевропейским географам XIV в. В качестве подтверждения своей мысли Г. Н. Потанин упоминал о карте братьев Пицигани, составленной в в 1367 г. и о каталанской карте 1375 г. На карте Пицигани обозначен город Sebur в верховьях реки Edil. Каталанская карта называет место, где проходит Уральский хребет термином «Sebur». Со склонов гор Sebur течет в Каспийское море большая река. Ниже верховьев этой реки на ее восточной стороне обозначен город Sebur[2]).

Мысль Г. Н. Потанина о монгольском происхождении термина «Сибирь» в советской литературе получила развитие в исследовании К. В. Вяткиной. Она считает слово «Сибирь» связанным не только с устным поэтическим творчеством народностей Южной Сибири. К. В. Вяткина говорит: «Под именем шивир, шибер известны названия многочисленных рек, также зарослей вдоль берегов реки в Монголии. Термином шивэ (шибэ) обозначаются у монголов также горы с острыми зубчатыми вершинами. В районе расселения тунгусов названия рек с термином биря встречаются нередко, что означает собственно река»[3]).

Как Г. Н. Потанин, так и К. В. Вяткина подходили к анализу термина «Сибирь» только с лингвистической точки зрения. К. В. Вяткина оперировала, главным образом, случайным звуковым сходством имени Сибирь со словами шивир, шибер, шивэ, биря и т. д. Вполне понятно, что такой односторонний подход к решению поставленной задачи не может привести к правильным выводам. Главным уязвимым местом в гипотезе о монгольском происхождении слова «Сибирь» является то, что этот термин закрепился перво-

---

[1]) Г. Н. Потанин, О происхождении географического имени «Сибирь», «Сибирский вестник», I, 1890, стр. 188.

[2]) Там же, стр. 188—189.

[3]) К. В. Вяткина, К вопросу о термине «Сибирь», «Советская этнография», I, 1935., стр. 93.

начально как название географического района не Восточной, а Западной Сибири. Если бы термин «Сибирь» как обозначение страны, лежащей к северу, родился в Монголии, то он скорее всего должен бы был относиться к Восточной Сибири, а не к нижнему течению Тобола и Иртыша, как об этом говорят русские письменные источники XV—XVI вв. Очевидно, эта мысль в какой-то мере уже смущала Г. Н. Потанина, и он вынужден был сделать некоторую оговорку в своей статье о монгольском происхождении слова «Сибирь». Он писал: «Имя Sebur могло прийти на берега Иртыша с запада, с берегов Волги, но на Волгу оно пришло с востока. Его принесли кочевые племена из дальней Азии»[1]).

В отличие от приведенных выше гипотез о славянском и о монгольском происхождении слова «Сибирь» С. К. Патканов в 90-е годы XIX в. высказал мысль о местном сибирском происхождении этого термина. Используя свидетельства византийского автора Прокопия о Сабир-Угорах (Sabir Ougores) и материалы П. И. Шафарика, С. К. Патканов широко привлек к решению поставленного вопроса этнографические данные и предания местных жителей Западной Сибири. В пределах Тобольской губернии С. К. Патканов выявил предания тобольских татар о народе сывыр или сыбыр, занимавшем места по среднему Иртышу до появления здесь татар. «Предания эти, — писал Патканов, — настолько распространены среди тобольских татар, что невольно удивляешься, каким образом они могли ускользнуть от внимания ученых, изучавших данный край. Этому народу татары приписывают большую часть всех находящихся в их областях археологических памятников, каковы городища, курганы и т. д. Первые у них весьма часто именуются словом сывыр-кала, вторые — сывыр-туба»[2]).

Предания о древнем народе сибыр или сыбыр сохранились и у южных хантов Малой Кондинской волости Тобольского округа.

Севернее низовьев Иртыша термин «сыбыр», по утверждению Патканова, уже не встречается[3]).

Народ сывыр или сыбыр татарских и хантыйских преданий С. К. Патканов сближал с сабирами византийских авторов и делал следующее заключение: «...присутствие в Европейской России в разные времена кочевых племен, называв-

---

[1]) Г. Н. Потанин, О происхождении географического имени «Сибирь», «Сибирский сборник», 1890., стр. 188.

[2]) С. Патканов, О происхождении слова «Сибирь». «Сибирский сборник», приложение к «Восточному обозрению», кн. II, СПб., 1892, стр. 129.

[3]) Там же, стр. 130.

шихся «сабир», «себер», «сувар» и т. д., заставляет нас видеть в них прежних обитателей Сибирской области»[1]).

С. К. Патканов предполагал, что сабиры-сыбыры — народ финно-угорской группы, первоначально обитавший по Иртышу, был частично увлечен гуннами в их передвижении на запад в пределы Европы. Некоторые сабирские группы остались на местах прежнего обитания и постепенно ассимилировались новыми пришельцами в лесостепной полосе Западной Сибири, удерживая до XIII—XIV вв. свое первоначальное название. Этническое имя постепенно перерастало в географическое наименование. Часть сабирских групп, продвинувшихся на запад, осела в Среднем Поволжье. Здесь, по документам X в., известно племя сувар и город Камско-Волжской Болгарии — Сувар. Другая часть сабирских племен, увлеченная в общем потоке передвижения кочевников составе гуннского объединения, оказалась в степях Южной Европы и была известна авторам VI—X вв. С. К. Патканов, опираясь на свидетельство Константина Багрянородного, склонен был даже сближать сабиров с венграми, относя тех и других к группе финно-угорских народов[2]).

Против сближения сабиров с венграми выступил в 1928 г. венгерский ученый Gyula Nemeth в статье «Сибирия и Венгрия», опубликованной в журнале «Венгерский язык». Nemeth указывал, что сабиры и венгры два разных народа, отмечал пребывание сабиров в Южной Европе, указывал на наличие политических взаимоотношений между сабирами и венграми, но отрицал, что сабиры были финно-угорского происхождения. Родиной сабиров Nemeth считал район нижнего течения Иртыша. Сабиры, по его мнению, были народом тюркского происхождения. В вопросе о происхождении слова «Сибирь» Nemeth сближается с Абрамовым. Если Н. А. Абрамов выводил слово «Сибирь» из татарского глагола «сибирмак», то Nemeth толкует его как образование от глагола „sapmak" в значении «прогнать»[3]).

Мысль Nemeth'а о западносибирском происхождении сабиров, сближении сабиров с тюркоязычным населением очень интересна и, несомненно, должна быть учтена при решении вопроса о происхождении термина «Сибирь», но даваемое им толкование происхождения этого термина от татарского глагола вряд ли имеет научную ценность.

---

[1]) С. Патканов, О происхождении слова «Сибирь», «Сибирский сборник», 1890, стр. 132—133.

[2]) Там же, стр. 135.

[3]) См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, Иркутск, 1932, стр. 56.

В советской исторической науке гипотеза Патканова нашла свое дальнейшее развитие в исследованиях В. Н. Чернецова. По мнению В. Н. Чернецова сибирские сабиры или саберы составляли лишь ветвь широко расселенной угрофинской семьи народов и были близки как венграм, так и обским уграм. Местом расселения сабирских (древнеугорских) племен в первой половине I тысячелетия до н. э. В. Н. Чернецов считает территорию западносибирской лесостепи, указывая, что древние угры обитали в непосредственном соседстве с древними предками венгров[1]).

Анализируя фольклорные материалы хантов и манси, В. Н. Чернецов обнаружил этноним сепыр-сыпыр-тяпыр, широко распространенный в топонимике и названиях родов и фамилий. Этот этноним он связывает с именем гуннского племени сабиров-себеров или сабир-угоров[2]).

В обобщающей работе В. Н. Чернецов делает вывод: «...древние предки угорских народов, общим именем которых являлись те или иные варианты имени сипыр-савыр, формируются на базе древних культур Западной Сибири, Зауралья и частично Казахстана. В начале I тысячелетия до н. э. часть савырских племен оказывается под длительным и глубоким воздействием иранских групп, возможно саков»[3]).

Кроме того, древние предки угров, в массе своей кочевники, вступили в длительное взаимодействие с аборигенным населением лесной полосы, занимавшимся охотой и рыболовством. В результате постепенного продвижения савырских (древнеугорских) племен в лесную полосу и ассимиляции коренного населения сложились Потчевашская, Устьполуйская и другие археологические культуры.

В. Н. Чернецов пришел к выводу, что этнические группы с именем сипыр-савыр оставили глубокий след не только в Среднем, но и в нижнем Приобьи. В фольклоре ненцев встречается упоминание о народе «сиирти», который застали в Приобьи самодийцы (предки ненцев), придя сюда в X в. В. Н. Чернецов пишет: «Название этого народа сохранилось в топонимике в виде многочисленных «Сиирти-яга» — река

---

[1]) В. Н. Чернецов, Устьполуйское время в Приобье, «Материалы исследования по археологии СССР», 1953, № 35, М., стр. 239.

[2]) В. Н. Чернецов, Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X века н. э., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры,» XIII, М.-Л., 1946, стр. 155.; В. Н. Чернецов, Очерки этногенеза обских угров, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры», IX, 1941, стр. 24.

[3]) В. Н. Чернецов, Устьполуйское время в Приобье, «Материалы исследования по археологии СССР», 1953, № 35, М., стр. 239—240.

сирти, «Сиирти-мялы» — селище сирти, «Сиирти-надо» — яр сирти и т. д. Александр Шренк указывает на встреченный им параллелизм в названиях «сирти» или «сирти-та и «сибер-та». В последнем варианте совершенно отчетливо выступает близость с термином «сипыр», о котором выше была речь[1]).

В работах В. Н. Чернецова нет специального рассмотрения вопроса о происхождении термина «Сибирь», но исследованный им материал по древней истории Приобья позволяет сделать попытку решить уже давно интересовавшую исследователей загадку.

Настало время отказаться видеть в термине «Сибирь» название, принесенное извне завоевателями покоренной стране (монголами или русскими). Накопленный археологический, этнографический, фольклорный материалы и письменные исторические источники позволяют видеть происхождение этого термина от названия одной из этнических групп, населявшей с конца I тысячелетия до н. э. территорию лесостепной полосы Западной Сибири.

Такой этнической группой, носившей название «сипыр» (сёпыр, сабир) были предки древних угров, вступившие в длительное и сложное взаимодействие с другими этническими элементами Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии (в том числе и тюркскими).

С продвижением в I в. н. э. гуннов в район Аральского моря и распространением их кочевий на территории Казахстана часть предков угров попадает в сферу гуннского влияния и, может быть, некоторые «сипырские» племена включаются в гуннский племенной союз. Вместе с гуннами в составе гуннского объединения «сипыры» в III—IV вв. н. э. продвигаются в степи Прикаспия, Северного Кавказа и вступают здесь в борьбу с аланским племенным союзом. Теснимые аланами, они продвигаются дальше на запад в степи Северного Причерноморья и в VI в. становятся известными византийским авторам и готскому историку Иордану под именем сабиров или сабир-угоров.

Однако на запад в составе гуннского союза была увлечена не вся масса «сипырских» племен. Значительная часть их осталась на прежнем месте жительства в среднем течении Иртыша и, может быть, несколько сдвинулась к северу, вступив в постоянное общение с коренным населением лесной полосы Западной Сибири. Продвижение к северу, вероятно, произошло под напором тюркских кочевников Алтая. Древ-

---

[1]) **В. Н. Чернецов.** Устьполуйское время в Приобье «Материалы исследования по археологии СССР». 1953, № 35, стр. 241.

ние угры с этого времени начали испытывать сильное воздействие более развитой тюркской культуры.

Ассимилируясь в сложной этнической среде жителей Западной Сибири, «сипыры» сохраняли свое этническое имя еще в XIII в. в период завоевательных походов Чингисхана и его военачальников в Азии. Выше мы уже говорили, что, распространив свое господство на «лесные народы», монгольские завоеватели включили в состав улуса Джучи народ Шибир. Очевидно, народ Шибир был той самой группой племен, которая была известна ранее под именем «сипыр» или «сабир».

Восточным писателям второй половины XIII в. — первой половины XIV в. термин «Сибирь» был известен уже как название страны, лежащей где-то в бассейне Иртыша. Так называет области Ибир и Сибир историк монгольских ильханов династии Хулагидов Фазлуллах Рашид-ад-Дин (1247—1318 гг.)[1]. Позднее упоминал области Сибир-Ибир арабский писатель Ибн Фадлаллах Эломари (Ал-Омари). Эломари — современник золотоордынского хана Узбека (1312—1341 гг.). Как известно, хану Узбеку удалось несколько упрочить ханскую власть в Золотой Орде, распространить ее вновь на большую часть территории бывшего улуса Джучи. Перечисляя владения Узбека, Эломари называл Булгар (Камско-Волжскую Болгарию), области Башкырд (Башкирскую землю), Сибир, Ибир и Чулыман[2]. Эломари отмечал, что «страны Сибирская и Чулыманская... прилегают к Башкырдам»[3]. Это утверждение Эломари позволяет нам относить районы Сибир и Ибир к территории Западной Сибири. Описывая климатические особенности, Эломари говорил: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в продолжение 6 месяцев. Он не перестает падать на их горы, дома, земли. Вследствие этого у них мало скота»[4]. Отмечая огромные размеры подвластной Узбеку территории, Эломари указывал, что «крайними пределами» ее на севере является земля Сибирская, «из которой вывозятся соболь, да серая белка»[5].

Поскольку Монгольское ханство и выделившиеся из державы Чингисхана государство Хулагидов, Золотая Орда и другие образования поддерживали дипломатические связи с

---

[1]) Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.-Л., 1952, стр. 73.

[2]) В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884., стр. 236.

[3]) Там же, стр. 238.

[4]) Там же, стр. 238.

[5]) Там же, стр. 243.

государствами Европы, в Западной Европе уже в XIV в. был известен термин «Сибирь»[1]).

В начале XV в. баварец И. Шильтбергер, будучи в составе посольства к правителям Золотой Орды (к хану Едигею), побывал в интересовавшей европейцев Сибири. В своих воспоминаниях, названных «Книгой путешествий», Шильтбергер отмечает, что его поездка из ханской ставки в Сибирь вместе с отрядом Едигея продолжалась два месяца. Сибирь он называет Wissibur[2]).

Из описания Сибири Шильтбергером видно, что этот термин обозначал уже не название народа, а страну, в которой используются в качестве тяглой силы собаки, запряженные в повозки, а зимой — в сани. «В этой стране,— пишет Шильтбергер,— сеют только просо и хлеба не едят вовсе»[3]).

Распространение в Западной Европе «Книги путешествий» Шильтбергера расширило представление о Сибири, как о географической области, лежащей на северо-восточной окраине владений Золотой Орды.

В начале XV в. появляются сведения о Сибири как об определенном районе и в русских летописях. Так, Владимирский летописец отмечает, что в 1407 г. «царь Шадибек убил Тактамыша в Сибирской земли»[4]) (разрядка моя. — З. Б.). Архангелогородский летописец уточняет, что это событие произошло «в Сибирской земли близ Тюмени»[5]).

На карте мира, составленной в 1457—1459 гг. венецианцем Фра Мауро, можно видеть на северо-востоке от Волги (Edil) наименование района Sibir[6]). Пользуется словом «Сибирь» как географическим термином („Sybarinum") в 80-е годы XV в. итальянец Юлий Помпоний Лэт[7]).

О местоположении Сибири у русских авторов второй половины XV в. были совершенно определенные представления. Автор Архангелогородского летописца, описывая поход отря-

---

[1]) Выше мы уже упоминали две карты, появившиеся в Европе, на которых был обозначен город Sebur (карта Пицигани 1367 г. и каталанская карта 1375 г.).

[2]) М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, Иркутск, 1932 г., стр. 52, Алексеев отмечает, что в другом списке рукописи Шильтбергера вместо Wissibur встречается написание Ibissibur, см. стр. 54.

[3]) Там же, стр. 53.

[4]) М. Н. Тихомиров, «Из Владимирского летописца», «Исторические записки», 15, 1945, стр. 281.

[5]) «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)», М.-Л., 1950, стр. 70.

[6]) См. Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий М.-Л., 1946., стр. 175.

[7]) М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, Иркутск, 1932., стр. 65, 69.

да служилых людей в 1483 г. против вогульских князьков Асыки и Юмшана (совершавших набеги на территорию Приуралья), рассказывает, что после сражения в устье р. Пелыма отряд двинулся вниз по реке Тавде мимо Тюменского ханства в Сибирскую землю. «А от Сибири шли по Иртышу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю»[1]).

Это описание пути московского отряда позволяет заключить, что Сибирью в 80-е годы XV в. называлась не вся Западная Сибирь, а лишь ограниченный район ее. Не назывались Сибирью восточные склоны Урала, где жили вогульские (мансийские) племена. Не назывались Сибирью земли по Тагилу, Нице, Туре, Пышме, а также междуречье Туры и Тавды, где обитали тюркоязычные и некоторые угорские племена, объединенные в XV в. в Тюменское ханство, известное в русских источниках под названием Тюмени. Не назывался Сибирью в XV в. и район, лежащий по течению Оби ниже устья Иртыша, заселенный угорскими племенами. За этим районом в русских документах прочно закрепилось в XV в. название Югры (Угры).

Термин «Сибирская земля» присваивался лишь району, находящемуся по нижнему течению Тобола и среднему течению Иртыша, где, очевидно, жили потомки древних «сипыров», в значительной степени ассимилированные тюркскими элементами и поэтому отличавшиеся от остальных групп угорского населения (хантов, манси) Западной Сибири.

Процесс разложения первобытнообщинных отношений у местного населения привел к выделению племенной знати. Архангелогородский летописец называет сибирского князька Лятика, приехавшего весной 1484 г. в Москву вместе с вогульскими и югорскими князьками. Выделившаяся из массы общинников знать вступила в длительную и упорную борьбу с шейбанидами[2]).

Одним из потомков шейбанидов и был упомянутый нами выше тюменский правитель Ибак, стремившийся расширить границы своих владений и распространить свою власть на жителей нижнего Тобола и среднего Иртыша. Это стремление шейбанидов к расширению власти и покорению новых племен вызывало отпор со стороны местной знати. Письменные русские источники рассказывают, что Ибак пал в борьбе с местными тюркоязычными князьками. По преданию, Ибака убил около 1495 г. Мамет. Он объединил под своей властью земли по нижнему течению Тобола и среднему течению Ир-

[1]) «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». М.-Л., 1950, стр. 94.

[2]) Шейбан — брат хана Батыя. Улус Шейбана был выделен из Золотой Орды и состоял из земель за Уральским хребтом.

тыша, где жили тюркские племена, ассимилировавшие сипыров, и сделал своей ставкой укрепленный городок на месте старого сипырского (древнеугорского) поселения. Этот городок на берегу Иртыша носил название Сибирь, а по его имени и владения Мамета стали называться Сибирским юртом или Сибирским ханством. Наряду с Сибирским ханством до начала XVI в. продолжало существовать и Тюменское ханство, где власть находилась в руках родственников Ибака.

Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в России в первой половине XVI в., упоминал в своих сочинениях Сибирь как район, находящийся к востоку от Вятки и Перми, откуда в Москву привозятся беличьи шкурки. Он отличал Сибирь от Югры и Тюменского ханства, понимая под этими названиями хотя и соседние друг другу, но разные районы[1]). После С. Герберштейна как в русских документах, так и у иностранных путешественников Тюменское ханство больше не упоминается. Оно, очевидно, перестало существовать как отдельное государственное образование, а его территория была включена в состав Сибирского ханства, расширившего свои пределы. Но все писатели XVI в. (описывающие территорию Зауралья) по-прежнему продолжали различать Югру и Сибирскую землю (Андрэ Тевэ, Даниил Принтц, Алессандро Гваньини, Генрих Штаден).

После разгрома Сибирского ханства в конце XVI в. термин «Сибирь» постепенно стал закрепляться за всей территорией, присоединенной к Русскому государству и лежащей на восток от Уральских гор вплоть до берегов Тихого океана. Административное управление этим огромным краем в XVII в. сосредоточивалось в руках особого органа, носящего название Сибирского приказа.

Следует заметить, что историки XVIII в. М. В. Ломоносов и Н. В. Карамзин никогда не смешивали Югры и Сибири, понимая под Сибирью по-прежнему только земли по нижнему Тоболу, Туре и среднему Иртышу, а под Югрой — земли в северо-западной части Азии, главным образом в нижнем Приобье.

Исследователи XIX в., пользуясь при изучении истории Сибири документами XVII в. (когда Сибирью стала называться уже вся территория Зауралья до Тихого океана), постепенно перестали отличать Югру от Сибирского ханства. Некоторые из них даже стали утверждать, что Югорская земля полностью находилась на территории Европейского Севера. Отсюда и появилось неправильное в исторической литера-

[1]) С. Герберштейн, Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 95, 136, 158.

туре утверждение, что началом завоевания Сибири следует считать поход Ермака, тогда как в действительности началом присоединения к Русскому государству северо-западной Азии было включение части угорских (остяцких и вогульских) племен в конце XV в.

Таким образом, термин «Сибирь» возник как наименование этнической группы «сипыр» в первых веках до нашей эры. Такой этнической группой были предки древних угров. В результате длительного общения с другими этническими элементами «сипыры» в значительной мере ассимилировались, но сохранили свое название вплоть до XIII—XIV вв. Название «Шибир», «Сибир» в это время относилось к тюркоязычной группе, живущей по среднему Иртышу и, может быть, даже несколько восточнее его.

Начиная с XIII в., восточные авторы называли «Сибирью» не только народность, но и местность, в которой она жила. В XIV—XV вв. «Сибирью» назывался также укрепленный пункт-«городок» на берегу Иртыша.

Географическое положение местности, носившей в XV в. название Сибири, особенно четко выявляется по русским источникам. Сибирской землей в это время назывался район по нижнему Тоболу и среднему Иртышу.

В первой четверти XVI в. территория Сибирской земли (Сибирского ханства) была расширена за счет включения бассейна р. Туры, где ранее существовало отдельное Тюменское ханство. Во второй половине XVI в. границы Сибирской земли были, по-видимому, раздвинуты за счет покорения Кучумом населения Барабинской степи.

Разгром Сибирского ханства казачьей дружиной Ермака, строительство в Зауралье русских укрепленных пунктов, продвижение на восток царских отрядов служилых людей привели к тому, что термин «Сибирь» постепенно был распространен в XVII в. на все районы Азии, включенные в состав Русского государства, начиная от восточных склонов Уральских гор до побережья Тихого океана.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Алексеев М. П., Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, изд. 2-е, Иркутск, 1941.

«Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Перевод с английского Ю. В. Готье, М., 1937.

Анучин Д. Н., К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех неизнаемых в Восточной стране», М., 1890.

«Сибирские летописи», изд. Археографической комиссии, СПб., 1907.

«Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». М.-Л., 1950.

II. Монографии, статьи, учебные пособия

Бахрушин С. В., Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., «Научно-исследовательская ассоциация института народов Севера. Известия», вып. 3, Л., 1935.

Бахрушин С. В., Самоеды в XVII веке, «Советская Азия», кн. 5—6, 1925.

Бахрушин С. В., Основные линии истории обских угров, «Ученые записки Ленинградского университета», вып. 2, серия востоковедческих наук, т. 1, Л., 1948.

Боярщинова З. Я., Население Томского уезда в первой половине XVII в., «Труды Томского государственного университета», т. 112, Томск, 1950.

Вербов Г. Д., Пережитки родового строя у ненцев, «Советская этнография», Сборник статей, II, М.-Л., 1939.

Грязнов М. П., История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1956, № 48, М.-Л.

Дебец Г. Ф., Селькупы. Антропологический очерк, «Труды института этнографии», новая серия, т. II, М.-Л., 1947.

Долгих Б. О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1958.

Дульзон А. П., Чулымские татары и их язык, «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX, Томск, 1952.

Дульзон А. П., Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар, «Труды Томского педагогического института», т. X, Томск, 1953.

Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, изд. Академии наук СССР, М., 1951.
Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, М.-Л., 1937.
Окладников А. П., Древнее население Сибири и его культура. Сборник «Народы мира, Этнографические очерки. Народы Сибири», М.-Л., 1956.
«Очерки истории СССР, Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, М.-Л., 1953.
«Очерки истории СССР, Период феодализма, конец XV в. — начало XVII в.», М., 1955.
Потапов Л. П., Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953.
Потапов Л. П., Шорцы. Алтайцы. Сборник «Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири», М.-Л., 1956.
Прокофьева Е. Д., Ханты и манси. Ненцы. Селькупы. Сборник «Народы мира, Этнографические очерки. Народы Сибири», М.-Л., 1956.
Степанов Н. Н., Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России, Журнал «Вопросы истории», № 7, 1952.
Храмова В. В., Западносибирские татары. Сборник «Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири», М.-Л., 1956.
Чернецов В. Н., Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 35.
Чернецов В. Н. и Мошинская В. И., В поисках древней родины угорских народов. Сборник «По следам древних культур. от Волги до Тихого океана», М., 1954.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Разработка вопроса в исторической литературе 5
Источники (археологические и письменные) 16
Древнейшие насельники Западной Сибири 19
Жители тундры — самодийские племена 25
Угорские племена Западной Сибири 37
Селькупы Среднего Приобья 59
Тюркоязычные группы лесостепной и лесной полос Западной Сибири 70
Западносибирские татары. Татарские улусы и ханства в Западной Сибири. Сибирское ханство 100
Население Алтая под властью ойратских (западномонгольских) завоевателей 118
Географическое размещение населения Западной Сибири 128
Происхождение и значение термина „Сибирь" 132
Список рекомендованной литературы . . . 149

Зоя Яковлевна Бояршинова.

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДО НАЧАЛА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ.

Технический редактор *А. Т. Осовский.*
Корректор *Л. С. Калинина.*

*

КЭ02095. Сдано в набор 23.VI-1960 г.
Подписано к печати 10.XII-1960 г.
Форм. бум. 60x92 1/16. Печ. л. 9,5;
бум. л. 4,75. Зак. тип. № 3542.
Тираж 1000 экз.
Издательство Томского университета.
Томск, проспект Ленина, 34.
Цена 5 руб. 70 коп.
С 1/I-1961 г. 57 коп.

*

Областная типография полиграфиздата,
Киров, Динамовский проезд, 4.